Э. ВИЛЕНСКИЙ
М. ЧЕРНЕНКО

ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

Акт № 2

Проверена-56 г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Кг. 4-В44-В				

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476 -20000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

ПРОВЕРЕНА

Проверено-85

№ 2.

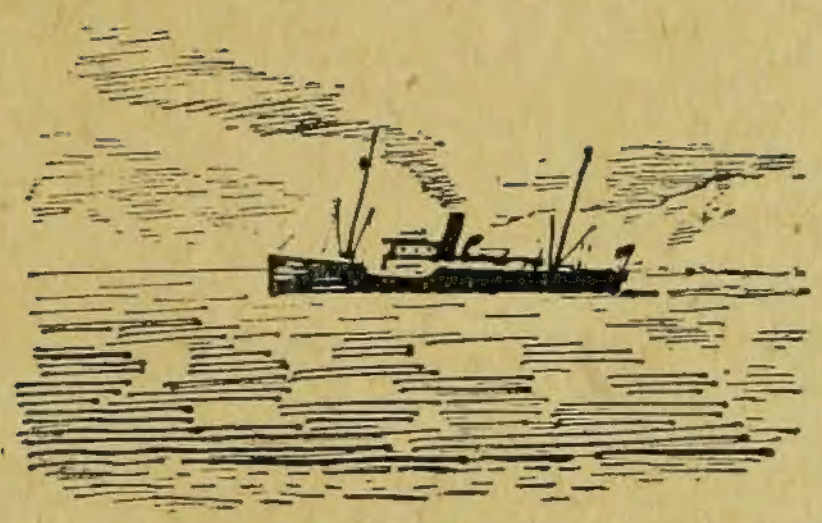
ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Э. ВИЛЕНСКИЙ
М. ЧЕРНЕНКО

Г4-7-II-34

ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

611



ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1939

Переплет, форзац, заставки и концовки художника Н. Ф. Лапшина

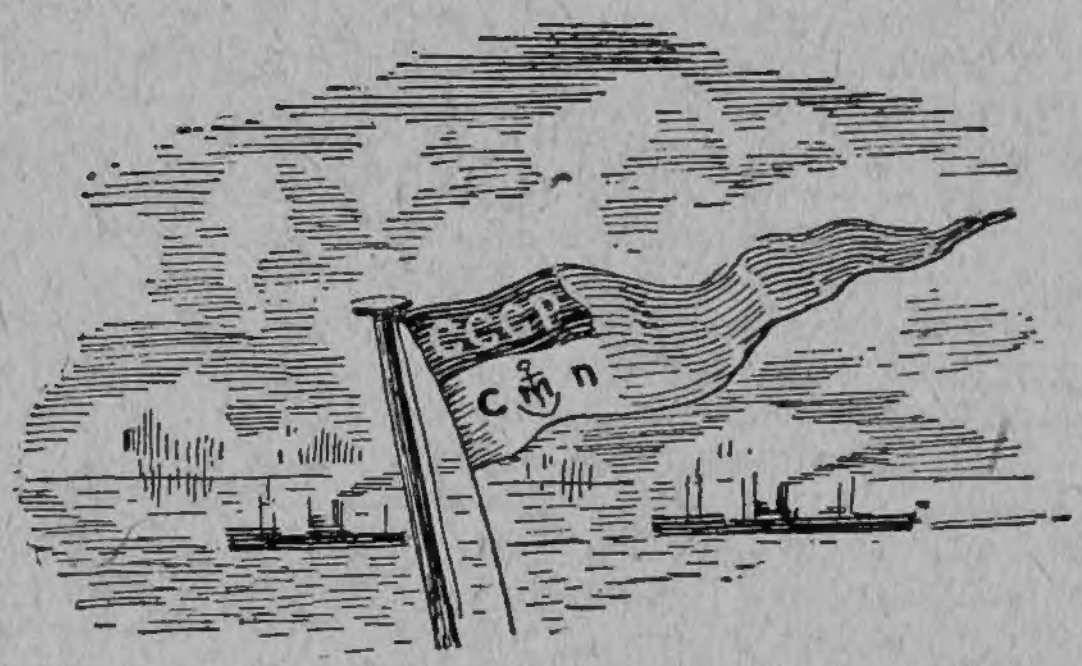
Отв. редактор *Д. В. Грибакин* Техн. редактор *А. А. Соловейчик*

Сдано в набор 13 июля 1938 г. Подписано к печати 26 декабря 1938 г.
Бум. 62×94. Печ. л. 17½. Бум. л. 8¾. Уч.-авт. л. 16½. 76 000 тип. зн. в 1 п. л.
Леноблгорлит № 5487. Тираж 10000 экз. Издание № 2. Заказ № 8210.

Типография „Ленинградская Правда". Ленинград, Социалистическая, 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Комната № 11 — 5
Река в океане — 11
«Садко» под советским флагом — 20
Выход в океан — 32
В Гренландском море — 42
Пловучая лаборатория — 52
Встречи на Острых скалах — 67
К северу от Шпицбергена — 87
Остров Белый — 100
Загадка «Земли Джиллиса» — 110
Русская Гавань — 123
У Греэм-Белла и на восток — 133
Открытие острова — 142
В белом пятне — 160
Полярник Георгий Ушаков — 171
На островах Неприметных — 209
Часы и минуты — 216
Белое пятно больше не существует — 230
Корабль будущего — 239
Югорский Шар — 249
Возвращение — 262



КОМНАТА № 11

На кривой, типично старомосковской улице, упирающейся одним концом в громадный серый дом Наркомтяжпрома, а другим в Красную площадь, находится Главное управление Северного морского пути.

Резкие звонки трамваев пролетают через маленький дворик, врываются в узкие темные коридоры и дверные щели.

Звонки смешиваются с гомоном людей, заполняющих коридоры. Тут можно встретить представителей любой специальности. Моряки, летчики, врачи, радисты, инженеры, забойщики, столяры, механики, каменщики, журналисты, агрономы, художники.

Многие недавно вернулись из далекого Заполярья и не освоились еще с назойливым трамвайным шумом и крикливыми автомобильными гудками. Приходят сюда и молодые полярники, готовящиеся сменить душные городские улицы и прокуренные комнаты учреждений на чистый морозный воздух северных просторов.

Встречаясь с полярными старожилами, молодежь жадно расспрашивает—нужно ли брать на зимовку кожаные брюки, какая дробь и какие пули понадобятся на Новой Земле, есть ли утки в районе Диксона, сколько идет корабль от Архангельска до Югорского Шара, где лучше заказать или приобрести геодезические инструменты, какие брать с собой меха... Тысячи вопросов обрушиваются на бывалых зимовщиков-путешественников. Они охотно отвечают, ибо хорошо помнят, как сами когда-то задавали такие же вопросы и потом нещадно ругали недобросовестных советчиков.

В переулках дома сталкиваются товарищи по зимовкам, по походам, по плаваниям. Здесь часто бывают сибиряковцы, седовцы, персеевцы, челюскинцы, литкенцы.

Мелькают лица—мужественные, радостные, бодрые, обветренные.

...В маленькой комнатушке № 11 не больше десяти квадратных метров, два стола, два окошка и много людей. Телефон беспрерывно звонит. Ананий Владимирович Остальцев, заместитель начальника высокоширотной экспедиции, кричит в трубку охрипшим от напряжения голосом.

Дверь все время впускает людей. Моторист-челюскинец Саша Погосов притащил ящик с прекрасными двухстволками и на столе подбирает стволы к ложам. Стволов оказывается больше, и Погосов в отчаянии; он решил, что на складе остались два ложа.

— Да посмотри по номерам, может быть стволы сменные,— вмешивается плотный широколицый человек в шлеме летчика и длиннополом кожаном пальто. Это известный полярный пилот Михаил Сергеевич Бабушкин — начальник авиазвена экспедиции.

Погосов успокаивается. Все в порядке. Стволы и ложа снова уложены в ящик, и Саша выбегает из комнаты, размахивая нарядом на шоколад с примесью орехов «кола».

Всегда спокойный Бабушкин размеренным голосом доказывает кому-то по телефону, что ему совершенно необходим еще один запасный авиационный мотор.

Рядом с ним—капитан Николай Михайлович Николаев. Уже пятый раз он спрашивает Остальцева, получена ли телеграмма из Архангельска о том, как идет сварка рудерпоста.

Звонят из Политехнического музея:

— Прибор Буткевича выдать не можем, приходите снять копию...

Фотограф Варламов проверяет накладные на пластинки, пленку, химикалии, фотобумагу.

На столе лежит папка, набитая документами. В папке нечто похожее на спецификацию товаров для какого-нибудь большого универмага. Здесь перечислено множество вещей, начиная от сапожной мази и кончая самыми точными и дорогими астрономическими приборами...

Через маленькую комнатку № 11, отведенную под штаб экспедиции, проходят сотни и тысячи заказов. Вся страна связана с этой комнатушкой. Заводы, фабрики Ленинграда

и Одессы, Тифлиса и Гомеля, Симферополя и Свердловска,— все они участвуют в снаряжении экспедиции. Разнообразнейшие институты, мастерские, специалисты, мастера и изобретатели внесли свою лепту в оснащение «Садко».

Высокоширотная экспедиция рассчитана на четыре месяца. Но ведь Арктика не всегда гостеприимна, надо ко всему подготовиться, все предусмотреть. Какая-нибудь забытая мелочь может решить участь экспедиции. Поэтому люди в комнате № 11 думают не только о научных приборах и аппаратах.

Для каждого из участников экспедиции взяты:

Брезентовый костюм
Брезентовый плащ
Брезентовые рукавицы — четыре пары
Суконный костюм
Рабочие хлопчатобумажные костюмы — две пары
Ватный костюм
Свитер
Теплое белье — три пары
Полотняное белье — три пары
Простыни — две штуки
Пододеяльники — две штуки
Наволочки — две штуки
Полотенца — три штуки
Носовые платки — пять штук
Шарфы
Варежки
Шерстяные носки — две пары
Шерстяные чулки — две пары
Перчатки
Полушубки
Валенки
Меховая шапка
Легкая шапка
Малицы
Меховые сапоги
Меховые чулки
Спальный меховой мешок
Меховые рукавицы
Кожаные рукавицы — две пары
Одеяла
Болотные сапоги
Резиновые сапоги
Армейские сапоги
Экспедиционные ботинки
Полотняные портянки
Суконные портянки
Темные очки
Рюкзаки
Меховые рубашки
Верхние меховые брюки
Нижние меховые брюки

Уже отправлены в Архангельск девять разборных домов — на случай зимовки или вынужденной высадки на лед, электрические плитки, резиновые надувные лодки, которые легко переносятся и свободно держат на воде трех человек.

В архангельское отделение Арктикснаба отправлены наряды на муку, разнообразные консервы, яичный порошок, папиросы, табак, махорку. Заказан лимонный сок, картофель, масло, сало, колбаса, ветчина, сыр, мясо, живой скот, какао, крупа, кофе, чеснок, лук, огурцы... Да разве можно привести весь список, находящийся в руках Остальцева и испещренный птичками и крестиками.

Каждого садковца, независимо от его специальности, Остальцев мобилизует для ликвидации «прорывов». Фотограф только что принес ноты для фортепиано и хорового пения. Он кладет

пакет на стол и пытается незаметно улизнуть. Остальцев замечает его хитрость.

— Что ты купил? Наверное барахло?

— А разве я понимаю что-нибудь в колоратурах,—обиженно отвечает Варламов.

— В ко-ло-ра-ту-рах,—передразнивает Остальцев, рассматривая покупку.

К счастью, подбор удачен. Варламов сознается, что ноты подобрала ему продавщица.

Нужна листовая трехмиллиметровая латунь. Врач Гагарин отправляется за латунью.

Хочется заполучить новейшую модель советского проекционного узкопленочного аппарата и подобрать фильмы. Полярники—народ требовательный. Надо выбрать картины так, чтобы все были довольны. С Ушаковым и Остальцевым мы отправляемся на склад. Заведующий дает списки. Отбираем кинодрамы, комедии, фильмы о Севере, о южных знойных странах...

Вообще на «Садко» не будет скучно. Пианино, патефоны, гитары, мандолины, китайские биллиарды, библиотека, домино, шахматы, шашки, кинофильмы, стрелковый тир, радио—все это скрасит длинные мили пути и часы стоянок.

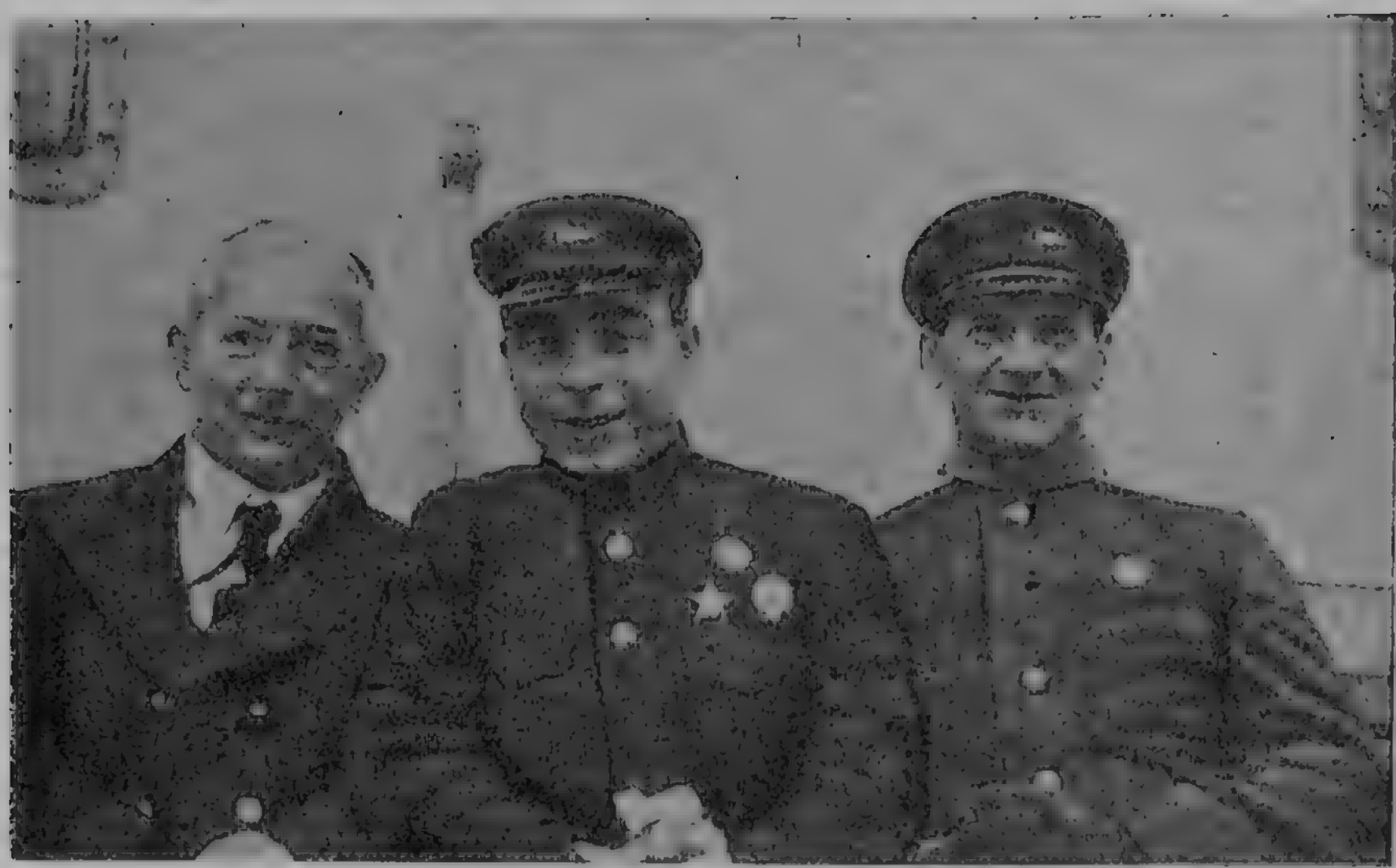
Просматривая списки экспедиционного снаряжения, бесчисленные накладные, счета и дубликаты, невольно вспоминаешь горькие слова знаменитого полярного исследователя Бэрда, организовавшего в 1928 году экспедицию к Южному полюсу. Этот мужественный человек переживал при снаряжении экспедиции самые унизительные минуты. Его дневник, помеченный 28 сентября 1928 года, начинается словами, как нельзя лучше говорящими о мытарствах ученых в капиталистических странах:

«Время пришло, пора отправляться на юг. Последний доллар, который мне удалось выпросить, получен».

Бэрду приходилось выпрашивать каждый цент, уходивший на снаряжение экспедиции. Экспедиция Бэрда прибылей не сулила. Какой же капиталист вложит деньги в предприятие, которое может окончиться гибелью экипажа или, в лучшем случае, принесет лишь благодарность исследователя?

Бэрд сколачивал свой бюджет по грошам, доставая средства всяческими путями. Но денег все-таки нехватало. Ему пришлось от многого, даже необходимого, отказаться.

«Мы высчитывали,—пишет Бэрд в своих воспоминаниях,—вычисляли и обсуждали до головокружения; мы делили и под-



Руководители первой советской высокоширотной экспедиции на ледоколе «Садко»—начальник экспедиции Г. А. Ушаков (в центре), заместитель начальника по научной части проф. Н. Н. Зубов (слева) и капитан «Садко» Н. М. Николаев (справа).

разделяли до энной степени; мы составляли планы в мировом масштабе, создавая как бы идеальный проект экспедиции, снабженной самым усовершенствованным инструментарием для сбора научных материалов... И эти планы мы мучительно урезывали до более скромных размеров, определяемых нашими финансовыми возможностями. Сперва мы отказались от всякого излишества, затем от менее существенного, пока, наконец, не достигли гранитного уровня несократимого минимума».

В таких условиях Бэрд готовился к своему трудному и опасному походу. Газеты кричали, что Бэрд излишествует, расточительствует, создает на своих кораблях ненужную роскошь, комфорт и богатство. А Бэрд, лишая себя и своих спутников самого необходимого, был «занят с раннего утра до поздней ночи самым неприятным делом в мире—добыванием денег, фактически выпрашиванием милостыни».

Почти все величайшие исследователи мира, не располагавшие собственными средствами, проходили через тяжелые унижения, вымаливая деньги для своих научных работ. И если Бэрд написал: «...сбор денег для полярных экспедиций—

всегда трудная задача, мне не случалось встретить исследователя, который не разорился бы...», то он был совершенно прав, ничего другого он в капиталистических странах увидеть и не мог.

Мы счастливее Бэрда.

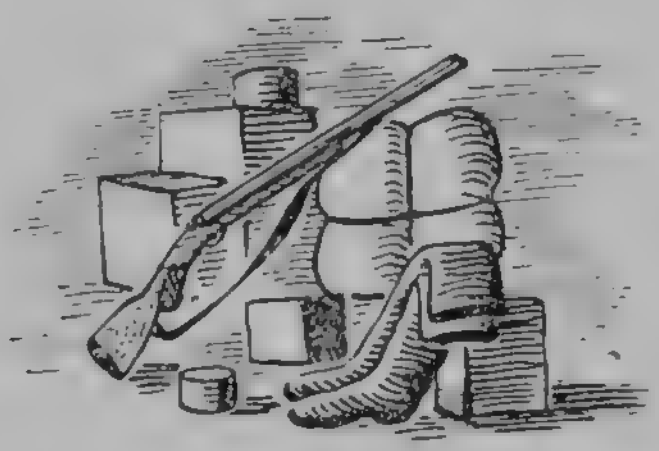
В соседней комнате, рядом с нами, работает О. Ю. Шмидт. В нашу комнату очень часто заходит начальник экспедиции Георгий Алексеевич Ушаков. Вот сидит Н. Н. Зубов. Сколько тысяч миль проплыли и прошли эти люди, сколько открытий сделали они, и никто из них не разорился. Бэрд, вероятно, немало был удивлен, узнав, что в СССР научные экспедиции снаряжаются и финансируются государством и общественными организациями. Сколько творческих сил и энергии экономит наша страна, избавляющая советских исследователей от необходимости «доставать» деньги. Советский ученый и путешественник свои силы и свое время посвящает целиком научным работам.

Десятки и сотни людей предлагают свои услуги для участия в экспедиции. Ученые и студенты, инженеры и молодые рабочие шлют письма с просьбами взять их в плавание. Приходят предложения из-за границы. Один крупный бельгийский ученый написал Ушакову:

«Согласен быть на Вашем корабле даже уборщиком, чтобы участвовать в такой интересной экспедиции...»

...Горячие минуты, горячие дни. Они подходят к концу. 19 июня 1935 года московская группа участников экспедиции, провожаемая друзьями, родственниками, товарищами по работе, выехала в Архангельск.

Где-то за Вологдой, когда установилась вагонная бивуачная жизнь, к нам в купе зашел Николай Николаевич Зубов — профессор и заместитель начальника экспедиции. Заговорили о Севере, о льдах, о водах Арктики, о великой теплой реке — Гольфстриме.



РЕКА В ОКЕАНЕ

Морские течения подобны рекам. Глубокие и широкие, они текут в морях и океанах, сохраняя на протяжении десятков тысяч километров не только свои границы, берега, но тепло и фауну. В далекие арктические моря заносят воды Атлантики белоглазых креветок и усатых рачков, уроженцев южных морей.

Весной 1498 года, через несколько лет после открытия Америки Колумбом, в годы царствования в России Ивана III, четыре небольших корабля смелого английского наемника, венецианца Себастиана Кабота, достигли Тресковой Земли.[1] Отмели кишели рыбой. Высадив поселенцев, Себастиан Кабот, как повелевал указ английского короля, пошел дальше на север, пытаясь отыскать дорогу в легендарное царство пряностей и золота—в Индию и Китай.

По-июльски высоко стояло солнце. Но вопреки обычаю и рассудку, невидимый край приветствовал южан грозным и непонятным явлением: в свете яркого солнца навстречу англичанам плыли льды. Обледеневали паруса. Больше всего поразило моряков то, что корабли у берегов сами двигались на север, влекомые непонятной силой. А льдов становилось все больше и больше. Испугавшись, моряки Кабота повернули обратно—в Англию.

Через триста лет, в 1770 году, пришлось удивляться Франклину. Гениальный физик, один из основателей Североамериканских Соединенных Штатов, был тогда почт-директором Американ-

---

[1] Тресковой Землей был назван Ньюфаундленд, открытый в 1460 году португальцем Кортереалем.

ских штатов. Его озадачило то, что почта из Америки в Европу приходила на две недели позднее, чем торговые суда. Почтовыми кораблями командовали английские моряки, а торговыми — американцы. Позже Франклин узнал, что американцы, смолоду интересовавшиеся окружающими Америку морями, давно обнаружили могучую океанскую реку-течение и пользовались силой этой реки.

Ученые гидрологи и мореплаватели проследили пути течения, его берега-границы и нанесли их на карты. Остатки судов, потерпевших аварии, специально выброшенные бутыли и деревянные буи помогли узнать направления и скорости реки, текущей в океане. По предложению Франклина она была названа Гольфстримом — течением из залива.[1]

Замечательная океанская река эта рождается под прекрасным тропическим солнцем Флориды, в огромном многоводном ковше Мексиканского залива. Залив наполняется водами, которые гонят с экватора стремительные северо-восточные ветры — норд-остовые пассаты. Осолоненные испарением и накаленные солнцем,[2] воды эти через единственное узкое горло Флоридского пролива выбрасываются в океан, в Атлантику. Более плотные, чем воды океана, они не смешиваются с ними. Великая теплая река течет в океане так же, как текут реки на материке.

Грандиозная турбина Мексиканского залива, не останавливаясь, без перебоев, работает круглый год. Вырываясь из пролива, густосиние воды Гольфстрима силой вращения земли прижимаются к восточным берегам Северной Америки. Они продвигаются на север, захватывая по пути многоводное Антильское течение. Волга и Енисей во многом уступают своему океанскому собрату. Свыше пятидесяти километров в ширину и семисот метров в глубину в теплые месяцы занимает Гольфстрим у своего истока. Со скоростью до 2,5 метра в секунду (девять километров в час) течет эта необычайная река. Девяносто кубических километров воды выносит она в час из Флоридского пролива, в семьдесять шесть тысяч раз больше, чем одна из наиболее многоводных и стремительных наших рек — Нева.

У мыса Гаттерас, лежащего на тридцать пятой северной параллели, Гольфстрим отрывается от берегов американского континента. Течение уходит на восток, пересекая Атлантику.

---

[1] Гольф — залив, стрим — течение.

[2] Соленость вод Гольфстрима у Флориды достигает 36,5‰, а температура 30° по Цельсию.

Река индиго-синяя, порой нежноголубая, гигантски вырастает в ширину. Размах течения достигает семисот километров!

Под сорок пятым градусом северной широты теплые воды Гольфстрима впервые встречают холодное Лабрадорское течение. Плотные, непроницаемые туманы укрывают места этой встречи. Ожесточенная борьба тепла и холода, поединок посланцев солнечной Флориды и морозной Арктики разгорается здесь. Как могучее дерево, раскинувшее крону своих ветвей, разделяется отсюда Гольфстрим на множество потоков.

Одна из ветвей идет к бурному Бискаю, потом на юг, вдоль западных берегов Африки, оттуда на запад, замыкаясь в кольцо, окружая барьером течений Саргассово море, эту малоподвижную часть Атлантического океана. Три года воды Гольфстрима совершают свой путь вокруг этого озера в океане, являющегося центром великого атлантического круговорота. Сюда собирает свою жатву океан: стволы деревьев, поваленных ураганами в Андах и смытых наводнениями или водами Амазонки, обломки кораблей, сломанные рангоуты, разбитые корпуса, шлюпки и бочки, сорванные штормом с палубы судов. Озеро это можно было бы назвать кладбищем океана. Но имя ему дали пловучие водоросли — по-испански sargasse, собравшиеся здесь в неисчислимом количестве и образующие почти непроходимые для корабля морские саванны. Корабль Колумба, попав в Саргассово море, принужден был пробиваться в них долгие три недели, к великому страху команды, пораженной непонятным растительным изобилием моря.

Другая ветвь Гольфстрима пробивается на северо-восток к берегам Англии и Франции. Третья уходит на запад, обогревая своим дыханием мрачные границы Ньюфаундлендских банок, где на стыке холодных и теплых вод вырос мировой центр трескового промысла. Далее эта ветвь идет к западным берегам Гренландии, где под высокими северными широтами не замерзают бухты и зеленеют берега.

Однако главные массы теплой атлантической воды устремляются дальше, к северо-востоку. Перевалив через высокий подводный порог между Шотландией и Фаррерскими островами, они врываются в Северную Атлантику—в море, которое англичане называют Гренландским, а скандинавы—Норвежским.[1]

---

[1] Ученые не считают возможным называть эти теплые воды именем Гольфстрима. В самом деле, великая океаническая река, начавшаяся у берегов Флориды, вбирает в себя по дороге немало многоводных потоков. Воды, приходящие в Гренландское море, принято называть теплым Атлантическим течением, и только условно, с некоторыми погрешностями против истины, мы позволили себе кое-где называть их водами Гольфстрима.

У северных берегов Норвегии атлантические воды вновь разделяются. Одна ветвь идет дальше на север, вокруг Шпицбергена, и уходит в полярный океан. Другая входит в советские территориальные воды, в море Баренца и направляется к Новой Земле. Вот почему известны случаи, когда у новоземельских берегов находили наконечники стрел американских туземцев, а под восьмидесятым градусом северной широты волны выбрасывали на лед семена вест-индских мотыльковых растений.

Северные пути Гольфстрима до последних лет оставались неизвестными. На картах течение обрывалось у северо-восточного побережья Шпицбергена. Разведать его трассу предстояло нашей экспедиции. В этом был не только научно-географический, но и огромный прикладной, народнохозяйственный интерес.

Полярные исследователи установили, что Гольфстрим и его продолжения—Атлантическое, Норвежское и Нордкапское течения—не остаются неизменными. Их температура, соленость и скорости изменяются из года в год. Колебания имеют или короткий, или длинный период. Своим благотворным дыханием теплые течения обогревают Западную Европу, Скандинавию и СССР. Ранняя весна и обилие летних дождей, затяжная осень и теплая зима, необычное цветение растений и «внеплановый» ход рыбы—все эти, да и многие другие, порой совсем неожиданные, изменения в природе и климате зависят от «потепления» или «похолодания» в прошлом сезоне вод Гольфстрима. Почти вся Европа живет за счет тепла, расточаемого солнцем далекой Мексики и Флориды.

В одном из научно-фантастических романов[1] потомок древних повелителей Мексики, уничтоженных в XVI веке белыми колонизаторами, император и царь ацтеков Монтецума III, пытается отомстить европейцам, воздвигнув в узком проходе Флоридского пролива стену из быстро растущих кораллов. Стена преградила путь Гольфстриму, заперла его на замок. И тогда неожиданная волна холода обрушилась на Европу. Град и снежные бураны опустошили Бельгию, Францию, Англию, засыпали эти страны снежным покровом толщиной в полтора—два метра. Погибали фруктовые сады и поля. От снежных заносов прекратилось движение поездов и автомоби-

---

[1] Роман французского писателя Жака Тудуза «Человек, который украл Гольфстрим».

лей. Замерзли порты, и вышли из берегов реки. Вымирали города, лишенные подвоза съестных припасов. У Бретонского побережья появились громадные стада моржей, тюленей и кашалотов. Ледовые горы—айсберги—заполнили море у берегов Америки и Вест-Индии. Со страшным постоянством морозы распространялись по всему западу европейского континента, и все попытки людей бороться с катастрофой ни к чему не приводили. В то же время Испания, Балеарские и Азорские острова задыхались от небывалой тропической жары.

Это смелый фантастический вымысел. Но если когда-либо смогла бы осуществиться дикая мысль о закрытии Флоридского пролива, это было бы бедствием, с которым не сравнить ни одну самую сокрушительную геологическую катастрофу на нашей планете. Человечество Европы было бы отброшено назад в ледниковый период. Веками установившийся климат был бы сломан неудержимым наступлением полярного холода, людям оставалось бы лишь скитаться, как диким бездомным зверям, и вымирать.

Пока что Монтецума III существует лишь в произведении размечтавшегося писателя. Синяя река отепляет Европу. На далекий Север Гольфстрим приходит законодателем погоды, огромной движущейся сокровищницей тепла, обогревающей арктические воды и воздушные просторы.

На севере у границ Ледовитого океана Гольфстрим проходит к берегам Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Северной Земли. Острова эти выброшены впереди материка гранитным барьером. В проливах-просветах барьера борьба теплых и холодных вод завязывает узлы погоды, которые диктуют условия плавания вдоль всего побережья от Баренцова до Берингова моря. Поэтому судьбы Северного морского пути, освоенного большевиками, неразрывно связаны с изучением и научным обследованием высоких арктических широт. Туда, за восьмидесятую параллель, где обрываются трассы почти всех полярных экспедиций, и держит свой путь «Садко». Выше лежат загадочные белые пятна. Их посещали только одиночки-смельчаки.

До последних лет человечеству оставалась хорошо известной только узкая полоса Ледовитого океана—вдоль побережья Евразии. Нансеновскому «Фраму» («Вперед») сорок лет назад удалось перейти эту границу прибрежных морей. Нансен решил вторгнуться в заповедные края Полярного бассейна. Он мечтал достичь Северного полюса. Свободным плаванием он

вошел в полярные льды, уверенный, что вечный дрейф паковых льдов с востока на запад пронесет судно через Полярный бассейн, а возможно даже через полюс.

Экспедиция Нансена—гениальная победа своего времени. Он, правда, не достиг Северного полюса, но трехлетнее плавание «Фрама» дало очень много. Нансен доказал, что центральную часть Полярного бассейна заполняет не суша, а глубокое море. На склонах этого моря он нашел течение теплой воды и высказал предположение, что такое течение есть продолжение великого атлантического Гольфстрима. Но методы исследования и научное оборудование в те времена были весьма несовершенными. Нансен не смог раскрыть тайну жизни Ледовитого океана, он не смог заглянуть в глубину вод...

Много с тех пор испробовано подступов к сердцу полярных стран. Для географического изучения высоких широт полярных морей попрежнему наиболее удобным остался обычный корабль, оборудованный для продолжительного плавания. Но корабль этот не должен дрейфовать, зажатый льдами, как нансеновский «Фрам». Корабль должен свободно плавать, пробираясь к северу, используя колебания ледовитости северных морей.

Ледоколы часто попадали в тяжелейшие льды еще в центре Баренцова моря. На пути к Земле Франца-Иосифа льды зажимали суда, ледоколы получали вмятины корпуса и с трудом вырывались обратно. В другие годы, в тех же районах моря, наблюдались совершенно иные условия плавания. В августе 1923 года небольшой трехсоттонный «Персей» подошел к Земле Франца-Иосифа, а оттуда к северной оконечности Новой Земли, нигде не встретив льда. В 1925 году маленький пятидесятитонный моторно-парусный «Элдинг» спокойно обогнул Новую Землю. В 1927 году «Персей» обошел Новую Землю, а «Элдинг» от мыса Желания прошел свободно к Земле Франца-Иосифа и обратно.

Объяснение этих только с первого взгляда непонятных изменений в режиме льдов приходится искать в действии теплого Атлантического течения.

Эти теплые воды омывают огромные пространства. В западной части Арктики из-за действия Гольфстрима льды встречаются значительно севернее, чем в восточной части. А под шестьдесят девятым градусом северной широты лежит незамерзающий Мурманский порт.

Капитану трудно быть объективным: ему всегда кажется, что самые тяжелые льды встретились на его пути, а самые легкие—на пути соседа. Но есть объективные данные, кото-

рым нельзя не верить. Средние температуры атлантических вод за последние годы держатся на 0,8 градуса выше, чем за период 1900—1906 годов. Каждый грамм воды нагревает, примерно, три тысячи кубических сантиметров воздуха. Если учесть просторы Баренцова и Гренландского морей, с их глубиной, достигающей в последнем полутора тысяч метров, легко понять, что значит даже самое небольшое изменение температуры в этой «печке Европы». Повышение температуры вод этих морей равносильно геологическому перевороту.

Итак, потеплело Нордкапское течение, и соответственно за последние годы среднее количество льдов в море Баренца уменьшилось свыше чем на двадцать процентов. Судить о состоянии льдов в этом море можно хотя бы по картам Датского метеорологического института. Ежегодно, начиная с 1898 года, они составляются по донесениям плававших судов.

Никогда раньше треска не достигала берегов Земли Франца-Иосифа. Теперь она там ловится. Изменилась жизнь на глубине морей. Об этом говорят образцы, которые приносят драги и глубоководные приборы. Центр рыболовного промысла переместился на север—в Баренцово море, в район острова Медвежьего.

В лоциях отмечено, что языки ледников на Земле Франца-Иосифа, на Шпицбергене, на Новой Земле отступили от берегов за последние тридцать—сорок лет на две-три мили. Многие ледники уменьшились наполовину. На острове Ян-Майене мощные ледники опускались раньше далеко в море. В последние годы там были найдены лишь небольшие ледовые язычки, не доходившие до береговой черты.

На общем фоне потепления Арктики бывают, конечно, более или менее ледовитые годы. Так, например, в 1929 и 1933 годах в западном секторе Арктики льдов было много, в 1931 и 1932 годах, наоборот, очень мало. Советские полярники научились предвидеть ледовитость по многим признакам. Чем выше температура Нордкапского течения зимой и весной (для сравнения берут данные по Кольскому меридиану), тем меньше льдов в Баренцовом море в последующие лето и осень.

Еще в 1930 году для проникновения в высокие широты Баренцова моря впервые избрали время, когда температура Нордкапского течения интенсивно росла и оказалась намного выше средней. Температура течения начала повышаться с конца 1929 года, и тогда же зародилась мысль об экспедиции в трудно доступную северо-восточную часть моря. 4 сентября 1930 года

611

маленький моторно-парусный бот «Книпович» начал свой поход. В эти дни даже птицы возвращались на юг. Пройдя по самым ледовитым районам Баренцова моря, бот нигде не встретил льда и достиг 81° 21′, посетил Землю Франца-Иосифа. В 1931 году потепление Нордкапского течения продолжалось. Тот же «Книпович» глубокой осенью по чистой воде достиг 82° 05′ (рекорд «Красина» 1928 года—81° 47′).

Потепление Арктики постепенно распространялось на восток. Изменение у Бергена сказалось через год в Баренцовом и Карском морях, а через четыре года в климате Сибири. В 1932 году, продвигаясь на гребне волны потепления, «Книпович» обогнул с севера Землю Франца-Иосифа.

Затем наступило некоторое ухудшение ледовых условий. Но уже в 1934 году экспедиция на «Персее» успешно пересекла Гренландское море, видела остров Ян-Майен, обогнула с севера Шпицбергенский архипелаг, прошла проливом Хинлопен, побывала на Земле Франца-Иосифа. Громадный материал, собранный этой экспедицией и полярными станциями, позволил с большой уверенностью строить ледовый прогноз.

«1935 год по своей ледовитости будет благоприятным для всего побережья Советской Арктики»,—гласил он.

Пользуясь благоприятными условиями, экспедиция на «Садко» попытается проникнуть подальше на север. Надо накопить знания для того времени, когда похолодание выдвинет дополнительные трудности перед судами арктической навигации.

Экспедиция не ставит себе задачи рекордного прохождения на восток или на север. Для науки выгодно иногда вернуться обратно, посмотреть еще раз, чтобы в ее работах не оставалось пробелов. В наших отчетах не будет места пометкам: «интересно, но недостаточно изучено».

В составе экспедиции—работники Академии наук, Всесоюзного института океанографии, Гидро-метеорологического института, Арктического института, Гидрографического управления. В шутку мы называем себя «сборной СССР».

Наши лаборатории оборудованы новейшими приборами. Гидрология, биология, химия, физика моря, геология, гравиметрия, метеорология, взрывное дело, навигация, поведение корабля и т. д. и т. д.—все эти области науки представлены на корабле. Экспедиция подготовлена к плодотворной научной работе даже в случае вынужденной зимовки.

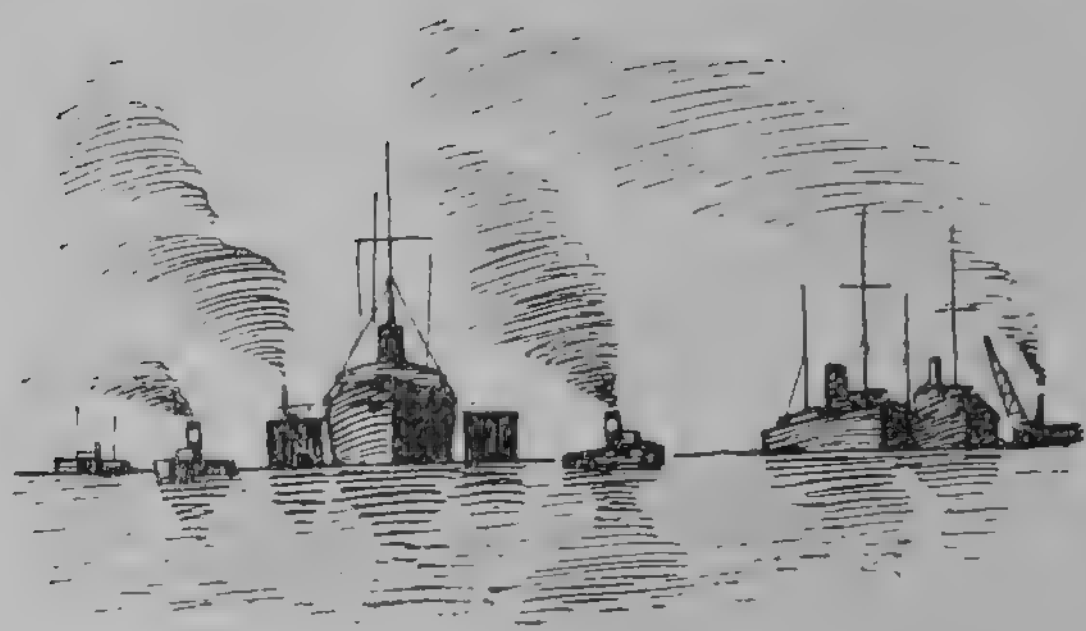
Работа предстоит не маленькая. От садковцев ждут подробных данных о путях распространения атлантических вод,

о взаимодействии их с холодными течениями и льдами Арктики, наконец, разработки новой тактики плавания во льдах.

Когда-то в северных морях успешно плавали многочисленные парусники. Только сейчас полярники начинают понимать всю мудрость их ледовой тактики. Парусники были ограничены выбором курса, они вынуждены были лавировать по ветру, располагая паруса перпендикулярно ему. А сейчас мы знаем, что льды и ледовые разводья располагаются перпендикулярно ветру. Парусники невольно приноравливались к разводьям и не штурмовали льды ударом в лоб.

Разводья образуются также от приливных, отливных и постоянных течений. Найти эти разводья, предугадать их «поведение»—это значит наполовину справиться со льдами. В сознание наших моряков внедряется уже понимание необходимости разведки льдов, понимание того, что мужество часто заключается не в лобовом наступлении, а в умении выждать, а иногда и отступить, для того чтобы во-время начать успешное продвижение по маршруту.

Новая нарождающаяся ледовая тактика пережила несколько этапов. Была эпоха великолепной тактики парусников, но тогда была слаба техника, слаба мощь самого судна. В конце XIX столетия адмирал Макаров—строитель первого ледокола—мечтал пробиться «напролом к полюсу», прямым курсом. Это была эпоха новой техники, но без должной тактики. Теперь советские ледоколы и мореплаватели открывают новую эпоху, когда к великолепной технике должна прибавиться новая великолепная тактика...



«САДКО» ПОД СОВЕТСКИМ ФЛАГОМ

В Архангельске круглые сутки светит тусклое северное солнце. Оно прячется лишь на часок. В полночь фотографы снимают без магния, а в центре города, в небольшом садике, продолжают прыгать с вышки неутомимые парашютисты. В нашей кают-компании часы разграфлены не на двенадцать, а на двадцать четыре деления. Скоро мы пойдем на Север, в царство льда и полярного дня. Часы тогда будут единственным прибором, который поможет отличить полночь от полдня...

Архангельск—это ворота Арктики. Сотни раз отсюда уходили в Арктику ледокольные пароходы, грузовозы и угольщики. Линейные ледоколы и ледорезы направлялись на борьбу со льдами, на проводку караванов. Отсюда уходят корабли с научно-исследовательскими партиями, со сменами зимовщиков, с продовольствием, оружием и одеждой для далеких полярных зимовок. Все они отправляются в походы, щеголяя свежестью только что окрашенных бортов. Когда корабли приходят обратно с добычей полярных рудников, с уловом рыбы и зверем, добытым промышленниками-зверобоями, нет у них былой свежести. Потертые борта красноречивее слов рассказывают о борьбе славных кораблей с властелином Арктики—полярным льдом.

Берег острова Соломбала образует извилистые, широкогорлые бухты. Причалы подходят к цехам судоремонтного завода «Красная кузница». Стены цехов окурены копотью. Уже издалека видны силуэты многочисленных кораблей. Моряки различают суда по трубам. Низкорослые и высокие, сплющенные,

как сигары, и вытянутые вверх, они несут красные, голубые, белые полосы—знаки своих хозяев.

«Садко» находится в огромной железной коробке сухого дока «Красной кузницы». Корабль залечивает больные места—рудерпост и ахтерштевень. Это—кормовые подводные части корабля.[1] У железной обшивки корабля круглые сутки работают ударники завода. В руках у них, как у волшебников, возникают узелки яркого голубого пламени. Рабочие напоминают врачей, а огни электросварки—живительные лучи кварцевых ламп.

Команда и часть экспедиционного состава живет уже на корабле. Плотники и столяры заканчивают оборудование лабораторий, прибивают полочки, стойки, держатели для инструментов, ящики для будущих проб. Маляры накладывают последние мазки краски...

Первый толчок корабля мы ощутили 26 июня, ровно в восемнадцать часов тридцать минут. Буйные струйки воды помчались по дну дока. Плыли стружки, обрывки пакли. Напору воды сопротивлялись только бревна, предусмотрительно посаженные на привязь. Но через несколько минут и они бестолково тыкались в борта дока и корабля, сбитые с места неожиданным наводнением.

Берег уже отступил. Между берегом и доком образовался быстрый поток, перед которым в недоумении толпились люди в синих кителях. Они опоздали к моменту выхода «Садко» из дока. Теперь им придется подождать. Отойдя от берега, док выбросил якорь. Две его стены высились вровень с «Садко». Порывисто стучала машина. Из тонкой трубы выбрасывался дым, клочья которого похожи на лохматых серых зверьков.

Пока мы рассматривали дымовые причуды, внизу исчезли последние подкильные подкладки. Стены, конвоирующие нас, стали ниже, приземистее. Пловучий док «Красной кузницы» опускался в воду. Последним мостиком с корабля на док остался временный трап—четыре доски с планками вместо ступенек.

Вешняков—плечистый, крепкий матрос—поднял первую из досок, решительно дернул ее на себя и, толкая вперед, двинулся по крутому настилу, потом взял вторую доску и вернулся за третьей. Пятипудовую, неуклюжую кладь Вешняков толкал обеими руками. Шел он по одной доске. Трап (если

---

[1] Ахтерштевень — брус, образующий заднюю оконечность корабля; рудерпост—стержень, несущий руль, держатель руля.

можно так назвать единственную оставшуюся доску) гнулся и пружинил. Вниз до воды было метров десять. Казалась поразительной такая кошачья ловкость. Штурман назвал ее «морской сноровкой».

Красавец-корабль, уже до половины погруженный в воду, выжидающе застыл. Распорки еще упирались в его бока. По стене дока[1] флегматично прохаживался старик-докмейстер. К нам доносился напев простенькой песенки. Он мурлыкал ее, равнодушно выбивая одни за другим клинья распорок. Старик на своем веку, вероятно, выпустил из дока не одну сотню судов. Стены дока испещрены названиями: немецкими, норвежскими, русскими. Одно из них, написанное белилами, хорошо выделяется: «Садко» 29/VI 1934 г.»

Это дата выхода судна из первого ремонта после подъема его Эпроном.

Бревна распорок падали вниз. Внезапно, словно почуяв волю, плавно раскачиваясь, корабль сошел с подкильных прокладок.

Стены дока теперь казались двумя огромными подводными лодками, эскортирующими корабль. Но «Садко» спешил, он обгонял свою стражу и быстро выплывал вперед, увлекаемый двумя маленькими пароходиками, трубы которых отмечены голубой повязкой и вензелем «Э».

Экспортлесу принадлежат на Двине лучшие буксиры...

«Садко» прошел мимо причалов «Красной кузницы».

Вот стоит старый гидрограф «Таймыр», построенный в 1909 году. Он очень потрепан, но сохранил красоту военного корабля. Нос у «Таймыра» чуть изломан и падает вниз красивой хищной линией. Его не могут раздавить льды—закругленное в обводах судно при сжатии выскользнет наверх. Проходим мимо «Малыгина», «Седова», «Русанова». Сколько замечательных походов отмечено в истории их плаваний? Сейчас «Садко» входит равноправным собратом в семью ледокольного советского флота.

К высоким широтам! Это уже вторая по счету экспедиция обновленного «Садко». Вспоминается его первое испытание после семнадцатилетнего пребывания на дне моря, его первое, настоящее ледовое крещение в Карском море под советским флагом. Это было всего лишь год назад—в 1934 году.

---

[1] Док — это огромная коробка без передних стенок. В боковых стенах помещаются резервуары. Туда при затоплении дока накачивается вода, а при подъеме — выкачивается.

22 июля «Садко» вышел из Архангельска. Через Маточкин шар и Диксон путь его лежал к мысу Оловянному на Северной Земле, где должна была организовываться новая полярная станция.

«При недостижении мыса Оловянного для высадки зимовки итти к острову Уединения», гласила инструкция. Позднее жизнь внесла в план существенные поправки. Самолеты не смогли снять с острова Домашнего зимовщицу И. Демме. «Садко» попытался пройти к острову Домашнему.

Но попытаться, это не значит пройти.

В лексиконе полярных мореплавателей есть суровое слово «дрейф».[1] Как и многие другие термины современного пароходства, это слово перекочевало к нам из времен древнего парусного петровского флота. Энциклопедии и справочники свидетельствуют:

«Дрейф—это неизбежное уклонение в сторону от прямой линии пути, когда судно сносится вбок (дрейфует) ветром или сбивается сильной волной. Лечь в дрейф значит расположить паруса так, чтобы судно не имело поступательного движения вперед. При этом часть парусов под действием ветра движет судно вперед, а другая часть—назад, в результате чего судно остается на одном месте».

Иначе говоря, лечь в дрейф в старину значило оставить судно на волю воли, не бросая якорей и не убирая парусов.

На севере знают еще о другом дрейфе—дрейфе во льдах. Зажатое со всех сторон судно становится пленником арктической пустыни, пленником не на час, не на день, а на много часов и дней, пока не разойдутся холодные объятия льдов. Молчаливая белая гористая область окружает корабль. Обледеневший корабль напоминает затейливый торос, которых так много вокруг.

Торос этот неподвижен и сумрачен. И нет, кажется, силы, способной разбить окружающее его глухое и страшное молчание пустыни.

Утром бьет сигнальная рында. Цепочка людей строится на гимнастику. В положенные часы люди, закутавшиеся в малицы, выходят к шестам, вбитым в лед, производят какие-то подсчеты. Тянется долгий полярный день. Вечером одиноко запевает патефон. Потом приходит ночь. Фантастические сияния начинают величественную борьбу на потемневшем небе. Феерия огня вспыхивает и потухает отблеском далеких битв. И не вырвись

---

[1] Дрейф по-английски — сносить, относить, гнать.

корабль из ледового капкана, быть ему вечным пленником льдов...

«Садко» шел на восток. Путь казался свободным. Но льды становились все тяжелее. Уже на восемьдесят пятом меридиане были встречены льды в девять-десять баллов. Пробивались по разводьям. Они становились все теснее и теснее. Самолета на борту корабля не было. Шли с завязанными глазами. К полночи 11 августа «Садко» достиг 79°12′ северной широты и 87°36′ восточной долготы. До Северной Земли оставалось миль семьдесят. К утру корабль остановился. Начался дрейф.

Дули восточные ветры. Они отжимали льды от берегов Северной Земли и уплотняли их вокруг корабля. Постепенно закрылись разводья. Накрыл густой туман. В редкие бесту-манные часы удавалось определиться. Результаты наблюдения были неожиданными. Корабль, зажатый льдами, несло на север со скоростью тринадцать—пятнадцать миль в сутки. Несло против ветра, вопреки известным течениям. Дрейф этот казался загадочным. Подобные скорости известны лишь в проливах и в Гольфстриме. Ледовая служба Диксона сомневалась в точности определений. Правильность их подтвердилась позже.

Потом наступили ясные дни. Открылось пространство, забитое до горизонта торосистыми полями. Местами они были изъедены проталинами—озерцами пресной воды. Толщина льда достигала трех-четырех метров. То и дело встречались айсберги, вмерзшие в ледовые поля. Перед такими льдами бессильны даже мощные линейные ледоколы.

Корабль продолжало увлекать на север, потом его начало сносить на юго-запад. Временами в полях появлялись трещины, заполненные битым льдом. Иногда трещины разводило на ширину корпуса судна. Тогда корабль пытался двигаться. Перемычки рвали аммоналом. Обивали лед пешнями и баграми. На это ушло восемьдесят часов. К концу взрывных работ обычно разводья снова зажимало. Корабль останавливался и покорно ждал, пока «разведет». Кончались запасы угля. Начали экономить—динамо работало всего четыре часа, отопление—три часа. Перебирали шлак и отобранный кокс снова пускали в топки. За десять дней, отвоевывая с боем каждый метр, корабль прошел четыре с половиной мили. Потом за три дня еще семь миль. Это была огромная победа. Пробивались на юго-запад, назад к острову Визе.

Ледовый дрейф продолжался двадцать три дня. В пять часов 3 сентября открылись более легкие однолетние льды. Их

можно было форсировать. В этот день «Садко» прошел 10,4 мили и еще через день встретился с «Ермаком».

Льды внесли существенную поправку в планы экспедиции 1934 года. Итти снова к острову Домашнему было бессмысленно. Получив с «Ермака» уголь, «Садко» пошел к острову Уединения, высадил и организовал там зимовку и вскоре после захода на Диксон и Вайгач вернулся в Архангельск.

Пройдя четыре тысячи миль, «Садко» закончил без всяких повреждений свой первый, и весьма тяжелый, рейс под советским флагом. Это было не плохое испытание. Трудно было поверить, что выдержал его корабль, который всего лишь за год до этого покоился на дне Кандалакшской бухты.

...Глубокой осенью 1933 года на отмель небольшого островка Богомолиха в Кандалакшской бухте эпроновцы привели ржавую коробку только что поднятого корабля-утопленника. Маленький островок на несколько дней превратился в шумный поселок. Палуба «Садко» очищалась от толстого слоя ракушек, морских звезд, ила, обрывков водорослей. В каютах с потолков свисали гирлянды красных, как кровь, червей и актиний. В трюмах плавала мертвая рыба. Одуряющий, нестерпимо острый запах морского дна витал над островком.

Вечером сменялись вахты. Менялись водолазы, ставившие бетонную заплату, механики, смазывавшие машину, матросы, очищавшие палубу. Эпроновцы переходили на базу. Дряхлый и смешной пароходик «Декрет» доживал в Кандалакшской бухте едва ли не восьмидесятый год своего плавания. Его раскопали эпроновцы на рудметаллторговской свалке, немножко подновили и сделали своей базой. Здесь жили. Отсюда к «Садко» шли шланги и электрические провода. Далеко в бухте виднелась ярко освещенная палуба славного суденышка, честно послужившего эпроновцам. Проходившие мимо рыбачьи шлюпки, баркасы колхозов, парусные юлы гидрографов приставали к трапу в самое различное время суток, чтобы еще и еще раз приветствовать водолазов и пожелать им счастливого окончания работ.

В носовом кубрике сменившиеся с вахты водолазы заводили патефон. Звонкий тенор исполнял арию индийского гостя из оперы «Садко». Старомодные романсы пела Вяльцева. Пластинки были подняты вместе с кораблем. Они отлично сохранились и после просушки звучали как новые. В кают-компании лежал альбом с многоцветными открытками. Вода почти не тронула их. На одной открытке был изображен Москвин в роли

Луки из пьесы «На дне» Максима Горького. Кудрявая подпись была как нельзя своевременна:

«Умей на каждом дне найти свою сладость».

Эпроновцы нашли эту «сладость». Она оказалась не плохим кораблем. Боцман, кроме того, нашел пенковую трубку с недокуренным табаком. А на капитанском мостике валялась обгоревшая ракета: вместо того, чтобы спасать корабль, капитан в яркий, солнечный день пускал ракеты...

В 1933 году «Садко» исполнилось двадцать лет. Быстроходный ледокольный пароход «Линтроз», построенный в Англии в 1913 году, был куплен в первые годы войны русским министерством торговли и промышленности за миллион с лишним золотых рублей. Пароход предназначался для ледокольных работ в Архангельском порту.

Последним в старой жизни «Садко» был рейс 16 июля 1916 года. Снятельная комиссия во главе с губернатором Бибиковым ехала на обследование строившейся Мурманской железной дороги. В каютах разместились председатель губернского суда, жандармский полковник, губернские чиновники. Прельщенный хорошей компанией, к ним пристал архангельский архиерей. Были ясные и тихие дни. Капитан Бурков вел корабль по родным местам. Курс он выбрал необычный — рядом с угрюмыми островками, заросшими темнозеленой щетиной елок.

Капитан был лихачом. Ему хотелось блеснуть перед знатными пассажирами. На полном пятнадцатимильном ходу «Садко» наскочил на сахарную голову — острый шпиль подводного камня. После удара корабль не остановился. Бурков погнал его дальше, не желая выбрасываться на отлогий берег. Каменный нож вспорол бок корабля. Через огромную пробоину вода хлынула в кочегарку. Кочегары первыми увидели, как врывалась вода. Стояла жаркая погода. Все иллюминаторы были открыты. Когда пароход резко наклонился, вода через иллюминаторы ворвалась в каюты. Губернатора хватил паралич. Его на руках понесли в шлюпку.

«Садко» быстро топул. Палуба закрылась водой. Тогда ледокол загудел. Жалобный гудок пронесся над спокойной гладью воды. Через десять минут о том, что здесь плыл корабль, свидетельствовали лишь торчавшие из воды мачты, кончик трубы и нос шлюпки, зацепившейся, повидимому, за шлюпбалку.

Когда лодки с людьми приблизились к маленькому каменистому островку, на месте гибели судна с грохотом взметнулся

В четвертый раз порвав стальные канаты, вырвались наверх понтоны. Это была последняя неудача на подъеме «Садко».

водяной столб, словно от взрыва мины. Не выдержали люки пустых трюмов.

Пассажиры и команда спаслись. В кандалакшской церкви архиерей отслужил благодарственный молебен.

Зимой льды срезали у «Садко» мачты, снесли трубу. Но место его гибели не было забыто. Первыми явились водолазы, приглашенные Бурковым. Не мечтая о поднятии корабля, они обшарили каюты, вытащили капитанские чемоданы, пишущую машинку, бочку масла и тридцать бутылок коньяку. По просьбе прокурора достали его новый сюртук с орденами и медалями. Позднее, в годы северной интервенции, на «Садко» забирались не раз подводные пираты. Они сняли судовые компасы, вытащили радиостанцию и разграбили верхние каюты.

Судно заселяли подводные жители. Борта и палуба зарастали ракушками и морской капустой.

Прошло много лет. В 1933 году подъем «Садко» был поручен краснознаменной экспедиции подъемных работ—Эпрону. Это было началом второй жизни корабля.

Каждые три-четыре часа от дряхлого «Декрета» — пловучей базы эпроновской экспедиции — отходил небольшой водолазный ботик. Он шел к флажку и там останавливался Три человека выходили из палубной будки и одевали водолазов. Вероятно, когда-то так одевали закованного в латы средневекового рыцаря, собиравшегося на турнир.

Шерстяные чулки выше колен. Тело облегает теплый вязаный костюм. Поверх этого натягивают резиновый комбинезон, и невысокий человек становится неуклюжим широкоплечим, широкогрудым гигантом. Движения его медленны и странны. Кажется, что он уже плывет, еще не погрузившись в воду. На ноги одевают галоши, обитые медью и свинцом. На шею — железную манишку с высокими шпильками. Кромки резинового костюма загибают и укрепляют на этих шпильках. Осторожно поддерживаемый товарищами, водолаз сходит по лесенке в воду. Потом одевают огромный круглоглазый шлем, и сходство с закованным в латы воином давно ушедших времен еще более усиливается.

По шлангам с тяжелыми наконечниками мчалась быстрая струя воды. Водолазы промывали под килем корабля узкие и тесные норы туннелей. Затем они протягивали по ним стальные канаты и полосы «полотенец». Подвязанный ими корабль висел как в люльке.

Днем на дно моря проникал блеклый свет солнца. Он освещал зеленоватую муть воды, заросли травы, проплывающих рыб. Тонкая ниточка телефона связывала водолаза с ботиком. Наверху — дежурный. Он знает: у каждого водолаза свои причуды. Один поет за работой любимые песни, другой разговаривает сам с собой.

— Так, Саша, так. Еще нажми. Чуть еще. Хорошо. Молодец!

Дежурный молчит. Он встрепенется лишь, когда снизу придет приказ:

— Прибавь воздуха. Подбери шланг-сигнал!

Проходили дни. По вечерам в кубрике водолазов шли горячие прения о способах произношения английских согласных и гласных. Отсутствие географической карты не останавливало Сашу Разуваева и Толю Скритченко — зачинщиков споров об островах в Красном море, течениях у берегов Формозы, названиях столиц в отдаленнейших странах мира. Из девятнадцати водолазов экспедиции многие работали уже второй десяток лет. Каждый из них — это живая история единоборства стихии и человека. В часы отдыха Федотов рассказывал о схватке с осьминогом на дне Охотского моря, Курасов — о разгрузке угля в полярную ночь с транспорта «Арендаль»,

«Садко» всплыл. Замечательный коллектив краснознаменного Эпрона отлично выполнил правительственное задание.

Смольников вспоминал, как доставали снаряды с военного транспорта, затопленного интервентами в Северной Двине.

— Все дно было ими усеяно. Ходили по ним, как по камням. Вначале боялись, как бы не взорваться. Потом привыкли. Снаряды все не русские, с английскими марками. И ничего. Пролежали десять лет, потом их попробовали, а они хорошие, стреляют...

Шумно и в кают-компании комсостава. Предстоящий подъем тщательно обсуждался до мельчайших подробностей. Впервые применяемый эпроновцами подъем огромными железными понтонами ставил втупик многих опытных судоподъемщиков.

Почти пять месяцев продолжались работы. Четыре раза эпроновцы терпели поражение. Четыре раза происходило одно и то же: стропы—стальные канаты, связывающие всю систему,—в момент подъема расходились в местах сплетений (в сплесенях). Двухсоттонные понтоны с ужасающей силой вырывались наверх, поднимая бурю в спокойном заливе. Особенно памятным осталось утро 19 сентября 1933 года, на редкость тихое и солнечное.

В заливе штиль. На зеркале воды заметен каждый пузырек воздуха, идущий из понтонов. Накануне, во время контрольной продувки, «Садко» оторвался от дна, корма его вышла на поверхность, продержалась три-четыре секунды и плавно ушла вниз. Сейчас мощные компрессоры нагнетают по резиновым шлангам воздух во все понтоны. Грузоподъемность двенадцати огромных бочек—две тысячи четыреста тонн. Вес «Садко»—тысяча восемьсот тонн.

Водолазный бот ушел из квадрата продувки. На борту его все время дежурит водолаз.

Вот качнулась кормовая вешка. Все следят за ней. Вешка медленно поднялась, постояла и сразу упала. Вокруг закипела вода: из понтонов стравливался лишний воздух.

— Пошел!

Сотни рук впились в перила. Ударила пожарная рында—сигнал водной тревоги. На «Декрете»—тишина. А вокруг все больше кипит вода. За кругами пены со дна метнулась огромная тень. Спокойно и величественно выплыла корма «Садко». Видна палуба, заваленная коричневой слизью. Над ней изломанные шлюпбалки, облепленные медузами, морскими звездами, яркозелеными листьями морской капусты.

Но что это? Из разверзшейся бездны рывками вылетел бортовой понтон. На нем повисли обрывки стальных тросов. Еще мгновение—и освобожденный понтон с диким неистовством обрушивается на борт «Садко». Он ломает, крушит все, что попадается на его пути. Авария! Кормы уже нет. Вырываются еще две пары понтонов. Порваны шланги. Компрессоры еще гонят по ним воздух, и концы шлангов, как змеи, с зловещим шипением, извиваются на поверхности воды.

Начальник краснознаменного Эпрона Фотий Иванович Крылов пристально смотрит. В его глазах нет уже недавней тревоги и ожидания. Они спокойны и жестки. Все ясно. Снова подвели стропы.

На понтонах, уносимых течением, уже сидят люди. Они закрывают краны, завязывают канаты. Вытравлены порванные шланги, тросы, канаты. Один из водолазов ушел в воду, другой надевает скафандр.

Это была последняя авария. Эпроновцы заменили старые тросы новыми, с пеньковой сердцевиной. Прорыли шесть новых туннелей: при последней аварии «Садко» несколько сдвинулся со своего ложа. Работали круглые сутки, освещая залив прожекторами.

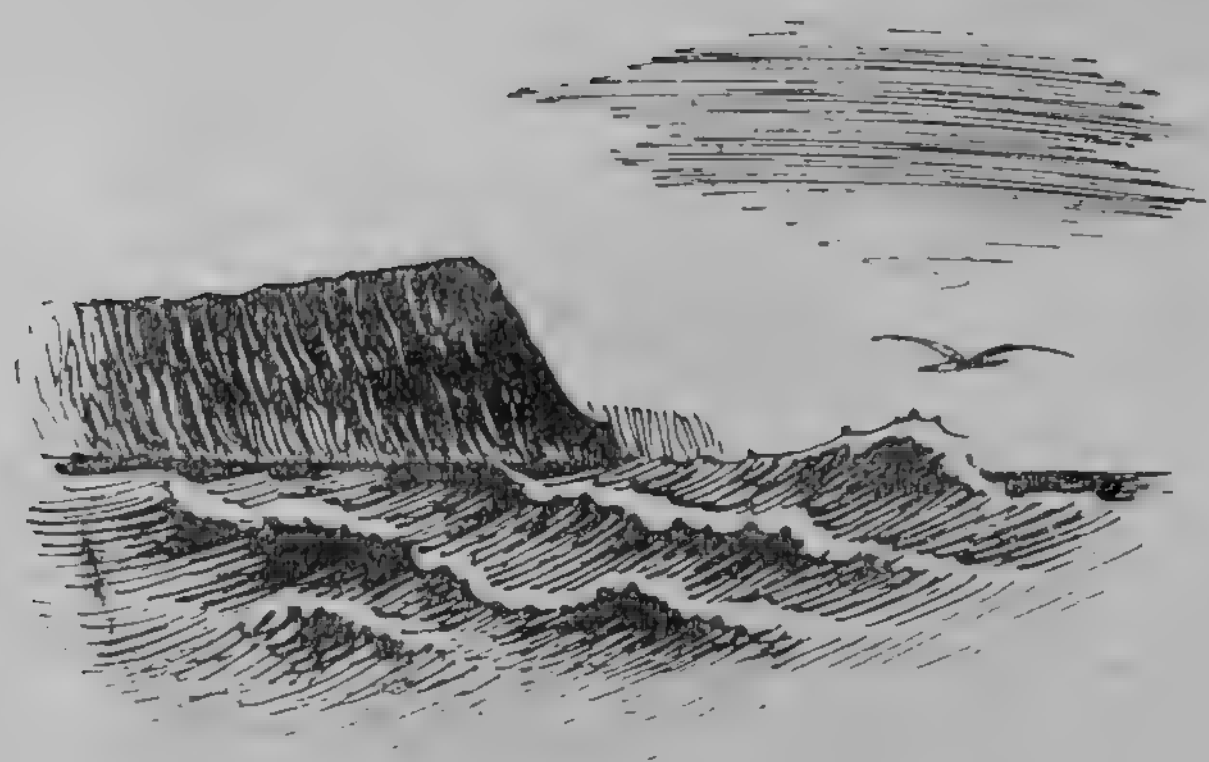
Прошел еще месяц. 14 октября 1933 года в шестнадцать часов двадцать восемь минут показалась корма «Садко». На следующий

день всплыл корабль. Боцман Дубровин, взобравшись на капитанский мостик, поднял на корабле морской флаг СССР. Спустя полчаса по палубе «Садко», напоминающей морское дно, среди хрустящих раковин и алых актиний уже ходили люди...

...Сейчас перед походом в высокие широты корабль прихорашивается. Мы осматриваем окраску с В. И. Пожкиным. Старший штурман—приемный отец корабля. Он взял его непосредственно от эпроновцев.

— Страшное было зрелище!—вспоминает он, и лицо расплывается в улыбку.—Смыли с палубы сотни тонн ила, грязи, скребли его, красили, подновляли и чинили. А потом вдруг увидели, что корабль куда лучше многих других. И стал наш «Садко»—гостем советским...

Под слоем новой окраски, кое-где на железных стенах и перилах палубных надстроек можно заметить неровности, похожие на пролежни или ожоги. Это следы ржавчины, слегка попортившей корабль. Больше, пожалуй, и не осталось отметин о его семнадцатилетнем пребывании под водой.



ВЫХОД В ОКЕАН

Утром 13 июля 1935 года «Садко» пересек границу СССР и вышел в норвежские воды. На море мелкая зыбь. Солнечно и тепло. Все на палубе. Щелкают фотоаппараты. Научные работники вытащили из кают свои приборы и в последний раз проверяют их перед началом работ. Встретили несколько пар касаток. Много чаек. Они летят низко над водой и спокойно садятся на гребни волн. Еще недавно морские птицы заменяли собой метеорологические приборы для предсказания погоды. Старые поморские приметы включены были в мореходные справочники. Для памяти их записывали в стихах.

А. Шишкин, наблюдающий за эхолотом и жирокомпасом, цитирует на память несколько таких стишков. Он услышал их от В. И. Воронина.

«Если солнце красно с вечера,
Моряку бояться нечего.
Если ж красно поутру,
Моряку не по нутру».

«Ходят чайки по песку,
Моряку сулят тоску;
И пока не влезут в воду,
Жди штормовую погоду».

«Если солнце село в тучу,
Берегись: получишь бучу.
Если солнце село в воду,
Жди хорошую погоду».

«Скачут стрелки вверх и вниз,[1]
То погода—лишь каприз.

[1] Стрелки барометра.

Ну, а если постепенно
Стрелка вниз иль вверх идет,
Будет ветер непременно,
И не скоро он пройдет».

В полдень прошли маленький порт Вардэ. На берегу фиорда расположен крохотный рыбацкий поселок. Белеют домики.

Хорошо видны мрачные, заросшие мхом скалы, охраняющие входы в узкогорлый залив. На скалах—плешины снега. Слышен шум прибоя. Вспоминается суровая музыка Римского-Корсакова. Только моряк, видавший угрюмые норвежские берега, мог написать музыку блестящей арии варяжского гостя.

Море теплое, синее, спокойное. Кажется, что мы плывем в южных водах. Температура +16°. Кое-кто забрался на полубак загорать. Однако, испещренные снегом и изрезанные ущельями берега Скандинавии напоминают о том, что мы на пять тысяч километров севернее Черного моря,—на 71° северной широты.

Ночью приходим к Нордкапу. Этот скалистый мыс безлюдного острова обычно считается крайней северной точкой Европы. Но еще севернее его лежит Нордкин, такой же гранитный островок, выдавшийся на несколько миль дальше к северу.

К Шпицбергену мы повернем от Нордкапа. Начнется научная работа—первый гидрологический разрез. А пока пишем стенгазету, спорим о ее названии. В столовой машинной команды первое производственное совещание шефов над механизмами. Готовим «День книги». Организован кружок по истории партии для научных работников.

Высокие массивы диких и суровых гранитных скал неприступными фортами материка выдаются в море. Розовые полосы лучей полуночного солнца скользят по отвесу. Черные тени падают причудливым кряжем, затемняя воды. Кое-где между расселинами темных безжизненных скал поблескивают пятна снега. Бесшумно парят чайки. Встревоженные остановкой корабля, они иногда кричат. Крик напоминает всхлипывание ребенка.

Скалы Нордкапа и Нордкина сложены из древнейших архейских гранитов. Их родословная началась миллионы лет назад, когда на расплавленном куполе земной коры плавали первые каменные острова. Падали дожди, несшие в себе зародыши будущей жизни. Бушующие потоки лавы раскаленными брыз-

гами орошали первую твердь. Могучие геологические катастрофы раскалывали отвердевшую кору на материки. Осушались океаны. Горы низвергались в пучину вод. Но камни Нордкапа ни разу не покрывались морем. Через века и тысячелетия они пронесли девственную чистоту перворождения.

Внизу у подножья скал остановился большой туристский корабль. Для путешественников на вершине острова построен ресторан. Добродетельные норвежцы вошли в сделку со своей совестью, разрешив «на добром старом Севере» экзотический фокстрот и добротное виски. Значительную долю бюджета всех этих городков, разбросанных по норвежским фиордам, составляют вклады путешествующих аристократов.

Мы не подходим к берегу.

Милях в десяти от Нордкапа—первая научная станция. Гидрологи Вс. Березкин и Л. Балакшин поднимают из глубин моря пробы теплой атлантической воды. Сети планктонолога В. Богорова приносят крохотных красноусых рачков—калянусов. Это—корм моря, огромные неисчерпаемые его жировые богатства. Калянусами питаются киты, питается треска.

Калянус! Странный рубиново-красный морской рачок. Мириады его заполняют толщу вод. Он путешествует вместе с теплым течением, забираясь далеко на Север. И в годы, когда убывает урожай калянуса, в морях замирает жизнь. Гибнут без пищи миллионы рыб, тюлени, а вместе с ними и многочисленные морские хищники.

Одна из сетей Богорова принесла «гребневика»—диковинного родственника медузы.

— В шутку его зовут морским огурцом,—объясняет Богоров.

Прозрачное тело гребневика покрыто рядами ресничек. Животное гребет ими, точно многовесельная галера. Реснички загоняют в рот животного вместе с током воды мельчайших представителей планктонного мира.

Мы долго рассматриваем это крохотное, подвижное, чрезвычайно занимательное животное и недоумеваем: почему оно получило прозвище огурца.

Посаженный в банку, гребневик вызывает всеобщее восхищение. Реснички преломляют лучи солнца, играя всеми цветами радуги. Синие, зеленые, красные, желтые, фиолетовые огоньки все время бегают по его телу, как огни причудливой иллюминации. Испуганное солнечным светом животное еще более активно гребет, пытаясь вырваться из банки, огни

Батометры с первыми пробами воды из глубин Гренландского моря. Гидролог Всеволод Александрович Березкин проверяет отсчеты глубоководных термометров.

разгораются все ярче, искрятся как осколки драгоценных камней.

Первая станция продолжалась два часа. Днем—еще одна станция, затем налетает шторм. Корабль перегружен сверх всякой меры. Сопротивляться волне бесполезно. Ложимся в дрейф.

Только 15 июля шторм умчался куда-то в сторону. Мы снова приступили к научным работам. Входит в строй третий цех экспедиции—цех биолога Г. Горбунова. Надо опробовать трос,

лебедку, трал. В открытом море, на пятисотметровой глубине вытравливаются все пять тысяч метров стального троса. Носовая лебедка грохочет, как очумелая, и с трудом поддается регулировке.

Первый трал встречали торжественно, всем коллективом. Но сеть принесла только один камень, весь покрытый морскими звездами—офиурами. Горбунов огорчен: добычу пришлось уступить геологу.

От шторма осталась мертвая зыбь. Время от времени она клонит корабль градусов на двадцать—двадцать пять; человек стоит, и вдруг его швырнет о стенку каюты. Работа кипит. За сутки взяли шесть глубоководных станций.

Идем на север, к острову Медвежьему.

Если проложить курс корабля на карте, он прочертит границу между водами Баренцова и Гренландского морей. Море Баренца, лежащее от нас на востоке,—это огромная рыбная житница. Ежегодный запас рыбы в Баренцовом море доходит до пятнадцати миллионов тонн.

В этом году рыбаки-колхозники Сорокского района поймали в реке Выг семгу с серебряным жетоном на спинном плавнике. На жетоне была надпись: «Зоологический музей. Осло. 133». Рыба была отправлена Всесоюзному научно-исследовательскому институту озерного и речного рыбного хозяйства. Институт отослал находку в Норвегию—в Осло. Только там был точно выяснен путь, пройденный рыбой. Семга прошла свыше трех тысяч километров от берегов Норвегии через Баренцово и Белое моря в реку Выг. Эта находка явилась косвенным подтверждением одной из гипотез, объясняющих происхождение рыбных богатств (в частности трески) в море Баренца.

По этой гипотезе ранней весной треска мечет икру у Лофотенских островов. Икра плавает на воде. Икринки, а позже развивающиеся из них мальки подхватываются течением, уносятся к северу, затем к северо-востоку и востоку, рассеиваясь по всей площади Гренландского и Баренцова морей. К концу первого лета молодь начинает придонный образ жизни. Вырастая, она группируется в многочисленные косяки и передвигается в определенных направлениях. Причина таких передвижений еще не ясна. То ли вековой инстинкт, то ли погоня за пищей влечет треску в далекие просторы морей.

Ранней весной молодая треска появляется у берегов Норвегии. Несколько позднее она подходит к мурманским берегам, а осенью ее можно встретить в центральных районах Мурман-

ского моря и у банки Скольпен. Подрастая, треска передвигается все дальше на восток и на север. Она доходит до Канина, Новой Земли, Колгуева, а на Шпицбергене—до Медвежьих банок. Это—районы обширного тралового промысла, куда стекаются корабли многих флагов и наций. У Финмаркена, у Мурманского побережья, на банках Скольпен, Канина, Колгуева, Медвежьей треску ловят английские, норвежские, германские и советские суда.

Но путь трески здесь не кончается. Достигая, примерно, десятилетнего возраста, треска направляется снова в дальнее странствование к берегам Норвегии, к местам своего нереста. Оттуда она после каждого икрометания, ежегодно, приходит в Баренцово море для откорма.

Зрелая, уже метавшая икру треска не распространяется по широким морским просторам. Она ходит густыми косяками на своих пастбищах в центральной части моря. Ее не встретишь там, где кочует молодая треска.

Площадь Баренцова моря исчисляется в миллион триста шестьдесят тысяч квадратных километров. Средняя его глубина сто девяносто девять метров, а объем равен двумстам семидесяти одной тысяче кубических километров. В широкие ворота между северными берегами Скандинавии и островом Медвежьим врывается Нордкапская ветвь теплого Гольфстрима. Скорость этого течения достигает четырех сантиметров в секунду. Ежегодно в Баренцово море вливается до ста пятидесяти тысяч кубических километров теплой атлантической воды. В течение двух лет вся вода Баренцова моря обновляется.

В Баренцовом море находится стык теплых и холодных течений, так называемый полярный фронт. Тут небольшие глубины. Причудлив рельеф дна. Все это помогает хорошему перемешиванию всей массы вод моря. На поверхность выносятся питательные соли, а донные и придонные животные обильно снабжаются кислородом. Зимой поверхностные воды охлаждаются и опускаются на глубину. Это увеличивает перемешивание водных масс, усиливает так называемую вертикальную циркуляцию. Поэтому так бурно развивается жизнь в Баренцовом море.

В Средиземном море в одном кубическом метре воды обнаружено около двух с половиной миллионов планктонных организмов. В Баренцовом море—свыше ста пятидесяти миллионов. Море это—огромный луг, на котором пасутся неисчислимые косяки рыб.

Мы плывем вдоль границы Баренцова и Гренландского морей, останавливаясь для научных станций. В семь часов

утра 16 июля очередная станция приносит новость. Вода на поверхности холодная —0°,6. Это первый вестник полярного моря. Холодное течение, идущее из Арктики и омывающее восточные берега Шпицбергена, охватывает с юга и севера Медвежий остров. До острова миль двадцать. И, как всегда, над районом встречи теплых и холодных вод поднимается густой туман. Солнце напоминает размытое белое пятно. Моросит мелкий дождь. На небе бесцветная белая радуга. Небо словно задернуто марлей. Ни один луч не пробивается сквозь нее. Эту мертвящую бледность переняли и воды. Они стали светлозелеными, порой опаловыми, с изумрудным оттенком.

...20 мая 1596 года корабли Баренца встретили здесь первый лед.

— Плывут белые лебеди!—закричал кто-то на палубе.

Люди выбежали наверх. Они видели льдины, отколовшиеся от близких ледовых полей. Отважным голландцам предстояло многому удивляться. Чуть дальше к северу у Шпицбергенских банок, где толщу моря заполняют полярные воды, они увидели море зеленое, как трава. 9 июня голландцы высадились на неизвестный остров. Их влекла крутая гора, сияющая снежной вершиной.

«Спускаясь с горы, мы думали, что сломаем себе шею», пишет спутник Баренца—Геррит Де-Фер.

Около острова голландцы убили первого белого медведя. Остров был назван Медвежьим.

Мы не видели Медвежки. Липкая кисея тумана глухой стеной окружила корабль. Обогнув остров, мы пошли к Зюдкапу, южной оконечности Шпицбергена.

Около одиннадцатой станции 17 июля из-под самого носа ледокола вынырнул норвежский тральщик. Мы чуть было не протаранили его. Приходится все чаще и чаще давать гудки.

Шумно в красном уголке. Здесь доклеивают стенную газету. Она получилась удачной и веселой. Передовая—об укреплении единоначалия, о задачах нашего профкома, о бдительности. Особым успехом пользуется отдел фельетонов. Один из них посвящен прошедшим дням качки в Белом море. Называется он

«Сухая хроника»

«Ночью забытый кем-то умывальник начал свое путешествие. Шатаясь, он брел по коридору, постукивал в двери кают и, наконец споткнувшись, свалился в ноги обалдевшему от неожиданности завхозу Погосову. Началась качка.

Утро занималось серое, тоскливое. Океан нервничал. По сообщению двадцати специальных корреспондентов: «Судно накренилось на 96 градусов зит тяжелые волны грохотали перекатываясь по палубе зит унося в море все незакрепленные грузы тчк Море было величественным зит грозным тчк».

Жизнь на корабле вступила в ленивую колею. К завтраку выходило три-четыре энтузиаста, остальные спали или делали вид, что зверски хотят спать. Только неутомимые одиночки, одетые с головы до ног в немыслимые резиновые сапоги, носились по ледоколу, сзывая свою рать усесться за «козла».

Выписывая вензеля, в кают-компанию входили иронически-насмешливые люди. Но заметив на столах решетки (или, как их там зовут, «скрипки»), они моментально поворачивались и согбенные вылетали на палубу. Лица их передергивала страшная скука.

Из радиорубки вышел Сима Иванов. С грустью оглядев полчища журавлевских воспитанников, он решил рискнуть жизнью, но оставить в живых брюки. Подталкиваемый служебным долгом, он перелез через шлюпку и, ласточкой промелькнув над головами собак, снизился к каюте.

Виленский лежал на койке, распластав свою полосатую грудь по движению воды.

— Вам телеграмма,—сказал Сима официальным тоном.

Прорвавшись сквозь бастионы метеорологических цифр, жена радировала:

«...Меняю отдельную квартиру Москве на койку твоего соседа».

— Я согласен на обмен,—быстро сказал сосед.— Пусть выезжает.

Раздельно и отчетливо в буфете свалились три тарелки. Побледневший буфетчик со вздохом нагнулся к осколкам.

— Сколько воды в этом проклятом Полярном бассейне,—вяло произнес он и опустил свое безвольное тело на зыбкий пол».

17 июля часов в десять была взята последняя станция у Шпицбергена. Глубина всего сто двадцать метров. Резко похолодела вода. На глубине ее температура —2°,1. Туман не расходится. Поразительная тишина на море.

Продолжаем двигаться все тем же робким ходом. И вдруг совершенно неожиданно обрывается стена тумана. На горизонте вырастают цепи Шпицбергенских гор. Острые пирамиды их нанизаны одна на другую и тянутся сплошной неприступной грядой далеко на север.

Вот он—Грумант старых русских промышленников, Свальбард—норвежцев. Земля ледников, вечной мерзлоты и бурных человеческих страстей. Разве не этими страстями написана вся история освоения этого замечательного северного архипелага?

Не дойдя до Зюдкапа (как необычно звучит упоминание о юге здесь, на границе двух великих северных морей), свернули на запад.

В два часа 18 июля первая станция в северной Атлантике, в Гренландском море. До Шпицбергена миль тридцать, но берег виден прекрасно. Никаких следов тумана. Глубина—пятьсот двадцать метров. Бросается в глаза резкая разница в температурах—уже давно нет отметок ниже нуля. «Садко» вступил во вторую ветвь великого Гольфстрима, заполняющего просторы Гренландского моря.

В журнале, в котором вахтенные штурманы записывают все наиболее важные события судового дня—изменения курса, остановки, координаты широты и долготы, выброску буя,—за 18 июля имеется небольшая заметка:

«В 12.30 впереди по курсу корабля замечен кит. Пустил 2 фонтана, после чего скрылся.

Вскоре встретили стаю касаток, по всей видимости преследующих кита».

— Мало стало китов. Хищничал здесь всяк, кому не лень,—не отрывая глаз от бинокля,—говорит Богоров.—Трудно поверить, что вот эти огромные животные, властелины морей, питаются крохотными калянусами. Помните, мы поймали их на первой станции у Нордкапа,—задумчиво добавляет он.

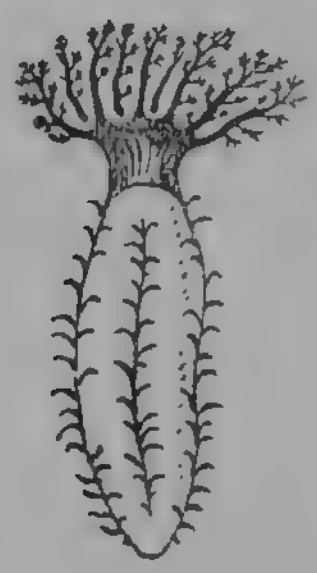
Мы стоим у релингов. Корабль идет по морской тропе, исхоженной судами промышленников и китобоев. Сонная зыбь подбрасывает холмики воды навстречу «Садко» и рассыпается барьером пены у носа.

На синей эмали флажка, украшающего фуражку Богорова, белеют крапинки звезд. Созвездие Персея—жемчужина звездного океана северного полушария—стало уже давно эмблемой первого советского исследовательского корабля «Персей», а затем и Океанографического института. Некогда Персей похитил из рук сердитого бога моря его дочь—морскую тайну

Андромеду. Ныне океанографы вырывают из недр моря тайны его богатств.

Корабль идет по семьдесят шестой параллели. Вскоре мы пересекаем нулевой гринвичский меридиан, разделяющий на глобусе нашу планету на два равных полушария.

Тумана нет, но нет и солнца. Не радует глаз глубокая синева воды. Она кажется тусклой, блеклой и напоминает застывший доменный шлак.



В ГРЕНЛАНДСКОМ МОРЕ

Утром каюр Федор Журавлев приносит собакам первый завтрак—куски кровавого тюленьего мяса. Тридцать питомцев встречают «воспитателя» визгом и лаем. Им вторит на корме дюжина поросят, загнанных в тесный закут. Визжит Джимка—прекрасная черная лайка, мохнатая, как медвежонок. За строптивый нрав она разлучена с товарищами и посажена на цепь. Недавно Джимка оторвала штанину у зазевавшегося штурмана Иванова. Журавлев намеревался ее примерно наказать, но пес вскоре совершил «подвиг». Из загородки выскочил поросенок, намереваясь «сыграть» за борт. Джимка, не потерпев нарушения корабельного устава, подняла оглушительный лай. Поросенок был задержан и водворен на место.

Итак, начинается утро. На семьдесят шестой параллели утро стало понятием относительным. И днем и ночью одинаково светло и туманно. День, ночь, сон, отдых—все перепуталось. На корабле установилось новое исчисление времени—по станциям.

Когда люди встают, они прежде всего заходят в кают-компанию.

Это большое помещение с буфетом, диванами у стен, тремя длинными столами и привинченными к полу вертящимися стульями. Десяток иллюминаторов сравнительно не плохо освещает кают-компанию в солнечные дни. В остальные дни горит электричество.

Тремя столами по морскому обычаю командуют трое старших на корабле. Председательское место у центрального стола

принадлежит капитану Николаеву, у других—старпому Ножкину и его дублеру Маркову. Эти места неприкосновенны даже тогда, когда их владельцы на вахте. Однажды один из «сухопутных» участников экспедиции, не зная о традиции, занял место Ножкина. Тотчас же штурман Иванов вежливо, но твердо напомнил о неписанном корабельном законе...

У каждого члена кают-компании есть свое постоянное место. Руководители экспедиции немало повозились с распределением мест. Надо было растасовать людей, разных по возрасту, специальностям, квалификации, добиться наилучшей комбинации угрюмых и жизнерадостных, молчаливых и говорунов, скептиков и оптимистов, легкомысленных и серьезных.

Разбивка удовлетворила всех. Правда, сначала были недовольные, но атмосфера веселья в кают-компании, реплики и остроты, летающие от стола к столу, примирили ворчавших. Саша Погосов—черноволосый юноша с громким голосом и слегка восточным акцентом—обстреливает шутками кинооператора. Бабушкин и Зубов регулярно провоцируют журналистов, фотографа Варламова и кинооператора Ешурина. То и дело они сообщают о появлении медведей, которых в действительности нет, или о предстоящем полете над Гренландией, который, конечно, тоже не состоится.

Первое время многие «клевали». Особенно страдал Ешурин. Ему, бедняге, чаще других приходилось есть холодный суп. После каждой провокации он пулей вылетал из-за стола и мчался за киноаппаратом.

Теперь шутки не действуют. Все привыкли к ним и... чуть было не прозевали первый лед.

По курсу размечены пункты остановок. Через каждые тридцать миль «Садко» подходит к точке, отмеченной на карте небольшим карандашным крестиком или кружочком. Штурман поворачивает ручку телеграфа, соединяющего мостик с машинным отделением.

— Дзин-н-нь!

Стрелка быстро пробегает по циферблату мимо русских и английских названий и послушно замирает острием вверх. Стоп! Вторая такая же стрелка бежит по циферблату телеграфа в машинном отделении. Механик прекращает свой обход. Он быстро перебрасывает рычаг, и машина умолкает. Ритмично покачиваясь на широкой зыби, корабль останавливается. А вниз, в каюты, уже бежит дневальный.

— Станция!—коротко говорит он, постучавшись в дверь, и бежит дальше к следующей каюте, в красный уголок, в кают-компанию.

Станции сломали весь распорядок жизни корабля, которым обычно так гордятся моряки. Станции смешали все представления о времени, о сне.

Станция! Услышав это слово, люди вскакивают с коек, с кресел красного уголка, убегают от шахматных столиков, смешивают кости домино. Люди напяливают на себя робы, дождевики, кожанки, сапоги, ватники, рукавицы. Все устремляются на палубу, к лебедкам, к длинным тросам, в погоне за водой, илом, планктоном, лучами, бактериями, донными животными, льдом...

Часто пошаливает море. Волна медленная, океанская. Она подбирается исподтишка. Стремительный холодный ветер сбивает с ног.

Перепрыгивая через бочки с горючим, баллоны с водородом, лавируя между горами разборных домиков и нарт, научные работники пробираются к своим рабочим местам.

Первая станция на семьдесят шестой параллели отметила глубину в пятьсот восемьдесят пять метров. Вторая—две тысячи пятьдесят, четвертая—три тысячи сто метров. (На третьей станции из-за сильного дрейфа никак не могли «взять глубину».)

После станции идем ходом в восемь узлов. Ветер попутный. Курс на запад и полрумба[1] к зюйду.

Корабль идет по семьдесят шестой параллели от южной оконечности Шпицбергена до гренландских льдов. Пересекаем южную, самую широкую часть лазурного моря. Норвежцы называют это море Норвежским, американцы — Гренландским, англичане—Североатлантическим, русские поморы—Варяжским.

Огромные его просторы омывают Шпицберген, Гренландию, Скандинавию. На юге море отделено от Атлантики цепью скалистых островов. Исландские и Шотландские острова—это вершины великого подводного хребта, южного порога, который спрятался в воде на глубине шестьсот—восемьсот метров.

На востоке к Гренландскому морю примыкает море Баренца, с глубинами, не превосходящими двухсот метров. Это в сущности—залив Гренландского моря.

Мы стоим у карты.

— Вот этот район остается белым пятном,—обводя указкой север Гренландского моря, говорит Зубов.—Глубины здесь промерял только Свердруп, когда он плавал на «Фраме». А потом, изучая геологическое строение района, Нансен высказал пред-

[1] Румб—11°24′, одна тридцать вторая часть окружности.

Володя Ешурин, наш кинооператор, за работой.

положение, что тут лежит порог, отделяющий Гренландское море от Полярного. Порог Нансена якобы соединяет подводным кряжем Шпицберген и Гренландию.

В двух местах карты моря, почти в центре его и у острова Ян-Майена, синеют пятна больших глубин.

— Вы спрашиваете о глубинах? А знаете ли вы, что глубина интересует не только гидрологов, но и биологов. Организмы моря связаны обычно не только с водами определенной температуры и солености, но и с определенным давлением. Если поднять рыбу из пучины моря, у нее вылезут глаза, вылезет через рот желудок. Рыба гибнет от перемены давления. Правда, и в этом правиле есть свои исключения. Живой остается треска. Ее можно поднять тралом с глубины полукилометра. В сетях она часто обжимается под тяжестью шести-семи тонн. И ничего. При научных исследованиях треску обычно метят—к хвосту прикрепляют металлические жетоны. Процедура эта отнимает немало времени. Рыбешку мытарят на палубе с полчаса, а то и больше. Затем ее выпускают в море. Ну, и поминай, как звали. Уйдет на глубину, как ни в чем не бывало.

— Неужели треска растекается по всей толще моря?

— Нет, это не совсем точно. Как и многие другие рыбы, она связана с определенной глубиной, но еще больше с определенным течением и температурой воды. Можно построить карту изотерм и почти безошибочно выходить с тралом для глубинного лова на линию определенной изотермы. Поэтому, когда теплое течение дошло до Новой Земли и проникло даже в Карское море, там образовались новые места лова, новые промыслы.

Мы продолжаем путешествие по карте.

С востока и запада Гренландское море переходит в материковую отмель. Эта отмель тянется на десятки километров, напоминая об эпохах медленного подъема и опускания, которые переживают континенты и моря. Наш Фенно-Скандинавский щит суши, на котором лежит Скандинавский полуостров и острова Шпицбергена, поднимается сейчас, примерно, на один метр в столетие. Об этом свидетельствуют террасы на берегу Шпицбергенских фиордов. Скалы, бывшие некогда берегом моря, отступили вглубь суши и высятся вдалеке гигантскими конусами.

Берега Евразии также упорно опускаются вниз. Нынешнее морское дно было еще недавно (если считать по геологическим часам) сушей—частью материка. Поэтому глубины в двести—двести пятьдесят метров, обычные для большинства наших северных морей—Баренцова, Карского, Лаптевых, Восточносибирского,—и сейчас считают лежащими в границе евразиатского континента. Лишь за этими приматериковыми морями начинается крутой континентальный склон—начало настоящего океана.

— Если сбросить в океан всю сушу,—поясняет Н. Н. Зубов,—срыть континенты, выравнять всю массу земли, вода покрыла бы земной шар слоем в две тысячи четыреста сорок метров. Это—как бы средний условный уровень мирового океана. Ученые называют поэтому глубины, лежащие ниже двух тысяч четырехсот сорока метров, ложем мирового океана. В морях и океанах, ныне покрывающих земной шар, встречаются и бо́льшие глубины. Их называют абиссальными глубинами, абиссалями.

Эхолот уже замерил глубину на очередной станции.

— Три тысячи двести метров!—сообщает с мостика вахтенный штурман.

Корабль находится почти над предельной глубиной Гренландского моря, не уступающей многим точкам океана.

Заговорили лебедки. На правом борту, против выхода из кочегарки, в центре корабля работают гидрологи. Всеволод Александрович Березкин и молодой аспирант-коммунист Леонид Балакшин нанизывают на тонкую струну троса пустотелые батометры—приборы, похожие на маленькую торпеду.

— Трави тысячу...

Торпеда падает вниз. Она послушно спускается на тысячу метров, чтобы замерить температуру и принести из глубины моря пробу воды очередного горизонта. По этим данным составляют карту моря, карту его течений.

Узкий трап ведет на верхнюю палубу. Часто приходится вскакивать на его ступени, пока поднявшаяся у релингов зелено-голубая стена не рассыпется холодным водопадом. Зазевавшийся может пенять на себя. Пойти переодеться, сбросить ватник и сапоги он сумеет лишь через десять—двадцать минут, когда лебедка извлечет приборы на поверхность.

Большая лебедка с трамвайным контроллером носит имя «трамвая», вторая—поменьше—сильно шумит и прозвана «таратайкой». Трос сматывается с барабана круг за кругом, безмолвно опускаясь в пучину моря. Порой кажется, что эта стальная нить неподвижна. Только по ободу часов-счетчика быстро бегут стрелки. Они отсчитывают единицы, сотни, тысячи. Стоп! Через несколько минут, когда пройдет срок, положенный для замера температуры, вспенивая море и посылая вверх тонкий дымок воздушных брызг, по тросу скользит вниз «почтальон»—груз, закрывающий батометр.

Приложив ухо к тросу, Балакшин слушает. Удар «почтальона» четко передается по стальной ниточке. Его можно ощутить и рукой,—когда груз «дошел» и ударил, резко и нервно вздрагивает трос.

— Выбирай!..

Снова бегут стрелки по ободу счетчика. Гудит мотор. Вот метнулась в воде и выскочила вверх, словно случайно повисшая на стальной удочке, большая белая рыба. Это—батометр. Таким прибором собирают пробы воды со всех глубин от десяти до трех тысяч метров.

На пути кораблей встречаются разнообразные течения. Это—морские реки разных направлений, различной силы, соленые и пресные, теплые и холодные. Гидролог призван осветить мореплавателям обстановку плавания по этим рекам. Он изучает разнообразные свойства морской воды, состав ее, плотность, цвет, прозрачность, температуры на поверхности и на

глубинах, колебания уровня моря, течения на разных горизонтах, размеры и формы волн, возникающие при разных ветрах, режим льдов и многое другое.

Наблюдения на остановках, «станциях», идущих по одной линии, составляют гидрологический разрез. Цифры солености (плотности) и температур складываются в карту разреза.

Наиболее плотными и солеными являются воды южных океанов. Из Атлантики такие воды приносят на север Гольфстрим. Рассматривая карту солености воды на разных глубинах Гренландского моря, нетрудно определить, какие воды пришли сюда из Атлантики, какие с севера—из Ледовитого океана. Уже такая карта отвечает на вопрос о происхождении вод.

Зимой в кабинетах Гидрографического управления разрезы соединятся в единую карту течений всего моря. Тогда откроются силы, перемещающие водные массы и тайны течений, идущих в морях и океанах.

Мы уже знаем, что снаряды, которыми гидрологи штурмуют недра моря, называются батометрами. Это пустотелые трубки, толщиной с руку, с кранами на обоих концах. Снизу батометр имеет шарнирный зажим, который крепко закрепляется на стальном тросе. До намеченной глубины батометр опускается с открытыми кранами. Вода свободно проходит по трубке. Но вот глубина достигнута. Посланная по тросу тяжелая гирька ударяет по пружине, освобождает верхнюю лапку, обе крышки от удара закрываются, и весь прибор переворачивается, повиснув на нижнем зажиме. Проба воды получена.

А вниз по тросу до следующего батометра уже летит вторая гирька, которая заранее была подвешена к первому прибору. Когда батометр перевернулся, гирька освободилась и закрыла следующий прибор серии.

В далекое путешествие, вместе с батометрами, уходят наглухо к ним прикрепленные специальные глубоководные термометры, хитроумно рассчитанные для определения температуры именно на той глубине, где их перевернет удар грузика.

В снаряжении гидрологов много интересных приборов. Любопытный прибор—это вертушка Экмана-Мерца для определения скорости и направления течения. Течение приводит во вращение легкий четырехкрылый пропеллер. Скорость вращения этого пропеллера, а следовательно, и скорость течения отмечаются небольшим счетчиком. Для того чтобы учесть направление течения, человеческий ум нашел замечательный по простоте и оригинальности выход. На раме под счетчиком укреплена легкая компасная коробка со стрелкой, поверх кото-

Гидролог Леонид Леонидович Балакшин снаряжает вертушку Экмана-Мерца.

рой сделан небольшой жолобок. Внутри коробка разделена на двадцать четыре сектора, каждый в виде глубокого гнезда. Во время действия вертушки через каждые двадцать оборотов из счетчика по особой трубочке скатываются небольшие металлические шарики. Они попадают на стрелку компаса и скатываются дальше в то гнездо, на которое указывает в этот момент северный конец стрелки. Вертушка приводится в действие и останавливается ударом посыльного грузика, скользящего по тросу. Подняв вертушку, достаточно пересчитать шарики в каждом гнезде и отметить номер секторов. Этим определены и сила и направления течений.

После сложных математических расчетов гидрологи для каждой точки, где взята проба, выводят некую условную единицу—удельные объемы. Эта величина суммирует и плотность воды, и давления, и температуры. Вычерчиваются линии равных удельных объемов. Где получается горизонтальная линия. там нет течения. Где линия изогнута—течение есть. Гидрологи условно выбирают какую-то наиболее горизонтальную плоскость, как плоскость равновесия. От нее и отсчитываются высоты до любой точки моря. Полученные величины называют динамическими высотами и глубинами. Если вычертить карту этих высот, море будет разделено холмами и ложбинами. По нему пройдут горизонтали, как на топографической карте. Вода движется вдоль горизонталей. Она течет от бо́льших динамических высот к меньшим, подчиняясь всеобщему закону природы, закону движения при разности уровней.

Мы можем срезать на пятьдесят, на сто, на сто пятьдесят. на двести метров поверхностные слои морской воды и составить для этих глубин новую карту. Карта расскажет о подводных морских течениях на любой глубине.

Героям Жюль-Верна—Гленарвану, Мери и Роберту Грант—пришлось пережить много интересных приключений в поисках капитана Гранта. В их распоряжении была полуразмытая водой бумажка, принесенная морем в бутылке. Бумажка хранила остатки цифр, указывавших широту и долготу места, где произошло кораблекрушение.

Современные мореплаватели, располагая даже меньшими данными, чем дети капитана Гранта, смогли бы гораздо быстрее и с меньшей затратой сил найти людей, потерпевших кораблекрушение. Мореплавателям нашего века помогла бы гидрология. Карты течений, составленные почти для всех южных морей, рассказали бы, откуда принесена записка.

Но бутылка Жюль-Верна сохранилась и в современной гидрологии. Правда, в ряде случаев она принимает совсем иной вид, теряя свой романтический облик стеклянного сосуда, облепленного ракушками, моллюсками и камешками.

Изучая морское течение, гидрологи широко используют деформированную бутылку—деревянный буй. Стеклянный хрупкий сосуд превратился в большой яйцеобразной формы кусок дерева с выточенным, тщательно закрытым каналом. В этот прорез вкладывается запаянная стеклянная трубочка с запиской, указывающей, куда надо сообщить о нахождении буя. Деревянное яйцо. увлекаемое течением, приливами и отливами.

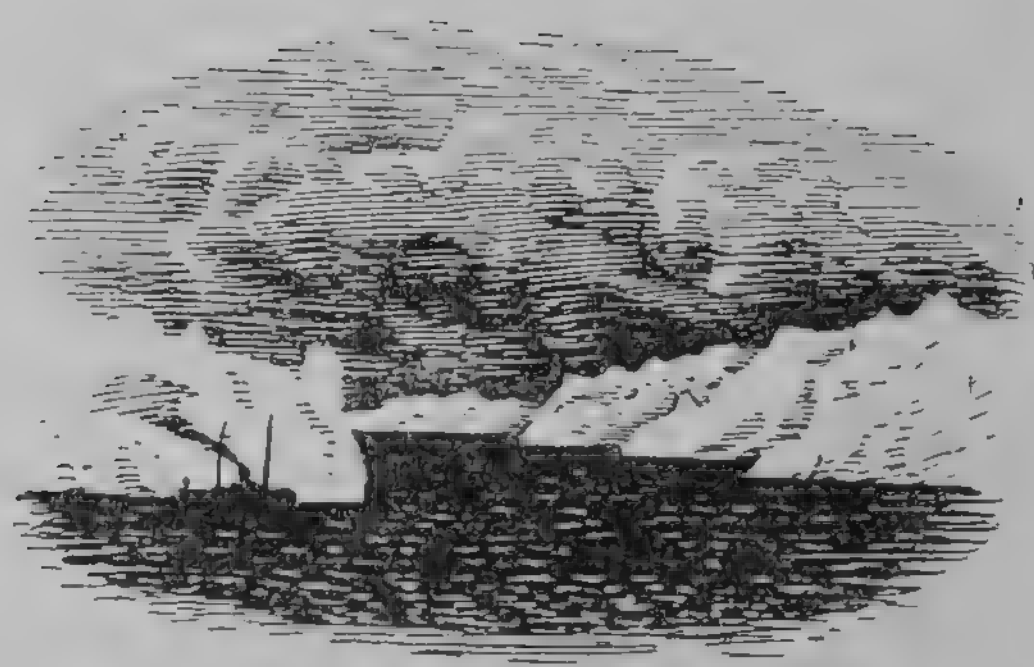
проходит сложный и длинный путь. Вероятно, рыбы с недоумением разглядывают этот странный и несъедобный предмет, а медвежата азартно играют импровизированным волейбольным мячом, неизвестно откуда занесенным водами. Но отнюдь не для забавы бросают их гидрологи. Обновленные бутылки капитана Гранта—это пловучие контролеры науки. Они помогают выверять расчеты и карты, составленные по цифрам температур и плотностей.

Экспедиция на «Седове» выбросила в 1934 году у острова Визе в Карском море несколько буев. Один из них, датированный 1 августа, был найден 1 июня 1935 года у северо-западных берегов Норвегии. Этот буй обошел с севера Землю Франца-Иосифа, Шпицберген и затем восточногренландским течением был принесен к Лофотенским островам. Буй прошел за десять месяцев тысячу восемьсот миль, в среднем пять миль за сутки.

Буй «Седова», выброшенный в 1930 году, прошел этот же путь почти в два года. Это показывает, что в конце 1934 и в начале 1935 года происходила необычайно усиленная разгрузка Полярного бассейна от льдов. Через ворота между Гренландией и Шпицбергеном в Гренландское море происходит как бы извержение льдов из Полярного бассейна.

На картах, лежащих в каюте Вс. А. Березкина, сотни линий пересекают моря, заливы и проливы. Они свидетельствуют о том, что многие секреты морей и океанов уже раскрыты. Но как много еще предстоит изучить нашим ученым! Если теперь, располагая даже меньшими данными, чем имел Гленарван, можно было бы найти Гранта, то все же как мало мы знаем о северных течениях, о северных путях Гольфстрима. Нет, впереди еще непочатый край работы, чрезвычайно интересной, увлекательной и бесконечно плодотворной.

...Одна за другой в глубины моря падают торпеды гидрологов. Мерзнут пальцы. Неожиданно обкатывает подкравшаяся волна. Но станция ждать не может. Она имеет свое твердое расписание. И, сбросив перчатку, Вс. А. Березкин, всем телом навалившись на релинги, еще сильнее зажимает барашки, укрепляющие батометр на тросе.



ПЛОВУЧАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Против площадки гидрологов — лаборатория гидрохимиков. Она уставлена колбами, пробирками, банками с притертыми пробками, мензурками и прочей химической посудой. Старый полярный волк Александр Федорович Лактионов не впервые в экспедиции. К послужному списку прибавится еще несколько тысяч анализов! Зато Николай Иванович Чигирин немного волнуется. Он первый раз в Арктике.

Гидротехники встретят воды различного происхождения. Нужно найти химические признаки, по которым можно было бы определить атлантические, арктические и речные водные массы. Каждая из проб воды будет проходить не менее пятнадцати анализов на содержание кислорода, фосфора, азота, кремния, борной кислоты, углекислоты, общего количества солей и других ее элементов.

Такие разносторонние работы по химии водных масс в Арктике производятся впервые.

На корме и полубаке работают в часы станций другие цехи нашей пловучей лаборатории. Под самолетной площадкой — пост планктонолога. Широкополая «зюйдвестка» и высокие резиновые сапоги делают В. Г. Богорова похожим на британского моряка или на норвежского тресколова.

Моря и океаны земного шара полны живыми существами. Многие из них получили широкую популярность и известность. Некоторые виды морского зверя и бесчисленных рыб являются предметом специального промысла. Но кроме них, всю толщу воды от поверхности до дна населяют мельчайшие существа животного и растительного мира. Они и объединяются названием «планктон».

Большая шелковая сеть Джедди опускается в море.

Планктон—это вся толща воды с ее микроскопическими обитателями, это увлекательнейший мир мельчайших животных и водорослей, характерных для резких контрастов, свойственных жизни океана.

Богоров без конца может рассказывать о крошечных, величиной с булавочную головку, рачках-калянусах с острыми длинными усами и яркокрасным, кумачевым панцырем, о разнообразных микроскопических водорослях-диатомеях, помогающих быстрому разрушению льда, об ангелочках и чортиках, о стрелках и креветках. Рассматривая вместе с ним улов планктона под микроскопом, понимаешь, почему дарвинист.

философ и зоолог Геккель, изучая микроскопических животных моря, написал замечательную книгу о красоте форм природы...

Планктонологу Вениамину Григорьевичу Богорову тридцать лет, но он уже «старый» ученый, участник пятнадцати экспедиций. За научные работы во время сквозного похода «Литке» он награжден орденом Красной Звезды. Скромность не позволяет Богорову восхищаться. Разве к лицу действительному члену Океанографического института радоваться находкам, пусть даже новых, неизвестных форм атлантического планктона. Но вот в баночку с планктоном добровольный ассистент Богорова—Виленский—налил раствор формалина. Рачки взметнулись, отсвечивая замечательным зеленым светом. Казалось, что искринки изумруда загорелись в этой простой аптекарской склянке.

— Видите, видите!—в этом восклицании Богорова сказалась вся страсть ученого.

Планктонные организмы различны по происхождению. Сюда относятся многочисленные одноклеточные водоросли с отростками самой причудливой формы, иногда шарообразными, иногда вытянутыми в длину. Среди животных представителей планктона тоже встречаются разнообразные группы—от одноклеточных инфузорий до многоклеточных червей или крупных медуз.

Все эти организмы расселяются в толще воды неравномерно. Их больше всего в поверхностных слоях. Микроскопические водоросли глубже ста метров вообще встречаются редко; животные представители планктона находятся на всех известных глубинах, но чем глубже, тем в меньшем количестве.

Планктонные животные (от греческого слова πλανκτος—блуждающий) лишь парят в воде и не могут, как рыбы или крупные морские звери, преодолевать течение воды. Поэтому они связаны с течениями, зависят от них, и сами характеризуют воды разного происхождения. Часто, в результате охлаждения или некоторого опреснения, воды, вливающиеся в Полярный бассейн из Атлантики, теряют свою специфическую гидрологическую характеристику по температуре и солености. Однако изучив планктон, мы можем точно установить, что воды эти атлантического происхождения. В свою очередь полярные воды или воды речного характера также имеют свое население, по которому можно определить их родину.

Значение планктона в жизни водоемов исключительно. Как ни малы эти организмы, но благодаря своему огромному количеству и способности чрезвычайно интенсивно размножаться, они занимают почетную главу в биологической океанографии моря.

Биолог экспедиции Григорий Петрович Горбунов рассматривает улов. В руках у него морская звезда — офиура.

Планктон — это первопища для более высокоорганизованных существ, вплоть до рыб и гигантов моря — китов. Планктон — это корм моря, его продуктивность, его жировые запасы. Являясь пастбищем для рыб, планктон имеет поэтому выдающееся хозяйственное значение...

Добрую половину лаборатории планктонолога занимают сети Джеди и Нансена. Сети разнообразны по длине — от

двадцати пяти сантиметров до шести метров. Сделаны они из нежного шелкового мельничного газа. Чтобы через сито прошло как можно больше воды, ему придана форма длинного конуса, по длине раза в три большего чем диаметр. Многие из сетей можно автоматически закрывать на определенной глубине, другие будут протаскиваться через всю толщу воды, собирая образцы «полного вертикального разреза». Размер ячей шелкового сита от 1,5 до 0,07 миллиметра. Самая густая сеть имеет пять тысяч отверстий на квадратный сантиметр.

Еще во время похода «Литке» В. Г. Богоров изобрел остроумный водомер, который позволяет во время похода отцеживать планктон из массы воды, поступающей для охлаждения в машинное отделение. Так родился простой и оригинальный способ сбора планктонных проб из поверхностных слоев воды по всему пути корабля. Водомер Богорова установлен сейчас в машинном отделении «Садко».

Богоров сможет таким образом изучать планктон и на станциях, и на ходу корабля.

Ученые пытливо раскрывают тайны океана. Жизнь на дне моря—жизнь бентоса—изучает гидробиолог Г. П. Горбунов. В его лаборатории все устроено очень удобно. За двадцать—тридцать экспедиций накопился немалый опыт организации «рабочего места». Согнувшись над тазом, куда сваливается весь улов станции, биологу часами приходится разбирать животных и растения, сортируя их по родам и видам. Здесь все под рукой. На полке лежат рядышком различные пинцеты. Сверху спускается резиновая трубка, по которой можно нацедить спирт, формалин или дестиллированную воду. На стене картонная коробочка с папиросами. Надпись лаконична: «берите сами, спички направо». Лампы снабжены самодельными абажурами и свет ярким пучком падает прямо в стеклянные кюветы, где копошатся обитатели морского дна.

Наверху проходят дни и ночи, летний зной сменяется зимней стужей, а в пучине моря неизменно мрачно и холодно. Среди зарослей морских лилий суетятся глубоководные раки; тут же разбросаны ярко окрашенные раковины моллюсков, мерцают красивые звезды бризингов, укрываются губки, похожие на небольшие птичьи гнезда, сотканные из кремнистых звездочек. Если когда-нибудь человек проникнет в глубины океана, перед ним предстанет огромный мир странных и разнообразных существ. Одни почти прозрачны, другие окрашены в нежные зеленовато-голубые цвета. То, что может пока-

заться с первого взгляда роскошными кустами гортензий, лилий, стебельками трав и зарослями яркокрасных кустарников—все это животные.

Донные водоросли живут лишь на небольших глубинах, куда проникают красные, желтые и зеленые части спектра, необходимые для растений. Глубже могут жить только животные.

Фауну и флору морского дна—бентос—вылавливают драгой. Медленным ходом корабль волочит ее по дну. Острые края металлической рамы собирают в мешок животных и растения вместе с попадающимися на пути камнями и илом. Мешок драги, кстати, немногим отличается от тех сетей, которыми в древние времена ловили губки у берегов Сирии, раковины в Японии и устрицы в Средиземном море.

В этой же лаборатории установлены приборы геолога. Здесь орудует один из механиков экспедиции. Поставив ногу на низенькую табуретку, он что-то мастерит, превратив с помощью узкой изогнутой стеклянной трубочки пламя обыкновенной свечи в своеобразную паяльную лампу.

Механик дует в трубку, и струя воздуха отклоняет огонь. Узкий лапцет пламени облизывает проволочку и спаивает детали прибора.

Геология моря совсем не похожа на обычную земную геологию. Существует, оказывается, определенная зависимость между расположением отдельных минералов на дне моря и картой течения. В Карском море была составлена карта расположения тяжелых минералов. Оказалось, карта эта почти в точности повторяет карту течений. Море является как бы огромным вашгертом, отмывающим в определенном порядке различные породы. Об этом узнали не так давно. Многое еще не ясно. Однако в проливе Вилькицкого с помощью геологической карты тяжелых минералов удалось обнаружить одно подводное течение, ранее совсем неизвестное.

Если брать пробы поглубже, можно было бы составить историю течений в данном районе, историю того, как эти течения изменялись. Мы проникли бы в далекое прошлое моря. Но тут-то мы пока бессильны. Осадочные породы устилают дно моря неравномерно. В одном месте за год оседает два-три дюйма, в другом—пять. Нужно найти какой-то принцип для синхронизации проб, взятых с разных глубин. В этом может много помочь изучение содержания радия. Слой, лежащий на границе с гранитами, самый глубокий слой отложения, наиболее радиоактивный. Если найти его, можно определить координату для синхронизации всех отложений данного района. Это была бы совсем новая наука, нечто вроде палеогидрогеологии. Для со-

здания этой науки у нас еще очень мало данных, но как раз это и может заинтересовать. Там, где все ясно, остается лишь голый эксперимент, и ученый превращается в рядового наблюдателя. А у геолога есть над чем поломать голову. В гидрогеологии столько неясного, столько возможных путей для научного исследования!..

Для получения образцов грунта с морского дна употребляется трубка Экмана. Это основной «добывающий» прибор гидрогеологов. Хотя прибор называется просто трубкой, фактически это две трубки: одна длинная металлическая, вторая, вложенная внутрь, чуть потоньше. Трубка опускается за борт судна на тонком стальном тросе, с большой скоростью. Когда прибор достигает дна, свободно перемещающийся тяжелый груз с направляющими крыльями быстро скользит вниз и вгоняет тонкую бронзовую трубку глубоко в ил. Наверх приходит колонка полужидкого грунта, обычно длиной семьдесят—восемьдесят сантиметров, большей частью серого или коричневатого цвета, железистого в верхнем конце.

Длина «трубки»—около двух метров. Весит она пуда два. Надо обладать немалой физической силой, чтобы управиться с этим капризным прибором, особенно когда он выходит из воды и грозит раскрошить все, что попадется на его пути.

На полках геологической лаборатории много узких ящиков; в них укладываются столбики проб. Эти образцы высушиваются и привозятся на материк, как документы, рассказывающие историю моря. Некоторую часть проб геолог привезет в герметически запаянных стеклянных сосудах, в которых проба сохранит свою свежесть, влажность и обычную окраску.

Работа на станциях идет в две смены. Еще никому не удавалось достать в Северной Атлантике пробы донного ила с глубины трех тысяч ста метров. Проходит час, другой, и долгожданные колонки проб лежат на доске. Как много говорит геологу их красновато-каштановый, чуть розоватый цвет! Только у берегов Бразилии и на дне Желтого моря встречаются эти светлые илы—признак бедной органической жизни на больших глубинах.

Под микроскопом оживает каждая капля воды. Если зачерпнуть ее из поверхностной толщи моря, легко разглядеть в ней тонкие и красивые кремнистые коробочки диатомей—оболочку микроскопических планктонных водорослей, разбросанных в воде и одиночками, и красивыми гирляндами, рядами, нитями. Попадаются кремнистые звездочки, иголочки и решетки радиолярий—простейших животных атлантического происхожде-

ния. Кремневые и известковые ракушки отмирающих организмов падают на дно мелким густым дождем. Они устилают дно моря диатомовым или радиоляровым илом, но не глубже двух тысяч пятисот—трех тысяч метров. Дальше этих глубин они не доходят. По пути к абиссалям соленые воды успевают растворить ракушки. С глубочайших океанических глубин приборы приносят красноватый плотный осадок, который получил в науке имя красной океанической глины.

Экспедиция «Челенджера», впервые открывшая эту глину у берегов Бразилии, извлекла вместе с ней из глубин моря странные предметы. Потом натуралисты установили, что это ушные кости китов и острые зубы давно вымерших акул третичного периода. Зубы обросли плотным слоем марганцевых минералов. Сколько веков прошло с того времени, как упали кости на дно океана? Как медленно протекает жизнь в этих недоступных еще человеческому взору пучинах моря, если за многие века осадок ила еще не покрыл костей и зубов—вестников давно минувших геологических эпох? В красной глине исследователи нашли, кроме того, мельчайшие песчинки космической метеоритовой пыли. Занесенные из мировых небесных пространств, они нашли свой покой на дне океана.

На суше нет пород, сложенных из красной глины. Повидимому, дно глубокого моря никогда не осушалось, никогда не становилось континентом.

Честь открытия красной океанической глины на глубинах Гренландского моря принадлежит нашей экспедиции. Наука получила новое подтверждение великой древности Гренландского моря. Летопись моря, его дно, на котором записана вся история водоема, открыла нам одну из своих интереснейших страниц.

Совсем недавно эта летопись поведала о том, что на дне моря происходит все время «выветривание» каменных обломков. Вместо солнца и ветра, эту гигантскую работу выполняют мельчайшие микроорганизмы бактерий. Могучие химические процессы изменения пород происходят благодаря этим бактериям. Они образуют не только железо и марганец, но и многие другие более редкие минералы, в частности кобальт, помогая создавать то великое разнообразие пород, которое открывается нам в горных кряжах на континентах.

Неожиданно на больших глубинах (свыше трех тысяч метров) экспедиция обнаружила донные отложения. . . прибрежного характера: большие валуны, грубые песчанистые илы и гальку. Через многие века исследователи нынешних глубин Гренландского моря могут притти к неправильному выводу, что

эти глубочайшие впадины моря были в наше время прибрежными зонами. Они ошибутся. Эти прибрежные породы принесены извне.

Исследуя расположение таких отложений, геологи установили, что они тянутся грядой в направлении меридиана, там, где полярные льды встречаются с теплым Атлантическим течением. Льды, оказывается, несут на себе обломочный материал, который забрасывают на них течения, идущие от сибирских берегов. Растаивая, льды засевают этими обломками дно в глубокой части Гренландского моря. Так отмечает сама природа извечные места встречи, границу теплого глубинного и холодного поверхностного течений.

Весьма вероятно, что подобные явления существовали и в прежние эпохи, и, может быть, отложения, которые считаются мелководными осадками древнего океана, на самом деле указывают на существование дрейфующих льдов и сложных морских течений в древнейшие периоды истории Земли.

Станция продолжается.

На корабле бьют склянки: начинается очередная судовая вахта. На мостик выходят геофизики. Радисты принесли им бланки телеграмм, испещренные цифрами. Это—сводки одной из многих станций, передающих метеорологические наблюдения для прогноза погоды. Чертятся карты погоды. Волны уносят небольшой красный буек с запиской на имя неизвестного: «нашедшего просят переслать записку в Ленинград с отметкой о месте находки». Записка напечатана на русском, английском и норвежском языках.

Станция продолжается.

На дно моря уходит трал Горбунова. У носовой лебедки авиатехник А. Герасимов. Сильный дрейф относит трос, стелет его по воде, путая расчеты расстояния. На полубак взбирается плотный широкоплечий великан. Он становится у борта и начинает командовать. Это—Михаил Сергеевич Бабушкин.

Горбунов «травит» трос с запасом. Увлекаемый дрейфом судна, далекий подводный невод, повисший на конце пятикилометровой стальной бечевы, тащится по морскому дну, собирая в кромешной тьме пучины богатый улов.

Команда—«вира!» Барабан вертится в обратную сторону, выбирая трос. Эта операция будет продолжаться долго—часа два-три. Ведь глубина—три тысячи метров.

И люди уходят в кают-компанию. Здесь всегда к услугам работающих горячий чай, масло, хлеб, колбаса, консервы, сыр.

Здесь, в ожидании трала или планктонной сетки, станционеры отогревают руки, коротая время в рассказах, воспоминаниях. Всеволод Березкин, рассказывая о воде Гренландского моря, говорит, что в ней, как и вообще в морской воде, есть некоторый процент золота. Упоминание о золоте служит поводом для рассказа Богорова. Его слушают с большим вниманием под доносящийся издали шум пыхтящих и стучащих лебедок...

— Несколько лет назад один германский ученый прислал в СССР вагон специально изготовленных герметически закупоривавшихся бутылок. К ним было приложено письмо. Ученый просил взять бутылки в одну из полярных экспедиций, чтобы, согласно его указаниям, выработанным им в течение ряда лет,—наполнить их морской водой, взятой в определенных местах, на определенной глубине. Ученый, оказывается, много лет работал над проблемой добывания золота из морской воды и истратил все свои сбережения на эти бутылки. Золото, которое он рассчитывал получить из этих проб, должно было с лихвой окупить его расходы.

Беднягу подвел нуль. В своих расчетах он ошибся на один нуль и мог получить, таким образом, в десять раз меньше золота, чем предполагал. Случайно он обнаружил ошибку и телеграфно попросил не возвращать в Германию его бутылочное имущество. Оно съело все его сбережения, и ученый не смог оплатить обратный провоз бутылок с простой, не имеющей никакой цены, морской водой...

— А что сделали с бутылками?

— Я видел их,—ответил Богоров,—на разных кораблях. Очевидно, ими пользовались для различных надобностей.

— Ну, пошли за нашим золотом...

Люди снова напяливают теплые одежды и уходят на палубу. Десять — пятнадцать минут ожидания—и из воды вытаскивают мокрый трал.

Трал неразборчив. Он выдергивает наверх и камни, и кораллы, и зазевавшуюся рыбку. У рыбки голубые глаза и яркая, как у левкоев, сине-фиолетовая окраска. В банку осторожно укладывают кружевную веточку коралла. Морские ежи, звезды, губки, нежные моллюски, глубоководные голотурии и карликовые ангелочки—все получают свое место на полках биологической лаборатории.

Глубоководные работы—не легкое дело. Руки стынут от прикосновения к ледяным приборам, пальцы отказываются работать и только дыханием их можно чуть-чуть согреть и заставить двигаться. Температура воды на больших глубинах—ниже нуля. Аппарат, пробыв там два-три часа, приходит,

как бы вобравший в себя холод подводной Арктики. Чертовски холодны эти аппараты.

Неудобно работать на палубе. Приходится стоять на больших жирных и скользких бочках. Дует пронзительный ветер. Правый борт во время дрейфа—всегда с наветреной стороны. Корабль то и дело ложится на бок. Но разве это останавливает энтузиастов, готовых скорее отморозить руку, нежели потерять какого-нибудь микроскопического рачка...

Но вот подняты на борт все приборы.

- Можно итти дальше?—спрашивает вахтенный штурман, давно уже с нетерпением ожидающий окончания затянувшейся станции.—Три часа стоим!—хмуро бросает он.

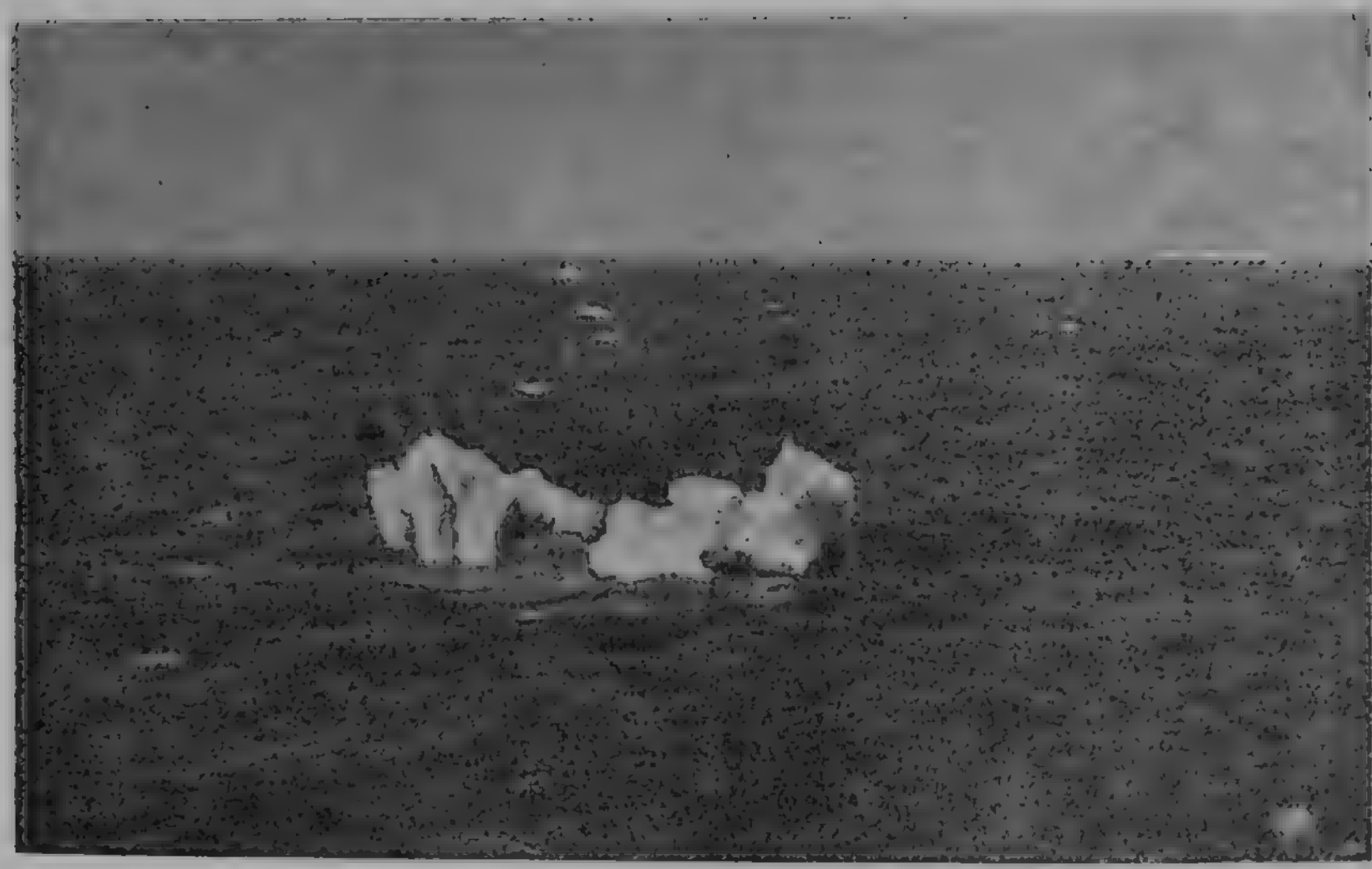
— Кончили, Василий Иванович! Готово!

Снова слышен капитанский телеграф. Через несколько минут, оставляя позади треугольник волны, корабль устремляется вперед по курсу.

На полубаке Г. П. Горбунов старательно промывает свой улов. Его ящик похож на вашгерт золотоискателя. Довершает сходство струя воды, она бьет из резиновой кишки, размывая принесенную тралом со дна моря гору ила и камней, среди которых попадаются обитатели морского дна. Горбунов старательно вылавливает их пинцетом, укладывает в банки и стеклянные кюветы. Ил и камни морского дна—эта часть «добычи» принадлежит геологу. Богоров спускается в машинное отделение и берет там пробу, собранную его автоматом.

Наконец, все рассортировано, зафиксировано, записано, отмечено. И только, когда закончена эта работа, можно снова пойти в кают-компанию и, отвечая на многочисленные вопросы, вдыхать живительную теплоту. Нигде, пожалуй, люди не ощущают так всей прелести тепла, как в кают-компании.

Пьют горячий чай с лимонным или клюквенным экстрактом. Снова начинаются беседы. Люди очень утомлены—сегодня это уже вторая ночная станция, но не хочется уходить, так возбуждены все своими уловами. И снова слышатся воспоминания рассказы, советы. Сверху спускается Ушаков, интересующийся добычей, бодрствующий вместе со всеми. Он присаживается и, уступая настояниям, рассказывает о своих зимовках, о жизни эскимосов, чукчей, о зверях, о птицах. В рассказах Ушакова о холодном Севере много теплоты, много юмора, хорошего, доброго юмора. Целый ряд событий и людей... Перед слушателями проходят Северная Земля, остров Врангеля, Северный морской путь, Америка, лагерь Шмидта... Буфетчик Устиныч



Плывут ледовые «цветы»—вестники близкой кромки льда.

пришел подметать пол и застыл у двери, слушая рассказы Ушакова.

— Спать, что ли?—спрашивает начальник.

— Еще, еще,—просят со всех сторон.

И он рассказывает:

«У каюра Журавлева родилась на Новой Земле дочка. Она прожила там восемь лет, никогда не видела Большой земли, но зато вдоволь насмотрелась на птиц и зверей, хорошо изучила их повадки, могла без ошибки сказать, когда птица собирается взлететь, а нерпа нырнуть.

Девочка приехала в Архангельск. Когда она выходила на пристань, то впервые в жизни увидела извозчика. Какое-то насекомое укусило клячу, и та взмахнула хвостом.

— Папа, папа, она сейчас полетит!—возбужденно закричала девочка, знавшая, что птица перед взлетом взмахивает хвостом».

Общий хохот покрывает последние слова рассказчика, который больше не хочет оставаться в кают-компании и гонит всех в каюты.

Отголоски смеха звучат в коридорах и на лестницах. Люди отправляются спать. Но разве уснешь, когда надо записать в дневники все виденное и слышанное, составить наметки на

завтрашний день, обменяться впечатлениями с соседом. И когда через час проходишь по коридору, во всех каютах слышны голоса: никто еще не уснул.

Чтобы отнести в радиорубку телеграмму, надо выйти на верхнюю палубу и пройти мимо собак. Это наши друзья. Чудесная овчарка Махно, неизвестно почему так обидно названная, приветливо машет хвостом. Кто-то из-за горы ящиков говорит:

— Не улетишь, Махно! Не улетишь!

...Три дня идет «Садко» по семьдесят шестой параллели. На 8° западной долготы по горизонту легла широкая белая полоса. Яркие зайчики, отраженные невидимым зеркалом, окаймили море.

Причудливые белые лилии—ледяные кувшинки—плывут по морю. Их обгоняют глыбы голубовато-зеленого льда, напоминающие то ископаемого мастодонта, то огромные пчелиные соты. Большая ледовая птица гонится за цветами; на столбике льда, подточенном теплой водой, широкая, как у пеликана, голова.

Часто льдины напоминают цветом куски медного купороса. Вода пробивает в них каналы, пещеры, гроты. Вот плывет огромный гриб, и удивительным кажется, как держится он на тоненьком корешке. Вот древнерусская ладья: не верится, что она сделана без участия человеческих рук.

Двадцатая, последняя на 76° северной широты, станция проходит в бухточке, в подкове ледяных полей. С трех сторон лед. Слышен шум прибоя. Волны наступают на ледовую преграду, как на береговые рифы.

Сворачиваем на северо-восток к семьдесят восьмой параллели, чтобы второй раз пересечь Северную Атлантику теперь уже с запада на восток.

Запутывая вконец счет времени, в два часа ночи из облачной марли в центр небосклона, в зенит, выбралось яркое и, пожалуй, даже жаркое солнце. С верхней палубы ретивые стрелки палят по бутылке, сброшенной в волны. Дневальный обходит каюты и находит их пустыми.

— Станция,—прерывает он играющих в домино. Пользуясь солнцем, любители перебрались из кают-компании прямо на палубу.

С верхнего мостика далеко ввысь уходит радиозонд. Его пиликающие сигналы принимают в радиорубке аэролог Гутерман и радист-челюскинец Сима Иванов. На высоте девяти тысяч метров отмечена температура минус шестьдесят градусов.

— Сегодня,—говорит Ушаков,—ударная станция. Разрез глубиной в двенадцать километров. Три в глубину, девять в высоту. Не плохо.

Закончена атака недр воды. Подняты на палубу тросы, батометры, драга, трубка Экмана, планктонные сети. Корабль на ходу. Регулярно измеряем глубины.

Много романтических страниц посвящено в морских рассказах матросу, забрасывающему веревку с грузом для замера глубины. Ровными кольцами собирает он линь на своей руке. Вот выброшен груз, и веревка вытягивается, быстро скользит в море. Короткий толчок. Лот достиг дна. Снова нанизываются кольца веревки. Мокрые, оплетенные водорослями, они висят на руке матроса...

Сейчас глубину измеряет эхо.

У килевой обшивки корабля установлен отправитель звука—пакет никелированных пластинок. Когда через обмотки, окружающие эти пластинки, проходит электрический ток, они сжимаются. Разжимаясь, они дают высокочастотный звук, который пробивается на дно моря. Хотя этот звук не слышен для человеческого уха, но подчиняется всем законам акустики. В воде он распространяется со скоростью полутора тысяч метров в секунду. Если глубина семьсот пятьдесят метров, то до дна звук идет полсекунды и через полсекунды возвращается его эхо. Эхо заставляет вибрировать приемник эхолота. Электрический ток индуктируется в его обмотках, идет наверх, в рубку. Меж контактами проскакивает искра. На регистрирующей бумажной ленте появляется штрих записи. Штрих этот коричневый, словно прожженный в бумаге электрической искрой. Но это не прожог, а запись, электрозапись на ленте, пропитанной солями иодистого серебра. Расстояние от края ленты до штриха показывает глубину моря от днища корабля.

На ленте причудливым гористым рельефом вычерчены глубины моря. Но это только запись эхолота. Она показывает возвышения и провалы, подводные холмы и ложбины.

У эхолота часто появляется А. И. Дубровин. Сложный прибор с самого начала экспедиции заинтересовал нашего корабельного инженера.

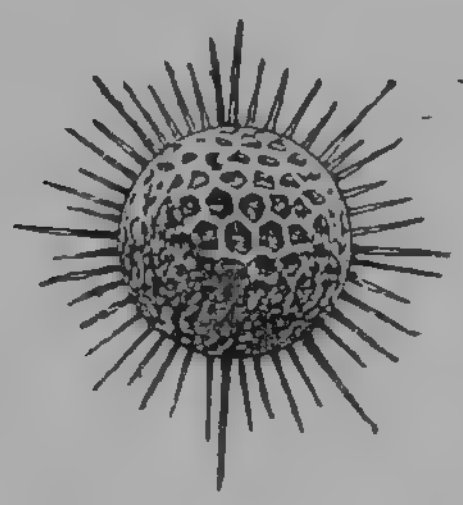
...В полночь 22 июля вырвалось из тумана солнце. На море много птиц—люриков, чистиков. Целый день солнце не покидает нас. Виден Шпицберген. Пирамиды гор, прорезанные ледниками, нанизанные одна на другую кряжистой грядой, под-

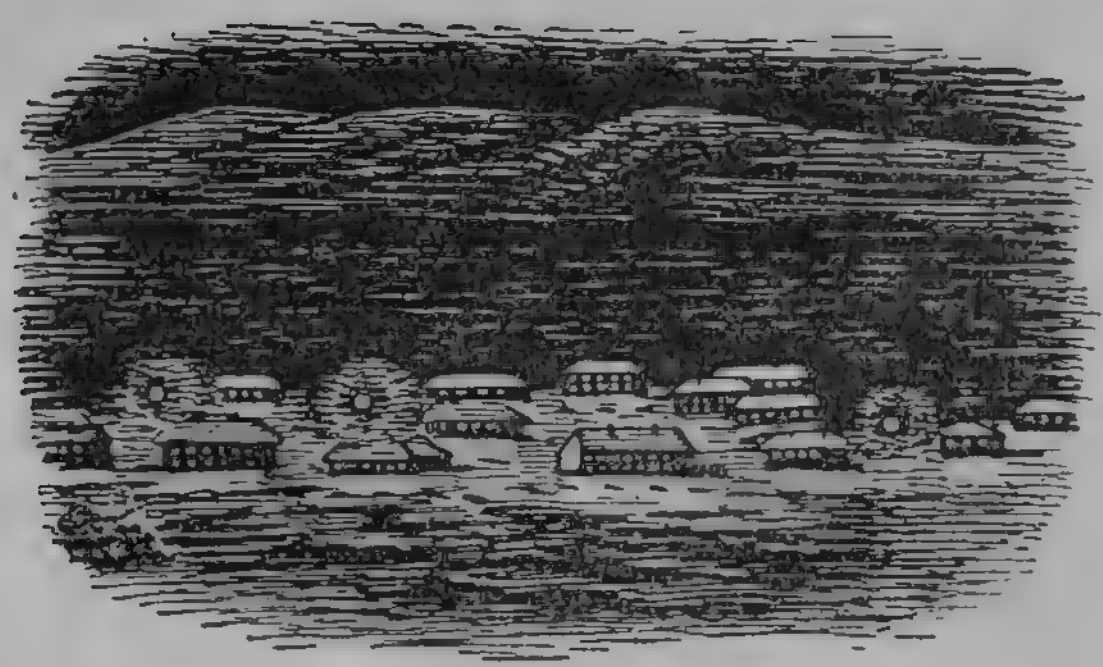
нимаются из моря. Последняя станция перед Баренцбургом. Все собрались на полубаке. Все выбриты, подтянуты. Поблескивают пуговицы морских кителей. Вокруг смуглые, загорелые, обветренные северными ветрами лица.

Расстояние в море обманчиво. Почти три часа добираемся до входа в Айсфиорд. Вспугиваем уток, спокойно плавающих у входа в залив. На левом мысу виден птичий базар.

Входим в Айсфиорд. Впереди небольшой белый пароход. Он проходит вглубь фиорда, очевидно к Адвенбею. Нам с ним не по пути. Сворачиваем вправо, в зеленую бухту—бухту Грингарбур.

От Баренцбурга навстречу «Садко» идет катер.





ВСТРЕЧИ НА ОСТРЫХ СКАЛАХ

Кто хоть раз видел дикие остроконечные скалы Свальбарда, тот легко поймет, почему, открыв эту страну, Вильгельм Баренц ван-дер-Схеллинг назвал ее Шпицбергеном—Острогорьем.

Летом и осенью Свальбард легко доступен. Сюда еще в XVI веке на утлых кочах доплывали с беломорских берегов смельчаки-поморы, кляня страшный, но заманчивый остров. В XVII веке, когда человечество еще не полностью отрешилось от фантастических представлений о Севере, когда «географы» продолжали Гренландию на восток, соединяли ее с Азией и питали людей легендами о Тролтботене—стране ведьм и колдунов, занимавшей, якобы, весь Север,—у берегов Шпицбергена промышляли многолюдные китобойные флотилии.

Лет тридцать назад предприимчивые американцы занялись на Шпицбергене угольными разработками. За американцами пришли норвежцы, голландцы, шведы, немцы, русские. Лихорадочно основывались акционерные общества, выпускались акции, прибрежные склоны покрывались заявочными знаками разных компаний. В 1925 году на Шпицбергене работало четыре крупных и несколько мелких рудников. Но уже к 1932 году осталось только два советских—Баренцбург и Грумант-Сити—да еще один небольшой норвежский рудничок в Адвенбее. Капиталистической Европе крепкий полярный уголек оказался не по зубам...

Бухта Грингарбур, на берегу которой лежат поселок и рудник Баренцбург, удивительно приветлива. Южные склоны

покрыты ярким ковром зелени и полярных цветов. По склонам глубоких каньонов спускаются быстрые ручьи. Кажется, что Шпицберген с его острыми скалами и ледниками остался далеко позади. Только вечно снежные вершины западного берега напоминают о севере, о семьдесят восьмой параллели.

В этой тихой, уютной бухте побывали тысячи путешественников. Некогда здесь стояли суда норденшельдовской экспедиции к полюсу. Тридцать шесть зим провел в Грингарбуре (с норвежского—зеленое убежище) знаменитый помор Иван Старостин, именем которого Норденшельд назвал один из выходных мысов Айсфиорда. Старостин похоронен где-то на западном берегу бухты. К сожалению, могила отважного помора затерялась, а жизнь его почти неизвестна соотечественникам, хотя она должна быть отнесена к выдающимся подвигам своего времени.

Славу Грингарбура составляют богатейшие угольные пласты. В годы империалистической мировой войны компания голландских предпринимателей, окрыленных баснословными ценами на уголь, скупила угленосные участки и приступила к постройке большого рудника. В 1923 году на карте появилось название нового города—Баренцбург—в честь прославленного голландца, открывшего архипелаг. Строительство шло успешно. В расчетах себестоимости будущего угля компания тщательно все учла. В проспекте для акционеров откровенно заявлялось, что «благодаря наличию свободных горняков в Руре приведенные расчеты стоимости рабочей силы являются максимальными, ибо не исключена возможность маневрирования с оплатой... Поскольку времени у рабочих будет более чем достаточно, расчеты оставляют в резерве возможность добровольного увеличения количества часов работы».

Одного только не учли хозяева компании—кризиса. Когда его рука добралась до Баренцбурга, все расчеты пошли на смарку. Вложив в строительство рудника несколько миллионов рублей, голландцы вынуждены были, как и большинство других шпицбергенских компаний, закрыть рудник.

Многометровая ледяная пробка затянула штольню и задушила штреки. Опрятные домики замолкли, заколоченные и обветшалые. На пристани валялись нераспакованные ящики с оборудованием и материалами. Мертвыми исполинами застыли, вздернув кверху свои костлявые руки, ненужные грейферы. И только два сторожа, охранявшие неизвестно от кого это кладбище, напоминали о том, что жизнь еще не совсем покинула берег. Замерла жизнь и в трех километрах от Баренцбурга, в Анкерсхамне, где норвежцы выстроили большую правитель-

Рабочий поселок в Баренцбурге.

ственную радиостанцию. Из-за отсутствия кредитов станция закрылась. Крупнейший и единственный на Шпицбергене китообрабатывающий завод опустел. Огромная туша неразделанного кита, распространяя по окрестности зловоние, валялась на берегу.

Прошло несколько лет. Голландские капиталисты лихорадочно искали выхода. Они обращались к королеве, взывали к ее патриотическим чувствам, приводили в пример Норвегию, которая всяческими дотациями поддерживала угасающий Адвентбей—последний рудник норвежцев на Шпицбергене. Ничего не помогло. Тогда решено было продать рудник.

С разрешения советского правительства рудник был куплен трестом «Арктикуголь», который еще с 1931 года разрабатывал месторождение Грумант-Сити, находящееся километрах в тридцати от Баренцбурга.

В июне 1932 года группа советских горняков и строителей прибыла в Баренцбург. Снег уже стаял. Обнажились горы мусора, накопившегося за годы хозяйничания голландцев. В маленьких домиках на столах стояли начатые консервные банки, бутылки с ромом, в фаянсовых шкафчиках с миниатюрными ящичками лежали соль, крупа, рис, перец. Было похоже,

что хозяева бежали, спасаясь от наводнения, снежной лавины или землетрясения.

Закипела работа. Старожилы хорошо помнят время, когда они первый раз пришли в шахту, брошенную голландцами. Пробив лед, закрывший горло штольни, они вошли в подземный город. Кабеля были брошены невыключенными. На штреках валялись инструменты. В лавах находили замерзший хлеб и мясо, завернутые в старые газеты. В течение нескольких месяцев шахта очищалась от льда, приводилась в порядок, подготовлялась к пуску. Спешно монтировалась электросеть. Раскапывались в мусорных завалах механизмы. Не умолкали молотки на монтаже единственного в своем роде сложнейшего крана для приемки угля из шахты и погрузки его на пароходы.

7 ноября 1932 года на склад пошла первая партия вагонеток, груженных углем из лав Баренцбурга. Рудник вступил в эксплоатацию.

Тяжело прошел первый год. До окончания навигации многого не успели завезти. На руднике не было воды. В разгар полярной ночи приходилось посылать людей через залив за льдом на глетчер. Лед возили в барже, на буксире у слабосильного катера через покрытый айсбергами залив. Сгорели скотный двор и технический склад. Постройку восстановили при свете шахтерских лампочек. Один светил, другой забивал гвозди.

В 1933 году приехала новая группа горняков. Пошли на свалку старые штанговые, заржавевшие от долгого безделия машины «Универсаль» малоизвестной конструкции, оставшиеся от голландцев, с которыми много дней без толку возились донецкие машинисты. Прибыли врубовки советской марки — Горловского завода. Из домов были выброшены нары. Горняки поселились в отстроенных за лето двухэтажных просторных общежитиях. Прошло еще два года, и от подножья похожей на перевернутую чашку горы Гункар почти до самого берега выстроились ровными шеренгами дома советского поселка.

Новые люди обладали твердой рукой и еще более твердой волей. Они привезли с собой советские трудовые навыки, советский семичасовой рабочий день, советские законы о труде. Эти люди были упрямы, но они не были волшебниками. На острове не могли по мановению руки вырасти дворцы и клубы, бани и прачечные, школы и колледжи. Много труда было положено на организацию связи с материком, организацию снабжения, быта, жизни, работы.

Были освоены горные работы в штольне, где температура никогда не поднималась выше —4, —5°. Остров продолжал сопро-

тивляться, люди еще болели, но всем было ясно, что первые испытания, которые предстояло пройти на суровом Шпицбергене, коллектив советских горняков выдержал блестяще.

Сегодняшний Баренцбург—это крупный, механизированный по последнему слову техники рудник. Он обеспечен запасами угля на десятки лет работы. По уровню механизации рудник стоит на одном из первых мест в СССР.

Продавая рудник, голландцы отметили в договоре: «фирма гарантирует при условии ввода в ход всех предусмотренных в проекте механизмов максимальную производственную мощность—тысяча двести тонн в сутки». Сами голландцы только мечтали о такой добыче. Сейчас проектная мощность давно перекрыта. Советский Баренцбург выдает до полутора тысяч тонн угля в сутки.

Летом сюда приходят корабли. Частью это зафрахтованные «иностранцы», частью наши грузовозы. Уголь Шпицбергена уходит на Большую землю—в Архангельск, в Мурманск. Давно разбито недоверие к баренцбургскому углю. Нелепые сплетни о его высокой зольности и других плохих качествах—в прошлом. Весь Север питается теперь северным кардифом. Многочисленный флот Мурманска и Архангельска, Мурманская железная дорога, портовые и городские электростанции, наконец Хибино-Кандалакшский комбинат, а в последнее время даже некоторые предприятия Ленинграда получают уголь с семьдесят восьмой параллели.

На пристани «Садко» встречал весь город. Мы охотно принимаем приглашение осмотреть шахту, общежития, познакомиться с жизнью заполярной советской колонии. Жители Баренцбурга приехали со всех концов Союза. Донбасс посылает сюда горняков, Москва—механиков, монтеров, Брянск и Рязань—строителей, Ленинград—грузчиков, Архангельск—водников...

...Вечером заходим в кино. На экране скачет Ворошилов. Ввысь уходит шпиль Спасской башни. Гремят оркестры. На Красной площади, примкнув штыки, идут бойцы, партизаны, комсомольцы. И вдруг по залу разносится звонкий девичий голос:

— Здравствуйте, Климент Ефремович!

Голос обрывается на полуслове. Он тонет в раскатах рукоплесканий.

Закончен парад. С экрана двое идущих по гранитной набережной поют знакомую песню:

— Нас утро встречает прохладой...

Это—родина, материк, Большая земля. Далеко отодвинулось море, поседевшее от туманов, отодвинулись дни на штормующем корабле.

После кино мы снова бродили по улицам города. Незаходящее солнце яркой радугой играет в брызгах небольших фонтанов. Жаль, что нет цветов. Их заменяют узорчатые клумбы, старательно выложенные из многоцветных камешков. Но, пройдя немного дальше, мы видим цветы—низкорослые полярные маки. Яркие лепестки их поднимаются на тоненьких коротких ножках.

Напротив столовой (здание одновременно служит театром и рабочим клубом) небольшой помост. Здесь вечером выступает духовой оркестр, сюда в свободные часы вытаскивают гири и штанги, выкатывают большой биллиардный стол с деревянными самодельными шарами. Сюда с волейбольных площадок доносятся свистки судей.

Мимо небольших чистеньких домиков ведут досчатые тротуары. По всему видно, что люди пришли сюда надолго, устроились плотно, по-хозяйски. У тротуаров стоят бочки с лаконичными надписями «окурки бросать только сюда». Около одной из лестниц, ведущих к пристани, будка питьевой воды. Из медной колонки высоко бьет фонтанчик, проведенный от далекого горного родника.

В большом доме барачного типа—промтоварный магазин. Почему-то вспоминаются рассказы Джека Лондона, и кажется, что вот-вот человек в тулупе, вошедший сюда, вынет кисет и будет расплачиваться за товары полноценным золотым песком.

Но золота, как и денег, на острове нет. Первое время это смущает вновь приехавших. Зайдешь побриться—бесплатно. Пообедать—тоже. Белье починить—тоже. Печенье взять у кондитера Золотого—тоже. Потом привыкают. Старые кадровики к этому своеобразному коммунизму относятся как к чему-то само собою разумеющемуся. Только для закупок в промтоварном магазине каждый зимовщик ежемесячно получает специальный ордер на определенную сумму. Окончательный расчет производится на материке, после возвращения.

Милиции, суда, прокуратуры тоже нет в Баренцбурге. Да они и не нужны. В поселке очень редки случаи хулиганства. Они влекут немедленную высылку на материк. В течение ряда лет не было ни одной кражи. Почти все комнаты открыты. Единственный судебный орган—это товарищеский суд. Ежегодно он избирается общим собранием и разбирает мелкие проступки отдельных зимовщиков «именем рабочего коллектива».

На клубной площадке бьет фонтан. Отсюда в часы отдыха баренцбуржцы любуются прекрасными видами айсфиорда.

В конторе рудника нам рассказали, как молодой парень Тимченко, толкнувший из озорства девушку, письменно попросил у нее извинение. Уважение к женщине—один из первейших законов города. Письмо Тимченко было прочитано на общем собрании. Кстати, в столовой вывешен недавний приказ по руднику: «Зав. участком снижается на полгода с должности за допущение матерной брани по адресу рабочего...»

Заходим на электростанции. Здесь нас знакомят с парнем, бывшим пастухом, ныне старшим дежурным, недавно выступавшим на интернациональном вечере с докладом на немецком языке. Молодежь Баренцбурга много и плодотворно учится, особенно в зимнее время, когда полярная ночь безраздельно властвует над Баренцбургом.

Из окон небольшого домика над бухтой хорошо виден весь залив. Домик над бухтой принадлежит советскому консулу. Мы сидим в консульстве. Часы бьют шесть. Вслед за последним ударом раздается стук в дверь. Еще не открыв ее, консул говорит:

— Это каптэн Ивальд Свенсон. Потом я вам расскажу историю его жизни.

Входит высокий краснощекий старик. Белая грива волос скромно зачесана вверх. Глаза голубее воды северных озер. Жесткой щеточкой топорщатся седые усы. Мы встаем и приветствуем старого моряка. Не только одежда, но и все тело его пропитано соленым, пряным запахом моря. Старик неловко садится, смущенно оглядывает нас и говорит по-немецки, обращаясь к консулу:

— Ну, как? Вы смотрели, герр консул.

— «Садко» прибыл. Много работы. Грузим уголь. Не успел. Простите меня, герр каптэн.

— О! «Садко». Он идет на север.

Глаза мужественного старика загораются любопытством. Завязывается с трудом разговор. Каптэн плохо говорит по-немецки, а мы не знаем языка Норвегии. Объясняемся на чужих языках, прибегая к помощи карты, этого интернационального языка моряков. За столом консул рассказывает историю капитана Свенсона.

— Ему семьдесят два года. Полвека он отдал плаванию в северных морях. Трудно найти лучшего знатока извилистых фиордов Шпицбергена. Свенсон был матросом, боцманом, ледовым капитаном. Его знает вся Норвегия. Он был участником экспедиции Амундсена и Нансена, прославивших норвежский народ.

— Герр каптэн, не так, наоборот,—вдруг прерывает свой рассказ консул.

Ивальд смущен. Он взял папиросу табаком в рот, долго и безуспешно пытаясь зажечь ее с пустого конца.

— Ах! Я думал сигарет,—смущенно говорит он.

Консул продолжает рассказ.

— У каптэна Свенсона два сына. Они вместе промышляли зверя и треску, плавая на небольшом собственном пароходишке. Старик мечтал собрать немного денег, чтобы купить где-нибудь в далеком Финмаркене маленький белый домик и спокойно закончить там свою жизнь. Однажды он пришел в Баренцбург и предложил свой корабль советским рудникам. Пароходик был чистенький, аккуратный. Мы составили небольшую дефектную ведомость, передали ее Свенсону, попросили исправить дефекты и пообещали после этого купить пароход. Старик вернулся в Норвегию. Он взял ссуду в банке, поставил пароход на ремонт, а через две недели повел его обратно к Шпицбергену. На вахте стоял старший сын. Налетел туман и шторм. Сын зазевался, пароход наскочил на прибрежные

рифы и затонул. Свенсоны вернулись в Норвегию. Они стойко выслушали весть о том, что банк, давший ссуду, предъявил иск в коронный суд. Старый моряк отказался от подачки муниципалитета, получил страховую премию, продал вещи и вернул деньги банку. Теперь ему не приходится мечтать о собственном домике и спокойном закате жизни. На семидесятом году жизни Свенсон пошел снова служить ледовым капитаном.

Рассказ консула взволновал нас. Невольно приходят в голову сравнения. Что, если бы Свенсон жил у нас на Большой Советской земле? Каким замечательным примером для молодежи служила бы его мужественная жизнь. Как прославила и чтила бы его родина.

Спрашиваем консула, какие дела привели Свенсона в Баренцбург.

— Вообще он частый гость у нас. Но сейчас он приехал по делам коммерции. Неподалеку отсюда англичане владели крохотным рудником. Они давно обанкротились и решили теперь по дешевке распродать имущество. Своим представителем они заочно сделали каптэна Свенсона. Он приехал сейчас из Белсунда. Это—в ста километрах отсюда.

— А почему вы знали, что он будет ровно в шесть часов?

— Но ведь он сказал об этом еще две недели назад. Он не мог ошибиться.

— Неужели он приехал морем?

Мы смотрим в окно, где у берега стоит небольшая моторная шлюпка.

— Ну, конечно.

В Белсунде Свенсон работает капитаном небольшого ледокола. Он взламывает и выталкивает лед из залива. Прогулка в сто—сто пятьдесят километров для старого моряка—мелочь, пустяк.

На столе карта. Свенсон рассказывает о льдах, о ветрах.

— Здесь, здесь,—тыкая огрубевшими пальцами, прочерчивает он путь «Садко» вокруг Шпицбергена к острову Белому, к Виктории, к Земле Франца-Иосифа.

Бьют часы. Свенсон заторопился. Крепко пожав на прощанье руки, он выходит бодрой, почти мальчишеской походкой. Из окна хорошо видна его плотная, широкоплечая фигура. Вот он уже у моторки. Молодой парень в синем, встречая его, встает. Свенсон перепрыгивает через скамейку и садится за руль. Через несколько минут моторка уходит к морю, оставляя на зеркальной глади залива рябь небольшой волны.

Позже мы не раз вспоминали седоусого гиганта, удивляясь правильности его предсказаний о нашем маршруте...

Шесть дней «Садко» стоял в Баренцбурге. Вначале перегружали грузы, освобождая место для угля. Затем четыреста тонн первосортного угля заполнили бункера и трюмы. На отлогом склоне берега, подальше от моторов и электростанции, профессор Жонголович разбил свою палатку для магнитных наблюдений. За палаткой белели огромные буквы:

«Привет «Садко»!

Это приветствие баренцбургских горняков мы увидели еще за несколько миль до поселка, едва только наш корабль вошел в залив.

По утрам Бабушкин и Власов испытывали самолеты. Кинооператор, воспользовавшись случаем, заснял залив и горы Айсфиорда с воздуха. Вечером в рабочем клубе научные сотрудники экспедиции читали лекции: о ледниковом периоде, об Арктике, о геологии, льдах и северной авиации. Горняки в честь экспедиции организовали вечер самодеятельности. Он начался двумя картинами из оперы «Русалка». Затем в сольных и парных балетных и вокальных номерах выступали машинисты врубовок, забойщики, откатчики.

В свободные часы многие из садковцев уходили на экскурсии в горы. Богоров собрал большую коллекцию полярных цветов: яркие низкорослые гвоздики и цветочки щавеля на мху.

Но свободного времени немного. Все механики заняты проверкой судовых механизмов. Научные работники обрабатывают материалы, собранные в Гренландском море.

Приезжают на «Садко» в одиночку и большими экскурсиями баренцбуржцы. С гордостью они рассказывают о поселке, о своей жизни. Много интересных происшествий сохранилось в памяти жителей этого молодого заполярного города.

В 1933 году, когда Баренцбург еще не разросся в город, приходили медведи. Однажды в порту разгружали пароход с яблоками. Ошкуй издалека учуял дразнящий запах «крымки». Лакомка спустился с гор и неожиданно очутился перед растерявшимися от неожиданности грузчиками. К счастью, пристань была загромождена кирпичными штабелями, люди спрятались среди них. Медведь попробовал забраться на борт парохода. Это ему не удалось. Он начал осмотр пристани. Легко вообразить ужас конторщика, когда, услышав за дверями какую-то возню и собравшись было обругать непрошеного посетителя, он увидел в дверях медведя. Со страху конторщик начал бросать в него яблоками, а затем полез под стол. Медведь испугался и побежал в гору, к электростанции, где его настигла пуля.

В следующие годы ошкуи держались подальше от города. Но однажды случилось так, что, пересекая горную цепь, тройка голодных зверей, пренебрегая подозрительными людскими запахами, свернула на лед. Невдалеке на берегу плотники чинили баржу. Один из них, заметив медведей, сломя голову побежал в Баренцбург. Новость моментально облетела весь рудник. Охотники бросились за ружьями и лыжами и помчались по крутому склону к заливу, чтобы перерезать медведям путь. Учуяв погоню, те стали улепетывать. Северные ветры нагнали в залив много воды. Лыжники задержались, а медведи добрались до чистой воды и исчезли.

Придя в город, горе-охотники застали на стене приказ: «За оставление территории рудника и выход на лед без разрешения на товарищей (имя рек) накладывается строгое взыскание». Взыскание это было необходимо, ибо самое трудное—это упорядочить весной и осенью всякого рода прогулки и охотничьи экскурсии.

В первые годы своего существования советская колония дорого заплатила за свою неосведомленность о причудах арктической природы. Прораб Сулоев вышел на лыжную прогулку; застигнутый внезапно налетевшей пургой, он погиб в Медвежьей долине. Труп его нашли только на третий день. Следы по утоптанному снегу рассказали все подробности его гибели. Ослепленный, измученный бурей, он бросил лыжные палки, прошел несколько сот метров на лыжах без палок, потом скинул лыжи, прополз немного на четвереньках, лег и заснул. В нескольких шагах от группы разыскивавших его охотников замерз углеразведчик Фесенко. Когда затихла пурга, окоченевший труп нашли буквально в пяти шагах от палатки спасателей.

Но подобные происшествия теперь уже в прошлом. За последние годы в Баренцбурге не умер ни один человек — появилось тридцать шесть новых советских граждан. Это неплохой прирост населения, если учесть, что женщин в поселке только двести пятьдесят. Новорожденным гражданам баренцбуржцы дают звучные северные имена—Свальбард, Фиордина, Грумант, Баренц, Стелла (Звезда), Ивальд... Здесь есть трехлетние дети, которые никогда не видели южного лета, не видели лужайки, покрытой густой и пышной травой, не грелись на южном солнышке, но эти крепкие, здоровые дети не слабее «южан». У них есть свои ясли и столовые. Пожалуй, они единственный нетрудовой элемент на руднике...

Замечательным оазисом является наша колония на мрачном и суровом Свальбарде, где следы страданий и смерти рассеяны

по всему архипелагу. Почти каждая бухта и мыс связаны с какой-нибудь трагедией, гибелью зимовщиков или судов. Пожалуй, ни одна полярная страна не имеет столько траурных названий. Здесь есть «Гора мертвецов», «Мыс мертвецов», «Полуостров мертвецов», «Гора скорби», «Бухта печали».

В прошлые века в бухты Шпицбергена приезжали смелые русские поморы—груманланы. Они оставались на зимовке для добычи песцов, белых ошкуев (медведей), оленей и моржовых тинков (клыков). Груманланы строили тесные становые избы и, когда наступала полярная ночь, запирались в них, не выходя почти всю зиму на воздух. Они панически боялись тьмы. Бледные, истомленные, с потухшими глазами, люди сидели в смрадном стане, вокруг горящего жирника с ворванью. Они, как автоматы, выполняли нелепые «наряды», лишь бы убить как-нибудь время, лишь бы откупиться от цынги... Климат Шпицбергена, по рассказам промышленников, баснословно развивал цынгу в народе: «через два добрых уповода спячки человек начинает цынговать». На этом острове, сказывали они, «человека неодолимо влечет природа ко сну; по этой-то причине они, чтобы не спать, наряжают друг друга навязывать узлы на веревки и снова развязывать или спарывать с полушубков овчинные заплаты и опять нашивать, неослабно наблюдая, чтобы наряды эти были исполняемы».[1]

Умирали груманланы в полярную ночь как мухи. В северных деревнях еще недавно распевались печальные песни о Шпицбергене—Груманте:

«Прощай, батюшка, ты, Грумант,
Кабы больше не бывать.
Ты, Грумант—батюшка страшон,
Весь горами обешон,
Кругом льдами окружен.
На тебе нам жить опасно,
Не пришла бы смерть напрасно».

С тех времен прошли многие десятилетия, но участь промышленников, раскинутых по всему Шпицбергену, мало чем изменилась.

Тридцать два промышленника ежегодно зимуют на острове. Среди них норвежцы, шведы, эстонцы, шотландцы, латыши, немцы, австрийцы. Летом они приходят в Лонгир-Сити—административный центр Свальбарда,[2] регистрируются у губерна-

---

[1] «Отечественные записки за 1848 год». Записки Шенкурца.

[2] С 1925 года по Международному договору, к которому примкнул позднее и СССР, Шпицберген объявлен собственностью Норвегии и теперь именуется его норвежским названием—Свальбард.

тора, сообщают о результатах охоты для обложения налогом. Пополнив запасы продовольствия и отослав меха на материк, они снова уходят на лыжах, пешком или уезжают на моторках в свои избушки. Буквально в каждой из бухт—от южного Горн-Зунда до северного Видебая—можно найти эти избушки промышленников. И нет года, который прошел бы благополучно. Обычно в конце года, когда истекают все сроки для регистрации, губернатор посылает суденышко на поиски неявившихся. Тогда становятся известными полярные трагедии современных груманланов.

В Вале-гук двое выехали на лодке в залив, их затерло льдом и унесло течением на далекий северный берег. Они нашли домик и поселились там. Обессилевшие от голода и холода, увидев разыскивавшее их судно, промышленники не могли подать ему сигнала. В конце лета бот, выехавший для сбора яиц, случайно наткнулся на трупы промышленников и нашел их дневник, который они вели до последнего дня.

В Сан-Иоганменбай промышленник Орлик (это было десять лет тому назад) пошел прямой дорогой по глетчеру, провалился в трещину и в течение восьми часов, опираясь ногами на выступы, ковырял ножиком лед, делал ступеньки. Выбравшись из ледового капкана, он сошел с ума и был увезен в сумасшедший дом в Тромсе.

На Кап Богеман (это было восемь лет тому назад) промышлял норвежец. Испугавшись темноты полярной ночи, он не выходил из дома, пока не был весь изъеден цынгой. Несчастный вел дневник. Он писал о том, что отнялись ноги, поэтому он теперь делает санки, на которых, отталкиваясь руками, намеревается добраться до соседнего залива Диксонбая, где зимовали два промышленника. Рядом с мертвым норвежцем нашли издохшую от голода собаку.

Не пересчитаешь всех случаев безвестной гибели безыменных промышленников. В тридцатых годах XX века они живут и гибнут так же, как груманланы XVIII и XIX столетий.

Немногим лучше жизнь в столице «сусильмана Свальбарда» (норвежский губернатор архипелага)—в поселке Лонгир-Сити, расположенном вокруг небольшого норвежского рудника Адвенбея—единственного из капиталистических рудников, сохранившихся на территории Шпицбергена. Раньше, лет тридцать тому назад, в Адвенбее была построена гостиница для туристов. Прельщенные широковещательной рекламой и перспективой без риска для жизни очутиться в непосредственной близости

к Северному полюсу, в гостиницу приезжали многочисленные туристы. Неудачный полярный исследователь, участник экспедиции на «Ганзе», немецкий капитан Ван ежегодно фрахтовал пароход и возил туристов в гостиницу, издавая там для рекламы «самую северную в мире» газету и продавая им же выпущенные «самые северные в мире» почтовые марки. На марках был изображен стоящий на задних лапах медведь и охотник, стреляющий прямо в его пасть. Туристы робко ходили по окрестностям и стреляли пепуганых оленей. Когда олени были истреблены, гостиница закрылась. Позднее она превратилась в казарму для грузчиков.

На берегу долины, у ложа растаявшего глетчера раскинулось по двум горным террасам несколько рядов разноцветных домиков. Они примыкают к горе, напоминающей огромный саркофаг. Днем и ночью слышен над городом жалобный шум канатной дороги. Она не работает только в воскресные дни.

В Лонгир-Сити живет несколько сот горняков, загнанных на Шпицберген нуждой. В тесных, с низенькими потолками комнатах стоят двухярусные, как на пароходах, койки. В бесконечную полярную ночь, когда, миновав горные барьеры, свирепые ветры врываются в долину, домики, стянутые канатами, слегка раскачиваются; спящим на двухярусных койках кажется, что они едут на пароходе домой, в далекий Финмаркен, и пароход покачивает на мертвой зыби.

Шахта—столовая—кирха—койка. В этом безвыходном кругу вся жизнь.

Пастор—это общепризнанный властитель дум и монополист культуры в Лонгир-Сити. В руках у пастора кино. Прежде чем начать вертеть картину, пастор угощает шахтеров очередной проповедью. Чтобы обеспечить «аншлаг» не только в кино, но и в часы проповеди, рабочих приучили являться к началу: позднее двери закрываются, и не откроются, сколько бы вы не стучали.

В столовой на стене висит большой плакат—пришествие волхвов на поклонение молодому Иисусу. На плакате нарисован хлев, кроткие овечки, непорочная дева Мария с младенцем на руках. Словом, все, как полагается. Только на заднем плане, вместо палестинского ландшафта изображены горы Адвенбея и устье штольни, из которого тянутся с лампочками и обушками в руках полуголые углекопы на поклонение младенцу. Волхвы превратились в углекопов.

Занимательна история этого плаката. Когда начал работать советский рудник, в числе гостей на строительство приехал пастор. Будучи, очевидно, слабо осведомленным о быте совет-

ских рабочих, пастор, глядя на возводимые постройки, наивно спросил: «а где церковь?». Один из строителей повел пастора в... клуб. Батюшка проглотил пилюлю, но в клубе присмотрелся к плакатам и, приехав домой, организовал свою плакатную «агитацию».

На левой стене, над плакатом лозунг: «Бдительность над богатством изнуряет тело и забота о нем отгоняет сон».

Это изречение пастор выбрал, очевидно, для утешения тех, кто, проработав годами, убеждается, что запись в расчетной книге после вычета переводов семье, стоимости питания и набора продуктов крайне незначительна.

Волчьи законы капиталистического севера вдребезги сломали ряд обычаев и традиций материка.

Куда девалась относительная демократичность Северной Норвегии, независимое, сравнительно, поведение людей по отношению к старшим по «чину»? В Лонгир-Сити углекопы стараются поменьше ходить мимо домика директора, чтобы не попадаться ему на глаза. В Северной Норвегии магазин—это любимое местопребывание людей, свободных от работы. В магазине узнают новости, поселковые сплетни, судачат о том, о сем. В «бютике» Лонгир-Сити не видно людей. Если углекопу нужно что-нибудь купить, он не задерживается. Лучше побыстрее выбрать товар и уйти.

В «бютик» ежегодно привозят неизменный ассортимент товаров. Это—грубые шерстяные костюмы, рабочие ботинки, табак и апельсины. Десятки женщин Лонгир-Сити вынуждены выписывать себе из Швеции мелочи домашнего обихода, потому что «Кулькомпани» не обслуживает семейных.

«Бютик»—это типичная заводская лавка блаженной памяти российских фабрикантов. Это—единственный магазин в Адвенбее. Других нет. И углекоп платит в «бютике» тридцать три кроны за костюм, который стоит на Большой земле всего лишь пятнадцать крон.

Не слышно в Лонгир-Сити музыки. Изредка вытащит кто-нибудь губную гармошку и начнет наигрывать томящую мелодию. Люди сидят в комнатах и мастерят ненужные вещи. Единственные праздники—это пасха и рождество, когда можно вынуть из сундука присланное еще летом письмо, вспомнить о доме.

В джек-лондонском Даусон-Сити были игорные дома и кабачки. В Даусон-Сити люди ходили с револьверами и расплачивались пулями за неудачную остроту или нечестную игру. В Лонгир-Сити нет игорных домов. Вино выдается собственноручно господином директором. В этом разница. Но есть

одна сходная черта жизни в обоих городах. Это дешевизна человеческой жизни. В Даусон-Сити убивали сразу. В Лонгир-Сити медленно разрушается нервная система. Все чаще и чаще здесь регистрируются случаи полярной истерии—болезни, похожей на эскимосскую «либлокто».

Во время стоянки в Баренцбурге неожиданно представилась возможность увидеть поближе еще нескольких представителей капиталистической Европы.

В Грингарбур прибыли туристы. Первым пришел огромный белоснежный теплоход «Генерал Лафайет»—один из лучших французских лайнеров. [1] Пользуясь случаем, мы поехали осмотреть теплоход. Едва поднялись по роскошному трапу, навстречу появился человек в смокинге. Он повел нас по кораблю, похожему на фешенебельный отель. Везде красное дерево. Телефоны и душевые комнаты в каютах. Специальная резина в коридорах и на лестницах, чтобы не скользить во время качки. Лифты, связывающие все этажи. Роскошные салоны, дансинги, бассейн для плавания, длинный трэк для катания на велосипедах, теннисный корт, наконец, молитвенная комната, в которой на аналое рядом со свечами лежали спички, чтобы не утруждать желающих помолиться и желающих... покурить: молельная одновременно была курительной.

«Лафайет», как и всякий другой туристский пароход, свято хранит традиции франка и доллара. Первый класс—роскошен, туристский—победнее, еще беднее третий. Семьсот пассажиров теплохода тщательно рассортированы по стоимостям закупленных ими билетов.

После небольшой прогулки по кораблю проводник привел нас к выходу на трап.

— Это все,—сказал он.

Мы были несколько удивлены.

— А помещение команды?

— Это запрещено.

— А машинное отделение?

— Это запрещено.

Один из нас обратился к матросу, провожавшему нас к катеру:

— А вы, товарищ, поедете на берег?

— Нет. Мы скоро уходим—часа через два,—охотно ответил молодой веснушатый парень.

---

[1] Лайнер — первоклассный пароход, совершающий регулярные рейсы по определенным маршрутам.

— Но ведь ваши пассажиры поехали на берег?

— Это туристы. Им можно.

— А вам?

— Нам?—парень усмехнулся.—Нам нельзя.

Спрашивающий протянул руку. Парень удивленно раскрыл глаза. На этом корабле пассажиры не здороваются с матросами.

На другой день сторож и единственный житель Анкерсхамна [1] принес нам на «Садко» две открытки: вечером к нему подошел человек. Это был матрос с одной из шлюпок, ожидавших туристов. Он отдал открытки и долго с пристрастием допрашивал, действительно ли сторож русский, т. е. советский, а не норвежец... На обороте открыток с видами Гавра размашистым почерком по-французски было написано:

«Рот фронт. От моряков Гавра».

«Привет от радистов Гавра товарищам из Советского Союза, прибывшим на Север».

Внизу стояли подписи...

Прошло два дня, и снова у советского рудника загудел «иностранец». На этот раз пришел норвежец—громадный пароход «Ставангер-фиорд», шестнадцать тысяч лошадиных сил, девятнадцать тысяч тонн водоизмещения, скорость девятнадцать узлов. На нем прибыли семьсот пятьдесят туристов, главным образом норвежцев, шведов, датчан, американцев, несколько голландцев, французов и... жителей Тасмании, Кубы, Южной Африки, Иерусалима, Аргентины. Как туристы приехали виднейшие деятели Норвегии—премьер-министр, один из лидеров «рабочей партии», незадолго перед этим победившей на выборах—Пьюгардсволл, экс-премьер Мовинкель, министр торговли Мадсен, бывший военный министр Андерсен Рюшт, председатель парламентского комитета по иностранным делам Андеро, губернатор Тромсе Бассоэ, члены стортинга [2] и другие. Из Адвенбея, куда заходил пароход, вместе с министрами прибыл директор копей Гью Свердруп, племянник знаменитого капитана Отто Свердрупа.

Вскоре к баренцбургской пристани подошел катер, набитый туристами. Первым вылез премьер, большой и грузный мужчина в летах.

Туристы довольно долго ходили по Баренцбургу. С одинаковым вниманием осматривали они рудничные механизмы

---

[1] Поселок на мысу в Грингарбуре, где расположены полуразрушенное здание китового завода и неработающая норвежская радиостанция.

[2] Стортинг — норвежский парламент.

и скатерти в столовой, оборудование пожарной части и палаты больницы. Тщательно расспрашивали о жизни, много фотографировали.

После обычного дипломатического завтрака у советского консула представители советской печати получили приглашение на норвежский корабль.

За обедом нас снова расспрашивали о Баренцбурге, о походе «Садко».

— Вы долго здесь стоите?—спросил сидящий напротив седоватый, средних лет, мужчина.

— Неделю.

— А что же вы делали здесь семь дней?

— Не семь, а шесть.

— Неделю же?

— Да, но наша неделя—это шесть дней.

— Как шесть?

И начался длинный разговор на языке, чужом для обоих собеседников. Объясняемся по-немецки, по-французски.

— Ведь во всем мире неделя—это семь дней.

— Но во всем мире есть только одно пролетарское государство.

Небольшая лекция по политграмоте. Собеседники никак не могут понять, что такое шестидневная и пятидневная неделя. Не могут понять, как успевают русские за семь часов и пять дней, вместо шести, выполнять свою работу и... пятилетний план. Разговор переходит в плоскость обоюдной агитации. Осторожно переводим его на другие темы. (Кстати, потом выяснилось, что нашим собеседником был экс-военный министр Норвегии.)

Нансен! Это имя норвежцы произносят с благоговением. Их лица проясняются, когда они слышат, что великий исследователь пользуется в нашей стране широкой популярностью и всеобщим уважением. Один из наших соседей оказался большим другом Нансена. Едва обед кончен, сосед увлекает нас в кафе-бар, где продолжает жадно расспрашивать обо всем, что связывают в СССР с именем его покойного друга.

Джаз. Кофе. Ликеры. Сигары.

У левого борта—группа веселящейся, фокстротирующей молодежи в бальных платьях и смокингах.

У правого—министры, члены стортинга, журналисты, общественные деятели в серых, коричневых дорожных костюмах, в пульверах, в толстых башмаках. Правительство Норвегии—«рабочее», «демократическое». Но лица далеко не рабочие. Сытые, холеные, гладко выбритые. Ровные проборы, маникюр. Резко выделяется на этом фоне краснощекий, вихрастый парень.

— Кто он?—спрашиваем у редактора рабочей газеты «Телемарк».

— Это председатель профсоюза горняков из Адвенбея. Еще недавно он был шахтером, но он член рабочей партии и потому с приходом ее к власти получил «должность».

— Кстати, вы знаете, под каким лозунгом победила на выборах рабочая партия?—лукаво спрашивает редактор и тут же торжественно произносит:

— Сократить на тридцать тысяч крон жалование королю.

Мы смеемся и снова возвращаемся к профсоюзному «вождю».

— Не беспокойтесь, он скоро уедет из Адвенбея. Две-три ловко проведенных, выгодных для предпринимателей, комбинации—и он вернется на материк, чтобы сесть в каком-нибудь министерстве на теплое местечко.

— А много членов профсоюза в Адвенбее?

— Немного. И, знаете почему? Им хуже живется. У них меньше денег. Они ведь платят профсоюзные взносы...

Редактор «рабочей» газеты, откровенно издевающийся над своей партией, цинично хохочет...

Свердруп охотно знакомит нас с премьером и просит рассказать о баренцбургских впечатлениях.

— Но только не на политические темы,—предупреждает Ньюгардсволл.—Я турист и дам интервью только как турист, как отдыхающий человек.

— Значит вы приехали сюда как турист?

— Конечно, как турист, и я очень доволен поездкой. У вас здесь замечательные копи. Я чрезвычайно удивлен большими успехами, которых добились ваши энтузиасты.

Министр произносит это совершенно серьезно, и мы верим в его серьезность, когда он говорит об успехах советских шахтеров. Ведь прежде чем посетить Баренцбург, он побывал в Адвенбее и видел там совсем другое.

— А представляете ли вы себе, чего добились наши энтузиасты на материке?

Ньюгардсволл отвечает тоном дипломата—спокойным, ровным, официальным:

— Я давно стремился побывать в вашей стране.

Однако через секунду, как бы забывая об «аполитичности» нашего разговора, министр продолжает:

— Меня всегда очень интересовал Сталин. Это великий человек. Я прочитал все, что о нем написано на английском, норвежском и датском языках... Я хотел бы встретиться со Сталиным,—говорит он задумчиво.

Ньюгардсволл с восхищением, в котором чуть-чуть сквозит зависть, говорит о походе «Садко» («но и норвежцы немало сделали для изучения Арктики»—в этих словах звучит гордость).

— Только великие страны, такие как СССР, могут посылать подобные экспедиции...

Нас сердечно провожают. Все семьсот пятьдесят туристов—на палубах. Они машут шляпами, платками. Вверху разрываются приветственные ракеты.

Через час в воздух поднимается самолет Бабушкина. Он летит над уходящим кораблем, уносящим в Норвегию ее министров-туристов.

Вскоре «Садко» покинул гостеприимный Баренцбург. Как и в день встречи, население поселка было на берегу. Далеко в горах прогрохотало эхо прощального салюта. Взрывали аммонал. Провожающие преподнесли нам огромный двухпудовый торт—изделие прославленного баренцбургского кондитера Золотого...

К СЕВЕРУ ОТ ШПИЦБЕРГЕНА

На рассвете 30 июля мы снова в Гренландском море.

Под самым носом шныряют боты норвежских рыболовов. Красные и черные флажки, разбросанные на буйках по морю, показывают места многочисленных неводов. В Баренцбурге рассказывали об одном недоразумении с этими флажками. Группа ботов, проходя с рейда, выставила буйки на палубе. Казалось, что боты специально расцвечены красными флажками. Недавно приехавшие донбасские горняки были чрезвычайно польщены таким приветствием и проводили боты долгой овацией. Позже они узнали о своей ошибке и обиделись. Но теперь рыбаки, проходя мимо Баренцбурга и Грумант-Сити, обязательно выставляют красные флажки.

Обилие рыбацких ботов волнует штурманов. Того и гляди, трал вместо морских звезд и голотурий принесет порванные сети норвежцев. Тогда не оберешься неприятностей. Это готовый прецедент для дипломатической переписки.

Долго кочуем по морю, пока, наконец, рыбаки исчезают из поля зрения. Вахтенный штурман облегченно вздыхает.

Незаметно пересекли границу материковой отмели. После глубины в двести метров на первой станции сразу выходим в район, где дно моря лежит на глубине две тысячи шестьсот — три тысячи метров. Мы снова в океане.

Продвигаясь по семьдесят восьмой параллели, «Садко» вскоре встретил пловучие льды. Свернули к северу.

Капризы Арктики часто дают о себе знать. Полдня светит солнце. Потом туман. Неожиданно, когда на материке ночь, вырывается солнце и под его лучами яркой алмазной пылью

загорается снег, покрывающий льды. Только море остается темным и угрюмым.

На мостике установили ледовую вахту. По пути корабля ведутся подробные круглосуточные наблюдения за льдами. Отмечают их плотность, густоту и направление торосов, границы пловучего льда, зарисовывают наиболее оригинальные поля и льдины.

В сравнении с прошлым годом кромка гренландских льдов отодвинулась далеко на запад. Это новое доказательство продолжающегося потепления атлантических вод.

Глубоководные станции тоже отмечают потепление в сравнении с прошлогодними данными «Персея», который шел по этому же разрезу. Прослойка воды с положительными температурами доходит до глубины в семьсот пятьдесят метров (против пятисот метров в прошлом году). Атлантика вливает в огромную чашу Гренландского моря, а через нее и в Полярный бассейн дополнительные миллиарды калорий тепла, подтачивая льды.

На одной из станций с пятисотметровой глубины Богоров извлек интереснейший экземпляр гребневика. Запертый в банку, он долго гребет там своими ресницами. По его телу пробегают огни—красные, зеленые, синие, фиолетовые. Пойман удивительный моллюск Клио, по виду напоминающий кондора, но только с непомерно большой головой. Клио быстро машет крыльями. Он кажется уродливой карикатурой на могучих пернатых хищников, парящих над Памиром или скалистыми Кордильерами.

Утром 2 августа повернули от кромки на восток. Пока отсыпались, все вокруг изменилось. Исчезли льды. Стало тихо. Навис густой туман. Очередной промер показывает глубины в семьдесят—восемьдесят метров. Очевидно, где-то недалеко северные берега Шпицбергена.

Забастовала рация. Не отвечают Архангельск, Мурманск, Диксон. Эфир точно перерезан плотной завесой.

— Это все Шпиц нам погоду портит,—говорит Женя Гершевич.

Он бесконечно огорчен тем, что ему не удается связаться с материком. Поеживаясь от сырости в своей неизменной зеленой фланелевой курточке, он то и дело выбегает на палубу и всматривается в туман. Но мир обрывается в нескольких метрах от корабля.

— Горы все, горы. То же самое на «Сибирякове» было, когда мы к Францу-Иосифу ходили. Наверное руды много, железа, может радий.

Предположения Гершевича не лишены основания. Горы северного побережья Шпицбергена, почти не изученные геологами, прячут, вероятно, в своих недрах много разнообразных руд, а быть может и самородных металлов. Трудно радисту работать в таком «окружении».

На море мертвая зыбь. Плотная стена тумана заволокла горизонт. Поскорей бы выйти на север от Шпицбергена, где архипелаг сможет защитить нас от назойливого южного ветра. Этот ветер у Семи Островов сулит ясную и солнечную погоду.

Туман спрятал живописные северные берега Западного Шпицбергена.

Где-то невдалеке на юге остаются знаменитые Датские острова, в былое время—центр китобойного промысла. Еще в XVII веке острова Датский и Амстердам по международным соглашениям были отведены как база для датских промышленников.

Бухта Коббе-бей на западном берегу острова Датского—первая из всех бухт Шпицбергена очищается от льда. На побережье внутренней бухты имеется озеро с пресной водой, никогда не промерзающее до дна. Все это хорошо знали китобои.

На северном берегу острова расположена прославленная бухта Вирго, названная так по имени корабля, который доставил сюда тридцать восемь лет назад смелого воздухоплавателя Андрэ. Отсюда 11 июля 1897 года начался полет на воздушном шаре к Северному полюсу. В прошлом году на берегу уже не было ни избушек, ни ангара. От базы экспедиции Андрэ остались только фундаменты, груда истлевших тросов, бочки да обломки железных и деревянных конструкций.

Узкий пролив разделяет острова Датский и Амстердам. Остров Амстердам имеет форму равнобедренного треугольника. Юго-восточная часть острова называется Смееренбургской. В начале XVII века голландские китобои заложили здесь самый северный город в мире—Смееренбург—Ворванный город.

Широкая низкая коса мыса, выдающаяся далеко в Смееренбургский Зунд, была как бы специально подготовлена для вытаскивания огромных туш китов, убитых поблизости. Здесь обрезалось китовое сало, которое вытапливалось затем в громадных котлах. Тысячи людей сновали по улицам города, застроенного складами, игорными домами, кузницами, мастерскими, кабаками и танцовальными залами. Нестерпимой вонью

тянуло от салотопен. Несмолкаемый шум витал над Смееренбургом. На берегу собирались толпы возбужденных моряков, только что вернувшихся с китовой охоты. Здесь же сновали в пестрых нарядах проститутки.

Город Смееренбург на 79° северной широты вошел в историю под названием «Новая Батавия»; долго шли споры, что важнее—Батавия—крупнейший город в южной голландской колонии—или Смееренбург.

Зимой берега Шпицбергена пустели. Люди не хотели оставаться на страшном диком острове. Англичане пытались вербовать приговоренных к смерти, обещая преступникам помилование за поселение на Шпицбергене. Однако переселенцы, прожив некоторое время на острове, предпочитали итти на каторгу. На могилах погибших китобоев маячили ряды крестов. Только кресты да занесенные снегом досчатые бараки оставались зимой на этом пустынном суровом берегу, когда к югу уходили суда, нагруженные богатой добычей.

Следы Ворванного города давно уничтожены. Исчезли и киты, привлекавшие сюда проходимцев всего света. Но как и встарь, по берегу пролива, отделяющего остров Амстердам от архипелага, спускаются к морю большие глетчеры. Капитан Бичи, попытавшийся проверить здесь глубину моря, не смог достать лотом дна. Бичи подходил к глетчеру очень близко. Временами от глетчеров отрывались громадные глыбы льда. Однажды в полумиле от глетчера кто-то выстрелил из ружья. Вслед за эхом послышался шум, похожий на раскат грома, а через несколько секунд глыба льда, оторвавшаяся от глетчера, рухнула в море. Шлюпку, экипаж которой был свидетелем обвала, выбросило на берег и залило набежавшей волной. Другой раз глыба соскользнула в море с высоты шести метров. Ее падение было подобно взрыву колоссального фугаса. Волны, отраженные берегом, катились на расстоянии нескольких километров. У «Доротеи» образовался крен. Пришлось отдавать тали, чтобы ее выравнять...

Проклятый туман все закрыл. Пробираемся все дальше на восток, осторожно, опасаясь сделать лишний шаг.

Триста двадцать лет назад—в 1614 году—здесь точно так же пробирались Баффин и Фазерби, оставившие свои суда в Фор Хавне (как назывались раньше все проливы и бухты между островами и северо-западной оконечностью Шпицбергена, образующие удобные якорные стоянки). Смелые путешественники увидели живописный полукруг фиорда Рэд-бей, где воду окаймляют остроконечные скалы кристаллического сланца, а дно устилает коралловый грунт. Они прошли мимо низменных бе-

Ушаков рассматривает диковинное морское животное—медузину голову—горгоноцефалис арктикус.

регов с холмами красного цвета, поросшими мхом. Пурпурная пыль глинистого известняка и базальтовой осыпи покрывала побережье. Имена, данные Баффином и Фазерби, по сей день сохранились на картах. Вот Рэд-бич—красный берег, Рэд-клиф—красная скала, Рэд-хилл—красный холм.

Утром 3 августа внезапно рассеялся туман. На горизонте открылись северные берега Шпицбергена. Незабываема величественная панорама конусообразных гор, скалистых пирамид с усеченными вершинами.

Идем почти по чистой воде, изредка встречаются небольшие льдины. Через каждые три часа—станции.

Горбунов опять выловил тралом маленькую каракатицу. Она кажется неестественно-миниатюрной копией тех огромных головоногих, о которых народные сказания и рассказы путешественников повествуют чудеса. Еще Аристотель писал о громадных «полипах», приплывающих по ночам к берегу и опустошающих садки с рыбой. Ученые нашего времени встречали кашалотов, кожа которых сохранила следы страшных битв

с осьминогами. Следы эти—от присосков громадных осьминогов—напоминают клейма, поставленные раскаленным железом, а по величине не меньше суповой тарелки.

Рассматривая крошку, выловленную Горбуновым, мы весело вспоминаем всякие небылицы. Но эта крошка—не дитя, это взрослый представитель ближайших маленьких родственников каракатиц, кальмаров, аргонавтов и осьминогов. Длина крошки четыре сантиметра. Внутри тот же чернильный мешок, наполненный густой черной кашицей, из которой у больших каракатиц добывают замечательную краску сепию. В тазу крошка пытается пустить «дымовую завесу». Черное облачко быстро гает. Раздраженная светом каракатица стремительно меняет свою окраску. Иссине-фиолетовая дымка мгновенно сменяется карминовой, затем рыжей, желтой. В легких движениях каракатицы чувствуются ловкость и хитрость, а непомерно большой глаз, выпуклый и черный, спрятанный среди вороха подвижных лап, блестит зло и лукаво.

Когда каракатицу положили в таз, подошел Бабушкин. Он долго смотрел, потом невозмутимо спросил:

— А как же она ловит человека?

Все дружно рассмеялись и наперебой начали выкладывать свои бентонические познания.

В лаборатории биолога пахнет нестерпимо сладко. На перевернутом электрическом утюге Г. П. Горбунов сушит морские звезды.

— Готовлю подарки,—объясняет он.

Трал с каждым подъемом приносит огромный улов иглокожих. Среди них много разнообразных морских звезд и ежей. Высушенные, они похожи на расшитые бисером детские подушечки.

На стене лаборатории—шеренга черточек. В одном из уловов Горбунову попалось тысяча шестьсот шестьдесят семь экземпляров морского червя. Он пересчитал их и... выбросил за борт.

Григорий Петрович приготовил сюрприз Бабушкину. Из картона склеена большая, как для праздничного торта, коробка. В ней прекрасная горгоноцефалис арктикус—огромная пятиконечная звезда с длинными ветвистыми лучами, словно сплетенными из кружев. Сегодня две горгоноцефы испортили лов. Они запутались в пасти трала и помешали собрать дань с морского дна.

Рассматривая вблизи улов биолога, невольно дивишься всему разнообразию жизни моря. В одной из банок сидит заспиртованный кроваво-красный моллюск, с головой речного рака и хвостом стрекозы. Его выпученные глаза кажутся живыми. Рядом с ним буроватый обрубок с пушисто-белой, словно из

Тяжелые льды. След после удара ледокола.

спутанных шерстяных ниток, бахромой и тупым клювом. Это не растение, а животное.

— Внешность обманчива,—говорит Горбунов.—Не спешите судить по сходству о родстве тех или иных животных. Вот эти древовидные гидроиды живут на дне моря. Они протягивают свои щупальцы и ловят ими добычу. В известный момент розетка отрывается и уплывает в виде прозрачной слизистой медузы. Медузы носятся по просторам океана, размножаются половым путем, а личинки их садятся на дно и вырастают в новых гидроидов. Сейчас родство гидроидов и медуз не составляет секрета. Но из каких гидроидов какие медузы выходят—наука не знает. Очень немногие из восьмисот видов ме-

дуз уживаются в аквариумах. Других путей наблюдения за их жизнью мы пока не нашли. И вот планктонолог вынужден изучать медуз, а гидробиолог—гидроидов, не зная, какая из медуз является прямым потомком гидроидов...

К пяти часам дня вплотную подошли к Семи Островам.

Прекрасный солнечный день. Глазам больно смотреть на ледяные поля. На белом фоне декоративно выделяются мрачные зеленые и яркокрасные скалы. Кажется, что там не семь, а целый ряд островов. Только приглядевшись, можно обнаружить низменные перемычки между возвышенностями.

Группа Семи Островов (по-норвежски—Шю Ейне) включает в себя острова Фиппс, Мартенс, Парри, Нельсон, Тайбл, Литл-тайбл и Росс. Они открыты в 1707 году. В августе 1773 года здесь был затерт льдами Парри. В его дневнике зарисованы панорамы и виды всех островов. В конце XIX столетия тут проходили Норденшельд и Макаров. Склоны скал обильно заросли желтыми шпицбергенскими мхами и лишаями. Низкие долины завалены плавником, обломками разбитых судов, остатками китовых скелетов.

Вечером сводит льды. Долго маневрируем, но безуспешно. Остановились. Солнце не покидает безоблачный небосклон. Все фотографируют. Как не заснять лишний раз всторошенные поля, где каждая льдина вызывает удивление! Как не запечатлеть острова—эти суровые массивы, неприступные, как крепости феодалов, и искусные, как постройки мифических циклопов.

М. С. Бабушкин и Н. М. Николаев вылетают на авиаразведку. Вернувшись на корабль, Николай Михайлович с юношеским задором рассказывает, как легко с воздуха установить многочисленные неточности в мореходных картах. Он показывает свою карту—в ряде мест пририсованы язычки мысов, исправлены очертания островов и фиордов.

К концу дня снова вылетели на разведку Власов и Жонголович. Они приносят радостную весть:

— Миль десять идут тяжелые льды, а затем почти чистая вода.

Курс взяли на мыс Платен. Это о нем в свое время сложили частушки на «Красине»:

«Эх, яблочко!
Да куда котишься,
На мыс Платен попадешь—
Не воротишься».

Медленно пробиваемся вперед.

Физик Факидов и кочегар Бармин выпиливают для механических испытаний из торосов кубики льда.

...Штурманы уже не раз побывали в вороньем гнезде. Всюду, пока видит глаз,—льды. На палубе возится взрывник, он получил приказ подготовить аммонал. Ледокол штурмует перемычки, иногда отступает и снова с разгона бьет в лед, пока не лопнет льдина и не побежит по ней длинная, все расширяющаяся щель.

Телеграф каждую минуту приносит новый приказ:

— Вперед!

— Назад!

— Полный!

— Стоп!

На мгновение замирают шатуны и через доли секунды снова мчатся. Вперед, назад... Корабль идет сквозь льды. Он проходит за час одну-две мили.

Два дня бьемся у берегов Северо-восточной Земли. Ходим в разных направлениях. Осмотрели Семь Островов со всех сторон.

О. Ю. Шмидту дана телеграмма:

«В течение двух дней надеемся пробиться к чистой воде».

И пробиваемся. Один лишь взрывник недоволен: дело обошлось без аммонала.

На мостике в эти дни заново составлялась карта северо-восточного побережья Шпицбергена. Лоции недвусмысленно предупреждают мореплавателей, что даже последним картам — выпуска 1934 35 года — верить нельзя. Очертания берега здесь нанесены более чем неточно. Пеленгуются все видимые мысы, острова, глетчеры.

На Семи Островах сохранились триангуляционные знаки — съемка смелых русских геодезистов, работавших под руководством академика Чернышева и профессора Алпатова в девяностых годах прошлого столетия и измерявших дугу меридиана для определения истинной формы земли. Новая рабочая карта «привязывается», как говорят геодезисты, к этим знакам.

Люди подолгу не уходят с палубы, с волнением разглядывают окружающие нас памятные места. В районе островов Брока, Фойна, Карла XII, у мыса Платен в 1928 году ледокол «Красин» и советские пилоты героически спасали экспедицию потерпевшего аварию дирижабля «Италия». Это были первые шаги советской страны по освоению Арктики.

Вечером 6 августа остановились в трех-четырех милях от огромного глетчера, покрывающего северо-восточную оконечность Шпицбергена — мыс Лей-Смит. Двадцать километров тянется высокая зеленая стена. Временами от глетчера отрываются ледяные глыбы. В море они не попадают. Их не пропускает мелководье. Вновь образованные айсберги оседают на мелях.

Вокруг айсбергов заметны озерца пресной воды (точно нефтяное пятно на месте кораблекрушения!). Небольшие айсберги иногда проплывают мимо. Они потрескивают. Ни на минуту не прекращается разрушительная работа солнца и воды, разрывающая ледовые капилляры.

Бинокли переходят из рук в руки. То и дело из воды показываются головы нерп, морских зайцев. Садятся на воду сопровождающие нас глупыши.

Еще два дня назад мы видели боты норвежцев, промышлявших в прибрежных фиордах морского зверя. Сейчас море пустынно.

7 августа оба самолета вылетели для аэрофотосъемки берегов. Некоторые, выдвинутые в море, мысы оказались отдельными островками. У восточного берега обнаружены многочисленные, отсутствующие на карте, камни и отмели. Условно Бабушкин окрестил их Островами Октябрят.

В полдень оторвались от шпицбергенских берегов. Курс — на восток, в родные воды. Но чистая вода балует нас недолго. В полночь остановились у огромной льдины.

Температура воды в пресных озерах на льду колеблется от +0,1 до +0°,3.

...Иногда забываешь о том, что находишься в Арктике. На корабле есть все необходимое. Мы хорошо питаемся, живем в тепле, если есть время, развлекаемся. Сегодня о Севере нам напомнила остановка у большой льдины.

На корабле пользуются всякой возможностью, чтобы пополнять запасы питьевой и рабочей воды. Соленая вода непригодна для котлов, пожирающих в день до десятка тонн драгоценной жидкости. Питьевая—быстро портится. Поэтому, когда «Садко» подошел к огромной равнине невзломанных льдов и штурман увидел среди них голубые льды с озерами талой воды, корабль тотчас же остановили. Пришвартовались. С корабля сошли люди с металлическими суповыми ложками на длинных ручках. Началась проба воды. «Дегустаторы» убедились, что она пресная. По льду протянулся шланг. Заработала помпа. Не дожидаясь, пока в умывальниках забьют струи свежей воды, на лед выбрались кочегары. Холодной вкусной водой наполнены графины.

«Озера» необычайно большие. Одно из них диаметром в шесть-семь метров и глубиной в полтора метра отдало нам тонн пятьдесят воды.

Дно озер удивительно голубого цвета, а вода в них прозрачна, как слеза. Люди разбрелись по живописной снежной равнине.

На льду все заняты работой. Гидролог и физик выпиливают из торосов большие кубы льда для проб. Гагарин, напялив свою длинноухую заячью шапку, вышел собирать бактерии. Казалось невероятным, чтобы кристально-чистая вода голубых озер содержала бактерии. Но наука не терпит бездоказательных предположений. Она требует эксперимента—этой основы всяких знаний. И доктор набирает воду в свои бюретки. Из бюреток выкачан воздух, оба резиновых отростка крепко зажаты, и достаточно один из них приоткрыть под водой, как внутрь стремительно врывается вода.

Температура воды в пресных озерах +0,1, +0,2 и +0°,3. В одном месте льдина протаяла почти до дна и открыла доступ морской соленой воде. В подсоленном «озере» температура —1°,2.

Снег тут крупный, зернистый. Температура его —1°,4.

Одним из первых спустился на ледовое поле Журавлев. За спиной винтовка, у пояса широкий охотничий нож. Он легко перебирается через разводья, уверенно идет по тонким перемычкам. Не сдобровать зверю, попавшемуся на его пути. За Федором Сергеевичем, повиливая хвостом, бежит Гайдо. Он серьезен и строго придерживается дистанции, забегая вперед, только когда Журавлев бросает короткое слово приказа. Возвращаются Журавлев и Гайдо к ужину. Их поход неудачен—зверя нет.

После ужина Журавлев выводит на прогулку своих питомцев. С радостным визгом они рыскают по льду. Видимо, им сильно надоело вынужденное безделье.

Но вскоре наступают неприятные минуты. По узкой наклонной доске, переброшенной с палубы на лед, надо возвращаться на корабль. Подталкиваемый Журавлевым и подбадриваемый криками многочисленных зрителей, собравшихся у релингов, первым лезет Гайдо. Его лапы скользят. Обхватив непослушную доску, он жалобно скулит, поглядывая на людей.

Первая попытка неудачна. Гайдо срывается и стремглав летит вниз в воду. Но Журавлев непреклонен. Гайдо снова лезет вперед, жалобно визжит и в оправдание помахивает хвостом. Наконец пес ощущает железо борта. Он бросается вперед, прыгает на палубу и присоединяется к любопытствующим, рассматривающим, как взбираются его товарищи.

На льдине вблизи корабля организовали тир. Мелкокалиберные винтовки переходят из рук в руки. Когда мишень совершенно изрешетена, на торос устанавливают спичечную коробку. Палят по очереди. Коробка долго не поддается. Кто-то догадался ее осмотреть. Оказывается, коробка уже пробита

в пяти-шести местах. Очередным выстрелом ее окончательно сбивает штурман Иванов. Потом молодежь расстреливает пустые консервные банки.

«Садко» идет малым ходом. Льды укрыты плотной пеленой тумана. За полночь снова стаканция. Стучат лебедки.

Прошел первый месяц нашего похода. Закончен значительный этап работы.

Месяц плавания. Он пролетел незаметно. Все здоровы, бодры. Сегодня в кружке истории партии изучалась тема «Революция 1905 года». Заседал профком. Смотрели кинофильм «Крылья холопа». Занимался музыкальный кружок.

Туманно. Мы находимся немного севернее восьмидесятой параллели. Курс—восток—юго-восток. Приближаемся к острову Белому, на котором пять лет назад были найдены останки экспедиции первого полярного воздухоплавателя Андрэ.

Идем молча. Кроме «Садко», в этих водах нет ни одного корабля.

ОСТРОВ БЕЛЫЙ

8 августа после обеда среди безмолвия льдов открылся, наконец, белоснежный купол одинокого острова. Это—остров Белый.

Шестьдесят лет назад высокую шапку острова на широте 80°15′ и долготе 32° разглядел капитан Кельдаен. Через десять лет его видел капитан Е. Иоганнесен. На этот раз остров продвинулся на карте немного к юго-востоку. 18 августа 1898 года остров посетил и впервые подробно описал профессор Натгорст.

Покрытый снежной мантией, куполом снега и льда, плавно поднимающимся до высоты двухсот пятидесяти метров над уровнем моря, остров спускается к морю обрывом недоступного ледника. Скалы не выступают из-под льдов. Большие айсберги кубической формы отламываются от ледника. Они образуют стройную цепочку стамух, приткнувшуюся к отмели, к каменистой гряде, которая тянется перпендикулярно к берегу на полторы-две мили. Две косы—на северо-востоке и юго-западе—позволяют высадиться на берег. На обоих мысах был Натгорст. Только недавно стало известно, что за год до него на юго-западной косе нашли свое последнее пристанище участники трагически погибшей экспедиции Андрэ.

Среди многих арктических трагедий гибель смелого шведского инженера Соломона Августа Андрэ и его спутников Нильса Стриндберга и Кнута Френкеля долго оставалась одной из самых загадочных и непонятных.

11 июля 1897 года блестящий желтый шар аэростата, которому Андрэ дал гордое имя «Орел», взвился над бухтой Вирго Датского острова. Было два с половиной часа дня.

Шурша и подпрыгивая по неровной поверхности ледника, тащились гайдропы. Они служили аэронавтам и тормозами, и рулями высоты. Ветер уносил шар на север. Вскоре, казавшийся уже величиной с детский мяч, аэростат поровнялся с зубцами гор острова Амстердам. Еще несколько минут—и шар исчез.

Вести должны были приносить почтовые голуби. Их ждал с нетерпением и волнением весь мир. Но воздушные почтальоны не прилетели. А газеты печатали сообщения, одно сенсационнее другого, о шаре Андрэ, который «видели» то в Гренландии, то в Белом море, то у южных берегов Скандинавии, о «голубях Андрэ», якобы пойманных в открытом море, но... без всяких записок.

15 июля у Шпицбергена на мачту норвежского промыслового судна опустился голубь. Его подстрелили. К хвосту голубя была прикреплена гильза, а в ней первая подлинная записка, остававшаяся вместе с тем на долгие годы и последней.

«От полярной экспедиции Андрэ.
В редакцию «Афтонбладет»,[1] Стокгольм.

13 июля 12 часов 30 минут дня, 82°2′ северной широты, 15°5′ восточной долготы. Двигаемся хорошим ходом на восток, уклоняясь на 10° к югу.

На аэростате все благополучно. Это—третья голубиная почта.

Андрэ».

Позднее море выбросило к берегам Исландии и Норвегии несколько буйков с полустертой надписью «Полярная экспедиция Андрэ». В двух из них были записки, отправленные ранее голубиной почты. Попрежнему об участи Андрэ и его спутников слагались наивные легенды.

Шли годы. Об Андрэ стали забывать.

В 1930 году от Шпицбергенского архипелага на восток отправилась промысловая моторная шхуна «Братваг» с научной экспедицией доктора Гуннара Хорна. В дороге экспедиция била моржей. Осмотрев депо итальянцев, устроенное на острове Стур-эй (остров Большой) еще в дни работ по спасению Нобиле, «Братваг» направился к острову Белому. Юго-западная коса была свободна от льда. Темный каменистый берег, лежавший у подошвы голубовато-белого глетчера, был изрезан журчащими ручьями. Кое-где пробивался мох.

Группа матросов убила моржа. Тушу для разделки вытащили на берег. Двое из матросов пошли вглубь острова на

[1] «Вечерняя газета».

поиски питьевой воды. Неожиданно они наткнулись на необычный для этих мест предмет. На песке лежала алюминиевая крышка. Вблизи из-под снега торчало что-то темное. Когда отгребли снег, обнаружилась маленькая брезентовая шлюпка. А в ней—позеленевший от времени латунный багор.

— Полярная экспедиция Андрэ 1897 года, — медленно, по складам прочел один из матросов выгравированную надпись.

Находка ошеломила всех. Андрэ! Неужели? Люди стремглав побежали к берегу.

— Андрэ!.. Андрэ!..—кричали они.

Это было 6 августа 1930 года.

Осторожно раскапывая снег и обкалывая лед, капитан «Братвага» Элнассен и доктор Хорн извлекли из шлюпки, стоявшей на санях, ружья, ящики с патронами, мотки веревок, спички, фотоаппарат, топор, банки с консервами, мешок с мореходными таблицами, деревянные коробки с компасом и секстаном и смерзшиеся кости. Чьи они—невозможно было решить. Вещи обледенели, многое не только проржавело, но было помято и поцарапано. Очевидно, не раз здесь хозяйничали белые медведи.

У подножья скалистой гряды, замыкавшей каменистую косу, обнаружили труп человека без головы. Ноги его были погребены в снегу. На полуистлевшей подкладке куртки нашли вензель:

«С. А».

Соломон Андрэ!

Около трупа стояли топорик, ружья и примус. Один из матросов взял примус и потряс его. Внутри болталась жидкость. Матрос накачал примус, и тонкая струйка керосина вырвалась из головки. Керосин горел.

Под теплым шерстяным свитером у Андрэ нашли две записные книжки. Потом ученые их тщательно высушили, переложили пропускной бумагой и расшифровали. С трудом можно было разобрать записи, полустертые временем, сыростью и плесенью. Но их все же прочли, и они многое объяснили в судьбе экспедиции.

Недостававшие кости скелета, кроме черепа, были найдены вблизи стоянки. Их, очевидно, утащили медведи. В расщелине между скалами, шагах в сорока от Андрэ, в ледяной могиле, заваленной камнями, нашли второй скелет. На пальце у него было золотое кольцо с вырезанным на внутренней стороне именем:

«Нильс Стриндберг».

«Братваг» спешил к Земле Франца-Иосифа. На острове был выложен высокий гурий[1] с шестом. Останки погибших воздухоплавателей и найденные вещи перенесены на шхуну. На берегу Хори сделал несколько снимков. Когда в Осло с них произвели отпечатки, на одной из фотографий был обнаружен человеческий череп, лежащий среди валунов. Позже выяснилось, что это череп Андрэ. Фотографию напечатала английская газета «Таймс» в сентябре 1930 года.

По следам экспедиции Хорна на остров Белый направилась моторная шхуна газеты «Новости дня».

5 сентября корреспондент газеты Кнут Стуббендорф и его спутники высадились на острове. За месяц снег еще стаял на двадцать—тридцать сантиметров. Обнажились новые предметы. Шведы нашли скелет Френкеля, его промерзший спальный мешок, сани, весла, мешки для балласта, части гондолы, развалины дома из плавника, ящики с инструментом. В карманах пиджака Френкеля лежала записная книжка и «вечное перо». В нем сохранились чернила. Но самой замечательной находкой были металлические футляры с катушками фотографических пленок. Проявленные потом шведским фотографом Херцбергом, эти снимки сделались достоянием всей мировой прессы.

Дневники Андрэ и Стриндберга восстановили эпопею трагического полета. Едва оторвавшись от Шпицбергена, «Орел» вошел в область холодного тумана. Влага осела на него тяжелым, непосильным грузом. Шар прижимало к земле, гондола ударялась о лед, о выступы торосов. 14 июля, на третий день полета, экспедиция выпустила из шара газ. Люди опустились в ледовой пустыне почти на равном расстоянии от Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа,—в трехстах пятидесяти километрах от твердой земли.

Была полярная весна. Таяло. Лед покрывал проталины пресной воды. Итти приходилось по колено в снегу. Потратив восемь дней на подготовку к санному походу, 22 июля Андрэ и его спутники стали на лыжи. За пять дней они прошли всего лишь несколько километров. Дрейфующие льды уносили их то на восток, то на запад, то на юг. 31 августа незаходящее летнее солнце первый раз чуть закрылось горизонтом. Похолодало. До земли было все так же далеко. Решили зимовать. На льдине построили дом из ледовых кирпичей. Цементом служила вода. Мороз достигал шести градусов. 17 сентября льды вынесли людей к острову Белому. Герои выбрались на

---

[1] Знак из камней.

юго-западную оконечность острова. 7 октября разразилась жестокая снежная буря. В этот день Андрэ сделал последнюю запись в дневнике:

«С такими товарищами можно выпутаться из беды при каких угодно обстоятельствах».

После этого дня оборвались и записи Андрэ, и записи Стриндберга. Только против 17 октября у Стриндберга в карманном календаре удалось разобрать одно слово:

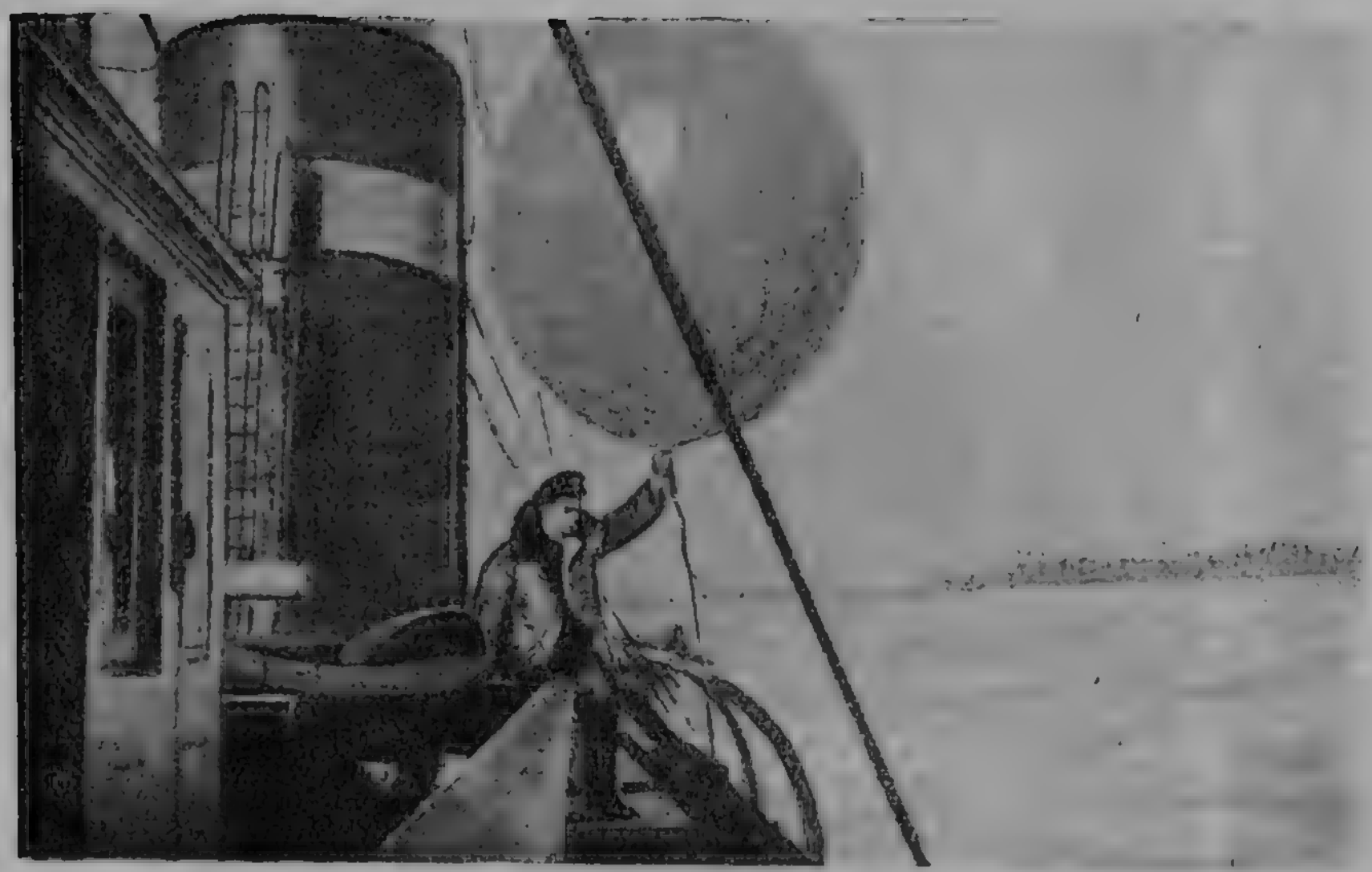
«Домой. . .»

У зимовщиков продовольствия было почти на два года, были шлюпки, палатки, примусы. Они могли прожить зиму и весной на шлюпках добраться до Шпицбергена. Только неожиданная катастрофа—снежная метель страшной силы или снежный обвал—могли оборвать их жизнь. Погребенные под снегом, они оказались надолго недоступными для белых медведей, пока потепление не открыло их снежные могилы.

«Садко» стоит в миле от берега. Виден весь остров. Ни одна черная точка или скала не прорезает его ледовой белизны. Какая грустная, тоскливая земля!

На станции геологи получили интереснейшую пробу донного грунта. Рассмотрев пробу под микроскопом, обнаружили, что необычный для прибрежного ила густокрасноватый цвет привнесен крупинками гематита—кровяного камня, красной железной руды. Геологов заинтересовали мельчайшие блестки, заметные даже невооруженным глазом на стеклянной полочке микроскопа. Они оказались смятыми кристаллами сурьмяного блеска и цинковой обманки. Рядом с ними—кусочки апатита, микроклина и разложившегося ортоклаза. Это необычайное сочетание минералов представляет огромный интерес. Очевидно, под мертвой ледовой коркой островка прячутся выходы пегматитовых жил, принесших из глубин земли ценнейшие минералы. Заметно сходство этой коллекции с минералами Кольского полуострова. Остров Белый и Хибины возникли в одну геологическую эпоху—в эпоху Каледонской геологической революции, когда раскалывались сросшиеся щиты материков и недра земли выбрасывали в открывшиеся трещины крохи своих подземных сокровищ.

В донных пробах появились кусочки базальтовых пород и каменного угля—явный признак близости Земли Франца-Иосифа. Волны далеко разносят осколки пород, составляющих материки и архипелаги. Надо только определить их морской стаж (по окатке, блеску), чтобы затем более точно говорить о происхождении этих пород и минералов.



В международные сроки наблюдений аэрологи выпускали радиозонды.

9 августа пробираемся к острову Виктории.

На полпути очередная станция. На этот раз полусуточная. Каждые три часа—батометрическая серия, через каждый час спускается вертушка.

Эта станция—самая северная на Кольском меридиане. Она замыкает многолетние работы полярных судов Океанографического института—«Персея» и «Книповича»,—осуществивших по этому меридиану в разное время и в разные годы свыше восьмидесяти гидрологических разрезов.

Через узкое горло пролива между островами Белым и Виктории происходит весь водообмен Баренцова и Полярного морей. Сверху течения очень слабые. За десять минут вертушка делает всего тридцать—сорок оборотов, выбрасывая один, редко два шарика.

На глубине ста метров прослойка теплой воды. Здесь течение более быстрое, оно дает четыреста—пятьсот оборотов, счетчики выбрасывают двадцать—двадцать восемь шариков, направление—запад—юго-запад.

Арктическая пустыня молчалива. Ни один звук не прорезает ночь. И когда вдалеке рождается одинокий «кави-киви», кажется, что чайка кричит где-то совсем близко, в нескольких шагах.

В тишине медленно сходятся и расходятся ледовые поля. В этом спокойствии чувствуется грозная сила ледового безмолвия. Возникают неожиданные ассоциации. И когда над спардеком взвивается огромный шар радиозонда, невольно начинаешь насвистывать, чтобы прогнать тишину:

«Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой...»

Песенки на станциях чрезвычайно неожиданны. Балакшин мурлычит «Под крышами Парижа». Кто-то вторит ему сверху:

«Когда б имел златые горы
И реки, полные вина...»

Сегодня у гидрологической лебедки возится с батометрами планктонолог.

Когда-то Богоров нашел, что суточные вертикальные миграции мельчайшего фитопланктона, которые в южных широтах совершаются каждую ночь, в северных широтах в условиях полярного дня не существуют. Это было решающим доказательством того, что именно дневной свет, а не другой какой-нибудь факт, обусловливает вертикальные миграции планктона. Но наука требует проверки каждой гипотезы, каждого предположения. Поэтому Богоров снова занялся вопросом о миграциях.

Химики делают интересные опыты. Воду, взятую на определенных глубинах, они наливают в бутылки с притертыми пробками. Затем бутылки опускают на глубину, где была взята вода. «Население» бутылки попадает, таким образом, в свои нормальные условия и живет «как дома»: в привычной температуре и привычном освещении. Эти опыты дают возможность точно определить, сколько кислорода потребляют в нормальных условиях планктонные обитатели, сколько выделяют углекислоты и т. д.

Кстати, о расстояниях.

Радисты приняли приветствия и пожелания успешного плавания от Памирской экспедиции. Памир и Шпицберген!

Ледяные поля тянутся от корабля до самого горизонта. Люди одеты в ватные костюмы. А в кают-компании товарищи решили посмотреть фильм «По Самарканду». И вот на экране мелькают легкие одежды, горит ослепительное знойное солнце, проходят картины восточного города. Как особое лакомство, здесь, под горячим солнцем, продают прошлогодний лед, тертый с медом. Снова лед. Не чересчур ли? Впрочем, Устинычу со-

Во льдах у острова Белого.

ветуют не забыть рецепт. В высоких широтах это блюдо приготовить нетрудно. . .

10 августа до тридцать пятого меридиана—советской морской границы—осталось десять миль. Но лед упорно не пускает «Садко» к острову Виктории. На этот раз ему, видимо, не пробиться.

Осада льдов создала избыток свободного времени. Комплекты старых газет, валяющиеся на столах в красном уголке, зачитаны до дыр. Но почти каждый день можно встретить людей, перечитывающих давно известные новости. Нет станций, и часы суток приобретают свое обычное земное значение. Днем люди работают в лабораториях, ночью отдыхают. Многим не спится. Морские зайцы стали часто показываться у борта. Бить их на воде незачем—утонут. Вечером удалось «уложить» довольно большого зайца на льдине. Его «освоением» занялась почти вся экспедиция. Дружно втащили тушу на палубу. Длина его два с половиной метра. Под шкурой такой толстый слой жира, что он не тонет при буксировке. Шкуру с зайца снял Остальцев. Завтра собаки получат свежее мясо. Череп и ласты для определения расы торжественно вручили Горбунову, желудок—Богорову. К сожалению,

никакой свежей пищи в желудке не оказалось. Зато там обнаружена огромная колония—несколько сот длинных белых глист. Застрелили белого медведя для пополнения запасов свежего мяса.

Вечером резко изменили курс корабля. Повернули назад. Пробиваться через тяжелые льды нецелесообразно. Их можно победить только потеряв слишком дорогие для нас дни.

И вот снова на горизонте остров Белый. Вошли в полосу сравнительно чистой воды. Смолкли надоевшие ежеминутные удары о лед.

11 августа вдоль границы ледового языка, врезавшегося в море Баренца, пошли к северу.

«Богатый» день. Утро началось юбилейной пятидесятой станцией. Шутливо сетуем по адресу начальства, которое не решилось даже ради торжественной даты нарушить непреложный «сухой закон».

Второе событие — пересекли восемьдесят первую параллель.

Третье—вступили в район одного из интереснейших белых пятен Арктики.

Остров Диксона сообщает, что 24 июля летчик Масленников с высоты тысяча двести метров заметил поднятую рефракцией землю в северо-западном направлении от мыса Шалаурова. Западная сторона земли возвышена, в середине—седловина. Летчик видел землю долгое время. 28 июля Масленников вторично видел эту землю. Он предполагает, что это так называемая «Земля Андреева».[1]

На судне много разговоров об этой полумифической земле. «Садко» почти вплотную подошел к другой легендарной земле—«Земле Джиллиса».

Огибая ледовый язык, пробираемся все дальше на север. Ледовое небо—белая полоса горизонта—отодвинулось в сто-

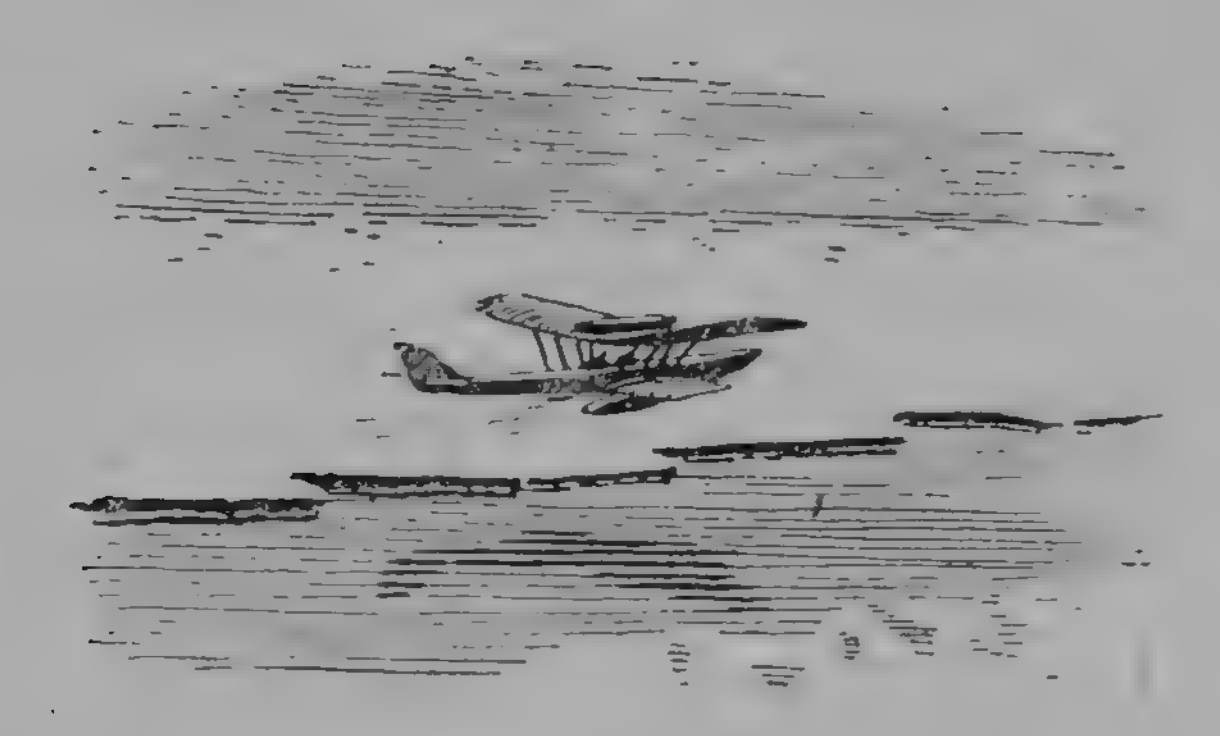
---

[1] Вопрос о существовании гипотетической «Земли Андреева» к западу от острова Врангеля уже два столетия волнует исследователей Арктики. Еще в 1726 году на изданной в Париже карте казацкого головы Афанасия Шестакова показана «Большая земля Копая», о которой рассказывалось, что землю эту видел «шелагский мужик Копай». Предпринятые в 1763—1764 годах две экспедиции сержанта Андреева не дали возможности решить вопрос о существовании земли. Не решили этого вопроса и поиски Врангеля в 1821—1823 годах, Де-Лонга в 1880 году и гидрографического судна «Таймыр» в 1913—1914 годах.

рону. Идем чистой водой. После удручающего молчания льдов ласкают слух всплески волн. Заметно покачивает. Недоволен астроном. Он настоятельно просит капитана «сунуться немного в лед». Точные приборы вибрируют при каждом колебании корабля и портят фотоленту. Световой зайчик вместо плавных линий чертит рваную, лихорадочную кривую.

Но вот путь прегражден. Море разбивается о кромку льда, как о берег.

В ста метрах от льдов отдаем якорь.



ЗАГАДКА «ЗЕМЛИ ДЖИЛЛИСА»

На корме, в лаборатории биолога Горбунова, собрался судовой «конгресс» доморощенных ихтиологов-рыбоведов. Надо установить вид и ученое латинское имя длиннохвостой фиолетовой рыбки, выловленной тралом. Ее выпученные белые глаза слепы, как у многих глубоководных рыб. Хвост похож на ленту, обшитую бахромой.

...Точно, по судовому распорядку каждые два часа бьют склянки. В красном уголке свободные от работы играют «в козла». Пустует настольный биллиард. Одну партию попытался сыграть Бабушкин. Не слушаясь кия (каюр Журавлев, следуя профессиональной привычке, называет биллиардный кий хореем),[1] шары упрямо при каждом наклоне «Садко» скатываются в лузы. Один из шаров исчез. Оказывается, неутомимый Факидов приспособил стальные шарики для своих работ по испытанию льда. На гидравлическом прессе он раздавливает ровные кирпичи льда, определяя их предельную нагрузку. Шарик служит бойком, передающим давление.

К середине дня стало совсем тесно на мостике. У карты, закрывающей весь стол штурмана, склонились напряженные лица. Карандашная линия корабельного курса врывается в новый район Ледовитого океана, где нет ни одного промера, ни одной пометки о глубинах. Белое пятно. Мы на пороге района, хранящего загадку легендарной, таинственной «Земли Джиллиса»...

---

[1] Хорей — длинная палка для управления собачьей упряжкой.

Двести двадцать восемь лет назад—в 1707 году — корабль английского капитана Джиллиса бороздил далеко на северо-востоке от Шпицбергена неизведанные просторы Ледовитого океана. Предприимчивые англичане еще за сто лет до этого встретили у берегов Шпицбергена громадные стада китов. Весть о китах принесли на Большую землю моряки Гудзона, направившиеся по следам Баренца на поиски сквозного Северо-восточного прохода. Суда Гудзона снаряжали английские купцы из «Московской торговой компании». Десятки кораблей пошли на охоту за китами. Английские китобои на деревянных парусных судах, вооруженные острыми многозубыми гарпунами, неутомимо преследовали владыку гренландских просторов.

Вслед за англичанами к берегам Шпицбергена пришли голландцы, французы, испанцы, датчане, немцы из ганзейских городов Гамбурга и Бремена.

Гордые бритты не могли примириться с тем, что лакомые куски перехватывают энергичные голландцы и французы. В 1613 году английский король Яков Первый объявил китобойный промысел у Шпицбергена монополией англичан, а Шпицберген переименовал в «Новую Землю короля Якова». Семь вооруженных многопушечных корветов пришли защищать права купцов из «Московской торговой компании». Разгорелась жестокая трехлетняя война четырех наций. Война закончилась вничью: каждой стране на Шпицбергене были предоставлены отдельные промышленные участки. Попрежнему двести—триста судов выходили на китобойный промысел в шпицбергенские воды. До двух тысяч китов в лучшие годы охоты убивали одни лишь голландцы. Кит исчезал. В поисках новых районов все дальше к северу пробирались по следам зверя суда китобоев. Одно из них вел капитан Джиллис. . .

На севере Шпицбергена, обогнув Семь Островов, не встречая льдов, Джиллис поднялся почти до восемьдесят второй параллели. На северо-востоке ему, якобы, открылись контуры далекой гористой земли. Капитан умер, не оставив точных документов о своем открытии. Свыше полустолетия «Земля Джиллиса» обозначалась на английских картах пунктиром. Потом она исчезла. И снова только через сто лет о ней вспомнил полярный исследователь доктор Петерман.

В дневниках Баффина были обнаружены записи, говорящие о том, что Баффин еще за девяносто пять лет до Джиллиса предполагал наличие земли на северо-востоке от Шпицбергена.

Из архивов были извлечены полуистлевшие вахтенные записи. Снова «Земля Джиллиса» появилась на картах, но на

этот раз она лежала почему-то на шестьдесят миль восточнее, ближе к Земле Франца-Иосифа.

Люди, которых привлекали тайны Арктики, стремились увидеть эту недоступную землю.

19 апреля 1896 года англичанин Фредерик Джексон, достигнув крайней западной точки Земли Франца-Иосифа, с высоты тысяча четыреста пятьдесят футов тщетно всматривался в горизонт. На многие мили впереди лежали спокойные льды и воды. Никаких признаков земли.

Прошло три года. 14 августа 1899 года к кромке вечных паковых льдов на северо-востоке от Семи Островов подошел Макаров на ледоколе «Ермак». Горизонт был чист. В дневниках Макарова имеются следующие записи:

«14 августа, еще до остановки замечен был гористый берег. Как только остановились, то взяли пеленги его и стали зарисовывать, но оказалось, что форма гор меняется, пеленги же крайних точек оставались без перемен. Если это в самом деле берег, то он виден вследствие рефракции, а не непосредственно. К югу хорошо видны Семь Островов, которые находятся от нас в расстоянии тридцати—сорока миль».

«15 августа. В час ночи выходил смотреть открытый вечером берег. Он был виден так же, как накануне.

Утром погода продолжала быть ясной, небо безоблачное и берег виден попрежнему. Около 3 часов астроном Кудрявцев делал магнитные наблюдения со льда и тоже видел часть виденной нами земли, которая начинала скрываться. К вечеру мы уже потеряли ее из виду.

Общая радость при виде этой земли была несказанная. Каждый путешественник доволен, если ему удается сделать хоть маленькое открытие.

Видели ли мы действительно землю? Думаю, что да, но поручиться за это невозможно. Если б это были облака, то они не могли бы продержаться на одном месте в течение целых суток. Следовательно, это было что-нибудь более постоянное, чем облака. Если это ледяные горы, то при высоте шестидесяти—восьмидесяти футов они должны быть недалеко и не менять своей формы, а между тем то, что мы видели каждые полчаса, меняло свою форму, а те, кто зарисовывал, получали снимки, в которых то один пункт казался высшим, то другой. Это могло происходить лишь от действия рефракции.

За борт спущены резиновые надувные лодки.

Тот факт, что видимый нами берег менял свою форму, показывает, что он был от нас на большем расстоянии, чем Семь Островов. Следовательно, виденный нами берег гористый, и надо допустить, что он от нас отстоит миль на сто. Отсюда, судя по крайним пеленгам, длина этой земли по меридиану простирается на шестьдесят миль.

Если такой берег существует, то это... должно быть новая, еще никем не виданная земля, которая ждет своего исследователя».

Льды задержали ледокол, и «Ермак» не смог пройти к берегам земли. Загадку ее предстояло решить будущим поколениям полярных исследователей.

Осенью 1925 года Шпицбергенский архипелаг огибала шхуна «Айланд» англичанина Уорслея. На рассвете старший штурман увидел далекое неподвижное темное облако. Его положение не менялось, хотя, подгоняемые ветром, другие облака быстро скользили по горизонту. «Таинственный кудесник—мираж, преломивший лучи солнца,—помог нам увидеть ее, эту загадочную землю, куда еще ни разу не ступала нога человека», писал Уорслей. В конце, почти словами Макарова, он заявлял:

«Я не могу определенно сказать, существует ли земля Джиллиса, но в двух случаях мы видели—немного к весту от положения ее на карте—видимость земли».

Призрачная земля оставалась неуловимой. На картах ее продолжали отмечать пунктиром и буквами «С. С.»—«существование сомнительно». С такими инициалами десятки земель и островов по сей день кочуют на картах Севера.

Роковым для «Земли Джиллиса» оказался 1928 год. Дирижабль «Италия» пролетел вдоль и поперек над районом в десять тысяч квадратных километров между Шпицбергеном и Землей Франца-Иосифа. Тщетно люди сквозь туман всматривались в пустыню льдов. Земли не было.

Не обнаружил ее и ледокол «Красин», прибывший позднее сюда на поиски потерпевшей аварию экспедиции Нобиле. Тонкий слой шуги покрывал тогда поверхность моря. Изредка встречались мелкие льдинки. Плавно покачивались на мертвой зыби небольшие айсберги. Вахтенные и добровольцы бессменно дежурили в вороньем гнезде.

«Красин» легко продвигался среди нараставшего молодого льда. При ходе корабля шуга не раскалывалась, а растягивалась по воде, подобно салу. Руководствуясь новейшей английской картой № 18—32, «Красин» 19 сентября пересек район «Земли Джиллиса» (81°40′ северной широты и 36°00′ восточной долготы). Лот отметил глубины в сто пятьдесят—двести метров. Одни лишь глупыши, привыкшие держаться вдали от суши, кружились вокруг корабля. Видимость была не менее двадцати миль. Земли в пределах видимости не было. Корабль повернул к востоку и пересек район «земли». До самого горизонта море было покрыто полями гладкого, не торосистого метрового льда. Свободные пространства воды быстро затягивались тонким, но уже звонким молодым ледком.

«Красин» повернул к югу. С борта ледокола была послана радиограмма:

«Земли Джиллиса» не существует.

На этот раз как будто можно было окончательно стереть «Землю Джиллиса» с карт Севера. Никому не пришло в голову проверить, где же надо искать эту таинственную землю. А ведь воскрешенная на карте Петерманом «земля» была намного сдвинута к востоку. «Красин» искал ее восточнее, чем видели ее Джиллис, Макаров и Уорслей...

Снова и снова возвращались к загадочному белому пятну взоры полярных исследователей. Они перебирали вахтенные журналы, просматривали карты, пробы грунтов и находили в них необъяснимые факты.

Иван Дмитриевич Жонголович у деклинатора измеряет составляющие земного магнетизма.

В 1930 году «землю» пытался увидеть профессор Зубов на «Книповиче». Геолога М. В. Кленову смутило обилие частиц гравия в донных отложениях района, пограничного с белым пятном. Такой грунт известен лишь в прибрежных местах—у островов Эдж, Карла, у Земли Франца-Иосифа. Но «земля» не обнаруживалась. К северу лежали сплоченные, неприступные льды.

Прошло еще четыре года. В 1934 году «Персей» поднялся выше Семи Островов. Стояли дни исключительной видимости. Тогда снова на горизонте возник призрак «земли». Был ли это мираж или далекое изображение, поднятое рефракцией? Льды задержали судно. Пришлось повернуть к югу. Зубов ушел в каюту, заперся там и запретил при нем говорить о «земле».

Сейчас у порога этой загадочной области стоит «Садко».

Поднимемся на мостик и раскроем карты. Вот старая английская карта № 13—82 1928 года. Как много говорит простое сравнение ее с нашей нынешней картой. Еще недавно на всем огромном пространстве окраины Ледовитого океана от западной оконечности Шпицбергена и до берегов Земли Франца-Иосифа выше восьмидесятой параллели почти

не было промеров. Теперь цепочки глубин забираются далеко за восемьдесят вторую параллель. Эти цепочки лежат по трассе «Красина», «Малыгина», «Книповича», «Персея», по трассе плавания норвежских судов и подводной лодки «Наутилус».

Только в одном месте нет промеров, нет глубин. Пятно неизвестности, хранящее загадку «Земли Джиллиса», спускается с северо-востока почти до Семи Островов. Немногие корабли, плававшие здесь, всегда отклонялись в сторону действием сплоченных, сдержанных чем-то льдов. Всегда даже в лучшие по ледовитости годы корабли встречают здесь стену льдов. Что это? Мелководье, на котором оседают полярные льды, или земля, скрытая льдами и туманами?

Станция.

В самый разгар работы по кораблю пролетела весть: с капитанского мостика заметили на горизонте темное, плотное, неподвижное пятно. Подгоняемые ветром, плавно плывут по небу облака. Но пятно, закругленное по краям, подозрительно неподвижно. В ход пущены все бинокли. В сторону «пятна» обращено не менее ста пятидесяти глаз. Ушаков—весь внимание.

Томительно медленно спускается на воду самолет. Почему у нас нет катапульты? Время тянется, как ленивый верблюжий караван. Все наши мысли там, у «пятна», вокруг неподвижной земли, которая может быть и есть «Земля Джиллиса».

Наконец улетел Власов. С летающей лодки-амфибии «Ш-2» сняты колеса. Все равно на всторошенных просторах нет посадочных площадок, нет разводьев. Полтора часа полета кажутся сутками.

Пилоту приказано не отрываться от корабля, держать его все время в зоне видимости. Ежели нахлынет туман, пилоту будет легче ориентироваться...

Как всегда, туман подкрался неожиданно.

Мир ограничен теперь десятью—пятнадцатью милями. Дальше—неизвестность. Может быть неподалеку скрыта эта таинственная, недоступная земля. В шутку мы заранее окрестили ее:

«Земля Власа Джиллиса».

Но сейчас не до шуток. Как продержится Власов, если он потерял из виду корабль?.. Туман плотной стеной подходит все ближе. От солнца и следа не осталось.

Тумана как раз и боялся Ушаков, когда предписал Власову не терять из виду корабль. Отдав распоряжение, он не ушел в каюту, а остался на палубе. О чем в эти минуты может думать начальник, честью своего полярного имени отвечающий за человеческие жизни, вверенные ему?

Пилот экспедиции Геннадий Петрович Власов

Разговоры о «Земле Джиллиса» не прекращаются ни на минуту. Книги, содержащие сведения об истории этой земли, путешествуют из каюты в каюту. Завязываются яростные споры. Все почему-то верят, что земля есть, что мы ее увидим, нанесем на карту и прекратим затянувшийся двухсотлетний спор.

Данных, свидетельствующих о близости земли, немало.

Несмотря на южный ветер, битый лед очень медленно дрейфует на юго-восток. Резко уменьшились глубины—с пятисот они поднялись до ста сорока метров. Особенно сильно изменился характер морского грунта. Грунт совсем необычен для глубокого моря. Много крупнозернистых слабоокатанных обломков. Такие обломки обыкновенно оседают вблизи центра разрушения или в зоне сильных течений. Но в грунте нет зеленого минерала глауконита, характерного для районов с сильными течениями. Все говорит о близком выступе морского дна—подводном кряже, мелководье или надводных островах.

Можно даже кое в чем предугадать характер этого таинственного выступа или кряжа. По сравнению с более южными станциями увеличилось содержание в грунте зерен гранита— с двух до тридцати восьми процентов; резко уменьшилось число зерен песчаников—с шестидесяти до двадцати четырех процентов.

На капитанском мостике в ожидании возвращения самолета дежурят добровольцы-наблюдатели. Их часто путает шум прибоя, который назойливо доносится сквозь туман с ледового «взморья».

— Идет самолет!

Крик звучит как тревога. Сразу на палубу высыпали все свободные от работы. Словно поддразнивая нас, быстро отступил туман. Все с нетерпением ждут:

— «Есть» или «нет»?

— Не продавай, Геня, за дешевку,—весело кричит Бабушкин, подгребая к самолету на резиновой душегубке.

Но разве надо учить летной дисциплине пилота Власова. Он молча идет к начальнику.

Закончив подъем самолета, мы гурьбой вваливаемся в кают-компанию. Здесь Ушаков, Зубов, Николаев. . .

Власов докладывает. Осмотрев площадь радиусом в двадцать пять километров, пролетая иногда в ста—двухстах метрах над острыми шпилями ропаков, он тщетно всматривался в плотную пелену тумана.

Земля не обнаружена!

По решению командования экспедиция останется в районе белого пятна еще день—два, чтобы использовать любую возможность для глубокой авиаразведки к северу.

Первая ночь кажется чудовищно длинной. Никак не дождаться утра.

Может быть оно будет ясным и солнечным. Тогда. . .

По горизонту ложатся розовые просветы. Заря? Но солнце и не собиралось уходить с небосклона. Значит, лучи его прорвали где-то пелену облаков. Проходит полчаса и снова нависает туман. Воздух становится парным, тяжелым. Он не освежает, а злит.

Решено ждать. Лучше потерять два-три дня, но попытаться ликвидировать загадку «Земли Джиллиса». Лебедка, грохоча цепями, вытащила якорь. Раскалывая льды, «Садко» прошел километр и остановился.

Когда корабль вынужден зимовать, капитан старается выбрать спокойную бухту, укрытую горами. Приблизившись

вплотную к берегу, судно гасит топки и замирает. Сегодняшнее наше вхождение во льды напомнило картину начала возможной зимовки.

Во время плавания не раз начинались разговоры о зимовке. Будем или не будем зимовать—вот вопрос, который порой ожесточенно дебатировался в кают-компании, в каютах и лабораториях. Некоторые видели в зимовке возможность «поработать как следует». Другие находили в зимовке нечто романтическое.

У нас тоже иногда шевелилось острое любопытство. Да как не помечтать о жизни в полярную ночь, во льдах, в трюмах корабля и бревенчатых хижинах, среди постоянных опасностей.

Даже при благополучном исходе зимовка была бы бедствием, катастрофой. Громадный коллектив был бы оторван на год от основной работы. Значительная часть наших наблюдений пошла бы на смарку: кого могли бы заинтересовать через два-три года сведения, предназначенные для ледового прогноза 1936—1937 годов.

Если бы «Садко» зазимовал, это произошло бы где-нибудь на довольно высоких широтах. А что было бы, если бы корабль раздавили льды?

Атаки «зимовщиков» поэтому неизменно кончались поражением.

— Ну, что вы, что вы, какие могут быть зимовки. Придумывают себе бездельники забаву, а вы им верите,—убеждали наиболее рьяных.

Вот почему, когда сегодня вступление во льды напомнило о зимовке, об этом сказано было лишь несколько слов втихомолку.

Итак, стоим во льдах. Ждем у моря хорошей погоды.

Днем прохладно. Ветер с севера. Расщелины между льдинами покрываются молодым блинчатым льдом. На воде вырастают тонкие, словно слюдяные, пластинки шуги. Холод и ветер, однако, не в силах прогнать туман. Он закрыл от нас мир, оставив лишь небольшой пятачок заснеженного поля с торосами посредине.

В километре залегла кромка, ледовый берег. Мы слышим его, но не видим. Шум волны глухо пробивается неясными голосами дремучего соснового бора в непогоду.

На маленькой лебедке замеряем глубину. Лот настигает дно на ста девяноста метрах. Нас дрейфует, хотя на корабле, крепко врезавшемся в лед, не ощущается движение. Вместе с Марковым попытались определить направление и силу дрейфа.

Оказывается, дрейфует нас на юго-юго-запад. Белое пятно выталкивает нас из своих пределов.

Неподвижность и безделие надоедают. Но ожидание новых событий не покидает нас.

Проходит еще день. Туман дразнит. Он отступает, уходит за горизонт, и снова всплывают темные и подозрительно-неподвижные облака. Мы сетуем: «почему не летит самолет?», а начальник не решается отправить авиаразведку. И он прав. Через несколько минут откуда-то снизу, от льдов, растекается молочно-серый газ. Он легче воздуха, всплывает вверх. Как ширмой, закрываются льды, море и «темные» пятна, манящие загадкой.

Четырнадцатого, наконец, наступает перелом. Туман рассеялся.

Лететь должен М. С. Бабушкин. Поднявшись к Ушакову, он спросил:

— Георгий Алексеевич, кто будет штурманом-наблюдателем?

— Я.

«Мне хотелось возразить и попытаться отговорить его от полета,—записал в своем дневнике Михаил Сергеевич.—Но посмотрев на него, решил, что все возражения будут бесполезны. Раз уж он решил, то настоит на своем.

Впоследствии я понял, что он был прав. В такую ответственную, сопряженную с опасностями разведку, безусловно лететь надо было ему самому. Если даже случится вынужденная посадка, то, конечно, лучше и благополучней всех выйдет из тяжелого положения именно он. Многолетний опыт хождения по льдам воспитал и закалил его волю и мужество. В случае вынужденной посадки он был бы незаменимым и самым ценным спутником. На мой вопрос, почему он решил лететь сам, Георгий Алексеевич ответил:

— Видишь ли, оно, пожалуй, спокойнее, когда сам летишь, а когда другие в разведке, то, пока они не возвратятся обратно, просто места себе не находишь, всякая чертовщина в голову лезет.

Я понял, что когда улетает самолет, Георгий Алексеевич неспокоен за экипаж, и, чтобы не увеличивать его волнения, впоследствии я всегда настаивал на том, чтобы время, назначенное на полет, строго соблюдалось, чтобы во-время возвращались обратно.

Мы поднялись в воздух, взяли высоту пятьсот—шестьсот метров, выше не пускает облачность. Идем курсом на норд-вест. Под нами льды постепенно уплотняются. Из крупнобитых они переходят в крупные торосистые и гладкие поля.

Вот мы летим уже над сплошными массивами льда. Попадаются колоссальные гладкие поля, сторошенные по краям от ударов. Эти поля с очень маленькими трещинами, местами разъединяющими их, но пройти по этим трещинам нашему ледоколу нет возможности. Да не только «Садко», более мощные суда не могут раскалывать такие поля.

Нас постепенно прижимает ко льду. Облачность снижается. С востока надвигается туман.

С самолета видны острова Белый, Карл, расположенные почти в ста милях от корабля. Но других земель нет.

Обследовав возможный для полета и довольно большой

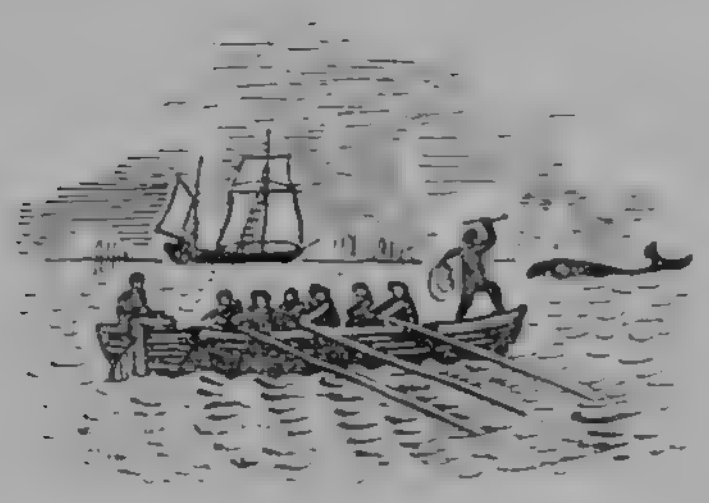
— Это Ушаков машину вел. Ничего. Может пилотом быть. На старости лет...

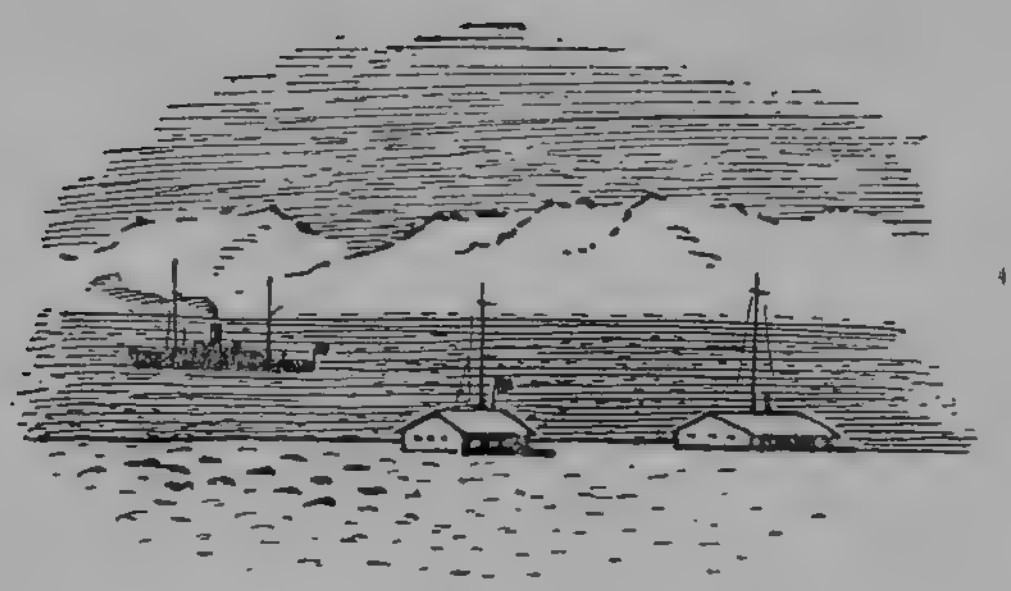
Горькое разочарование принесла разведка. Земли нет. Может быть она скрыта где-нибудь в туманной дали. Но мы спешим дальше на восток. Время не ждет.

После возвращения Ушакова и Бабушкина улетели на разведку Власов и Марков. На востоке за узкой, сравнительно, полосой льда они открыли чистую воду.

Мы уходим, унося с собой загадку «Земли Джиллиса». Столько волнений и ожиданий было за эти три дня. И если не очень огорчены наши научные работники, то только потому, что они успели досыта поработать, взяв огромное количество проб в районе, где научные работы никогда не производились.

Но кто скажет, призрак какой земли привиделся Джиллису, Макарову, Уорслею на далеком горизонте? Что за темное, неподвижное облачко мерещилось нам?..





РУССКАЯ ГАВАНЬ

Три дня безуспешно пробивались к Земле Франца-Иосифа. Однажды за вахту продвинулись меньше чем на длину корпуса, всего на семьдесят восемь метров! Вместо того чтобы итти на север и на восток, уходим на юг, юго-запад.

Ночью 17 августа были снова возле острова Белого. Днем — опять возле него, но несколько юго-западнее. До восточного побережья Шпицбергена миль тридцать пять, до острова Белого — миль двадцать. Много острот по этому поводу, шутят, что сейчас «обойдем» в одну навигацию Шпицберген с юга и придем домой, установив «новый мировой рекорд».

Последние дни мы боремся за юг так же, как недавно боролись за север. В эти дни наглядно ощущаешь роль ветров в Арктике. Три недели подряд дул норд-ост. Ветры нагнали с севера огромные ледяные поля. Путь на восток от Шпицбергена и проливы между островами Белым и Виктории сплошь забиты льдом.

В союзе со льдом наступает туман, преследующий нас по пятам. В тумане нельзя выпустить воздушную разведку. Приходится итти ощупью, почти наугад, руководствуясь особой интуицией полярников. За три дня спустились почти на два градуса к югу. Движемся около кромки льдов, пользуясь попутными ветрами и разводьями...

18 августа твердо взяли курс на Русскую Гавань. Там ожидает нас «Спартак» с грузом угля. «Спартак» торопит нас, ему надо завезти снаряжение и смену зимовщиков на полярные станции в Карском море.

Пересекли море Баренца. В 1593 году отважный голландец Виллем Баренц на корабле «Посланник» плыл по этому

морю к Новой Земле. Он там и погиб во время одной из своих зимовок. Могила его до сих пор не разыскана.

По пути встретили сплоченные льды. Долго обсуждали вопрос—откуда эти льды: принесены они с севера или остались здесь со времени зимы? Ответ дал Богоров.

Наш планктонолог уже давно установил, что в мире планктонных обитателей происходят сезонные изменения.

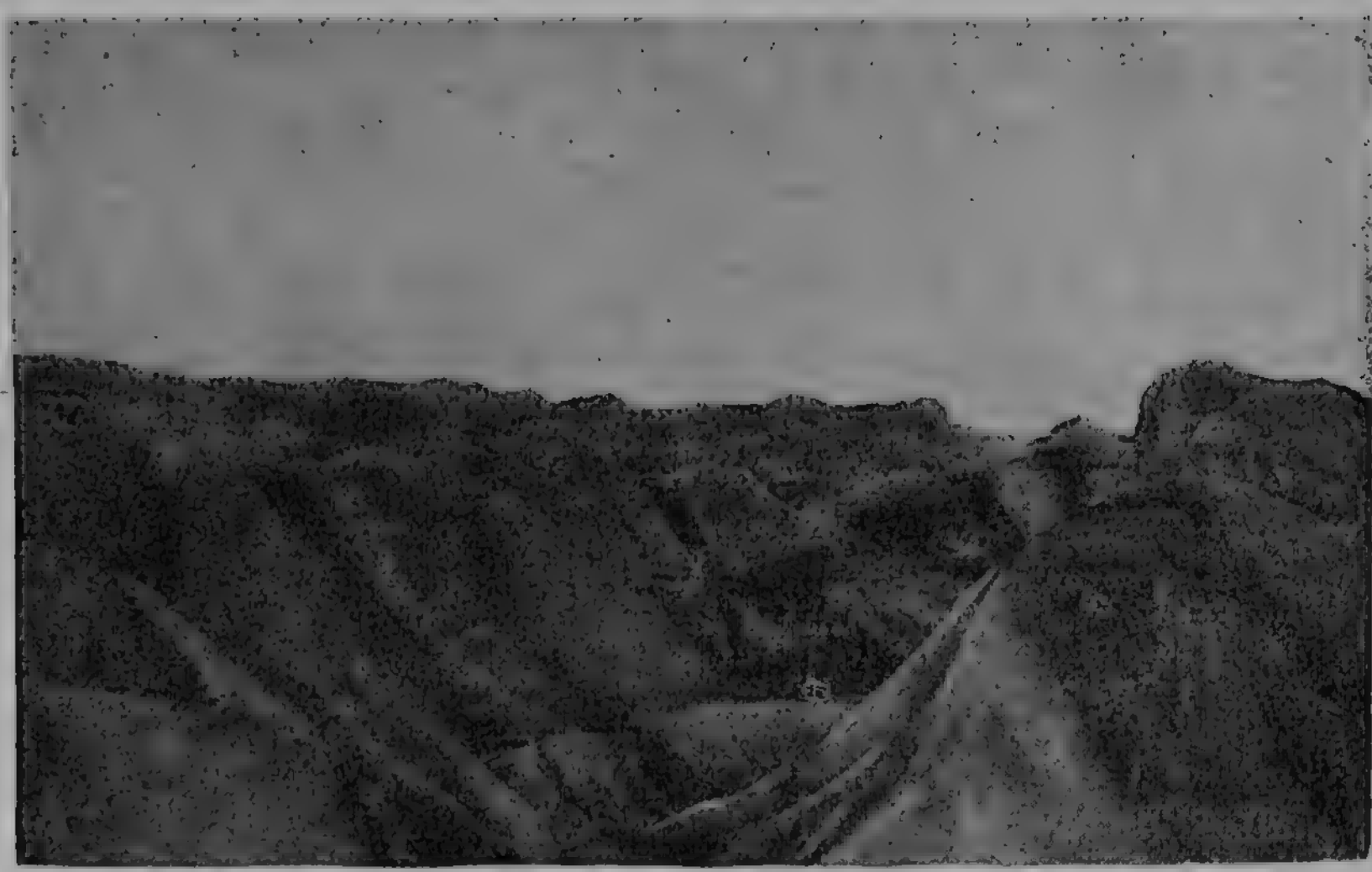
Весной, лишь только стаивают местные льды и море открывается живительным лучам солнца, в толще воды развиваются крохотные микроскопические растения, растительный планктон—диатомеи. Проходят месяцы, и на морских пастбищах появляется животный планктон, зоопланктон—калянусы, крохотные сагитты, бокоплавы и другие рачки всевозможных классов. В море лето. И если с севера свирепые штормы или ветры принесут льды, мир планктона останется объективным показателем, свидетельствующим о том, что море переживает летнюю фазу своего развития.

Обычно для выяснения происхождения льдов, встреченных на пути корабля, взывают к помощи метеорологов. Они изучают карты погоды и долго подсчитывают румбы ветров, прежде чем скажут, какие ветры могли забросить сюда лед из других районов. Кораблеводителя эти данные интересуют отнюдь не из любопытства. Без них нельзя решить: стоит или не стоит форсировать лед. Если он стоит здесь издавна, лучше обойти вдоль кромки, если он принесенный, можно пройти.

Богоров рассказывает:

— В машинном отделении уже давно обратили внимание на разницу в окраске осадка, который забивает сетку моего водомера. Раньше осадок был похож на кофейную гущу. Это оседали вестники морской весны—мириады диатомей. А сейчас осадо́к беловатый—развились массы животных организмов. Разница эта бросается в глаза каждому, кто хоть раз подходил к водомеру. Даже по цвету планктона можно определять характер времени года, которое переживает море. В данном случае можно утверждать, что лед, встреченный нами, принесен извне. Внизу, в море, сейчас лето. Местный лед стаял уже давно, месяца два назад.

Вскоре вышли на чистую воду. Стало слегка покачивать. Утром 21 августа сквозь кисею тумана проступили холмистые отлогие берега. Это Новая Земля—острова, брошенные между



Ледник Шокальского в Русской Гавани.

Баренцовым и Карским морями узким выщербленным куском суши.

Историки до сих пор не решаются сказать, кем и когда были открыты эти острова. Но если судить по летописям Нестора Летописца, Новая Земля была известна русским еще тысячу лет тому назад. Нестор писал в прошлом тысячелетии: «Югра же людье есть язык нем и сидят с Самоядью на полунощных странах». Югрой Нестор называл угорские племена. В древнейшие времена новгородские ушкуйники узнавали у «югры» о «полунощных странах» и направлялись туда.

Смелые северные русские моряки не только открыли, но первыми по-хозяйски исследовали новоземельские острова. К сожалению, у нас очень мало знают о походах Родиона Иванова, зимовавшего на Новой Земле в глинобитной хижине, Саввы Лошкина, плававшего сюда в конце XVIII века, крестьянина Якова Чиракина, погибшего во время зимовки, штурмана Розмыслова, искавшего здесь драгоценные камни, Лудлова, ходившего сюда на «Пчеле». Все эти выдающиеся русские исследователи своими походами подготовили экспедиции Федора Литке, Петра Пахтусова и штурмана Цивольки, которым принадлежит честь первых детальных описаний новоземельских островов.

Северная оконечность Новой Земли—мыс Желания—упирается в семьдесят седьмую параллель. Милях в ста от него врезается в землю небольшой изогнутый залив Русская Гавань. В гавани кипит жизнь, как на любой транзитной узловой станции Севера. Недавно ушла «Ветлуга». Она увезла старых зимовщиков. Еще раньше «Малыгин» завез снаряжение. Гидрографы производят промеры, уточняют карту залива.

С волнением осматриваем берег. Три года назад в Русской Гавани была основана первая советская зимовка. Вначале на берегу появилась одинокая палатка, потом построили четырехоконный дом и радиостанцию. За год на карту был нанесен почти весь Северный остров, расшифрованы многие загадки геологии, через ледники проложена аэросанная дорога, выходящая в Карское море. Сейчас зимовки не узнать. Выросли новые дома, баня. На берегу развевается красный флаг.

Скорей на берег, на твердую землю. Катер ползет томительно медленно, и мы никак не можем дождаться, пока он причалит вплотную к мосткам. Прыгаем в воду, в гущу водорослей, мчимся по суше (понимаете, по суше!), наверх, к домикам, к рации.

Нас сопровождает гурьба местных собак, среди них Венера—черный пес, подаренный Ушаковым зимовщикам в 1932 году, когда он возвращался с Северной Земли.

Зимовка расположена на узком перешейке. Сразу за домом начинается тундра. Отлогие холмы берега покрыты убогой растительностью, пищей северных оленей. С подветреной стороны за камнями прячутся травы. Много низкорослых цветов, мхов, разнообразных лишайников. Чуть подальше можно увидеть землю, совсем лишенную растительности и растрескавшуюся правильными шестиугольниками. Кажется, что это мостовая, выложенная глиняными плитками, на стыке которых сквозь щели пробивается трава.

В долине за полянами цветов виднеется стадо оленей. Охота на них на Новой Земле запрещена, так как олень теперь стал здесь редким, заповедным животным.

За перешейком—огромная подковообразная бухта Откупщикова. Она забита большими и малыми глыбами льда всех цветов от нежноголубого до грязнофиолетового. И над всем этим поднимается высокая, неприступная ледяная стена—ледник Шокальского. Мы видим только передний фронт этой огромной ледяной реки, спускающейся в море со «скоростью» восьми метров в год. Он дряхл, размыт водами, бока его залиты ручьями грязи. С вершины ледника виден третий залив по ту сторону мыса. Там много красивых айсбергов густосинего

цвета. Долго бродим по леднику, сожалея, что нет у нас альпинистских ботинок, чтобы спуститься в его расщелины— глубокие, узкие и страшно заманчивые.

В тот же день начался угольный аврал. Перегружаем уголь со «Спартака». Только на третий день, когда погрузка закончена, снова отправляемся на берег еще раз осмотреть зимовку, станцию, поговорить с зимовщиками. Они приехали несколько дней назад, а уедут через два года.

На зимовке четыре дома: жилье, рация, склад и баня. Возле «главного здания» маленькие густошерстные щенки возятся с брошенной им кайрой.

Какой-то особенный, лагерный стиль жизни царит в домах зимовщиков. В окнах четыре рамы: четыре стекла защищают зимой людей от метелей и буранов. В первой комнате стойка с винтовками и дробовиками. В столовой на столе—громадный кусок масла. Вряд ли на материке подадут к столу такой пятифунтовый кусок. Во всю стену книжные полки с литературой самого разнообразного содержания. Столик с патефоном и пластинками. Дальше—спальня.

Остаются зимовать здесь четыре человека—начальник станции (он же геофизик), метеоролог, радист и механик. Повара нет, а готовить и печь хлеб никто не умеет. Одна надежда на поваренную книгу издания 1880 года. Любопытно, что в этой книге в главе, посвященной бисквитам, лежала старая закладка, на ней написано:

«Рекомендуем».

Станция Русская Гавань существует всего три года. Откуда попала сюда эта допотопная книга? Неизвестно, кто завез сюда граммофонные пластинки с маршами «в исполнении восемьдесят второго саратовского пехотного полка» и «Гайда, тройка» в исполнении некогда знаменитого певца Шумского.

Новые зимовщики, впрочем, не падают духом. Особенно ободрились они в связи с приходом кораблей, оказывающих им изрядную помощь. Садковцы ремонтируют оборудование, дают советы. Зимовщики беспрестанно ездят к нам, расспрашивают опытных полярников.

Весь берег завален палатками, ящиками, бочками, кирпичом, глиной. Пришло продовольствие и разные хозяйственные грузы. Оживление—необычное для далекой зимовки.

Но скоро все стихнет. Уйдет «Садко», уйдет «Спартак», уедут гидрографы. С остальным миром свяжет зимовщиков только радио. Да еще километрах в четырех через залив в становище останется двадцать промышленников, добывающих медведя, песца и белуху.

Они будут трудиться здесь вдалеке от культурных центров, но мы знаем, что вернутся они на материк окрепшими, закаленными, полными желания вновь поехать на далекие полярные зимовки.

Ночью 23 августа разразилась мощная, почти тропическая гроза. Несколько раз ударила молния. Застучал град. Далеко в море замигали зарницы. Метеорологи в полном смятении. Гроза на семьдесят пятой параллели—явление весьма редкое. Долго не спим. Шумно в каюте журналистов—этом маленьком клубе экспедиции. С моря попрежнему дует штормовой ветер.

После грозы утро удивительно тихое. Слегка туманит. О наступлении дня предупредили гудки «Спартака». Катер гидрографов провел его к взморью, и оттуда «Спартак» прощается с нами и зимовкой. До свидания, друзья. Вот и разошлись корабли...

В полдень выбираем якорь. Медленно уходим в море, ежеминутно промеряя глубины: предательский фарватер Русской Гавани скрывает много ловушек. Залив богат рифами и опасными мелководьями. Гряды рифов выдаются против каждого мыса. В часы отлива над этими хищными подводными лапами моря держатся водовороты. Некоторые из выступов не отмечены на карте. В середине бухты, почти у борта, эхолот внезапно обнаруживает банку, спрятавшуюся всего лишь под десятиметровым слоем воды.

На мостике Николаев. Обязанности лоцмана исполняет Лактионов. Наш гидрохимик, как всегда, не словоохотлив. Еще в 1932 году, посетив Русскую Гавань и воспользовавшись вынужденной остановкой «Седова», Лактионов произвел подробную опись бухты и написал статью об условиях плавания в Русской Гавани. К сожалению, на новых картах, переизданных в 1935 году, не учтены ценные указания Александра Федоровича. Сейчас он вспоминает глубины по старой записной книжке, указывает опасные места, характерные знаки.

Николаеву почти каждую минуту докладывают о глубинах. Не отвечая, молча, внимательно и напряженно он всматривается в туман, все больше окутывающий нас.

— Какой румб?—слышен короткий вопрос рулевому. Взгляд не отрывается от мысов и островков.

— Триста пятьдесят шесть с половиной.

— Взять три.

— Есть три.

Чтобы не мешать капитану, мы выходим. Нам рассказывают историю открытия Русской Гавани. Седов в 1913 году опре-

Капитан «Садко» Николай Михайлович Николаев.

делил здесь астрономический пункт, наметил очертания залива. Но этому открытию, как и многим другим седовским делам, не повезло. Годы были такие. Пятнадцать лет о Русской Гавани почти не вспоминали. Только в 1927 году на небольшом пятисильном катере «Тимонец» сюда добралась группа полярников. Свою шхуну «Зарница» они поставили около острова Баренца, а сами в густом тумане, ориентируясь только по компасу, пошли в крохотной скорлупке вдоль незнакомых берегов. Налети даже пустяковый ветер, вряд ли им выбраться. Долго пробирались они вдоль берегов. Обширный залив с моря почти не был виден. Закрывали мысы. Наконец все же проникли в Русскую Гавань. Два дня вели съемку залива. Местность, казалось, никогда не посещалась людьми. Но вот как-то полярники взобрались на высокую глыбу острова Богатого. А наверху, оказывается, стоит огромный пятиметровый старообрядческий крест с полуистлевшей от ветров и туманов надписью:

«Сей крест поставили сумчане—промышленники Кошиков, Тенин и Степан Борисов, сотоварищи 1842 году августе на острове Богатом, бывшем Баренса».

Легко представить удивление путешественников. Они дивились смелости и бесстрашию поморов. Куда только они ни заплывали на своих крошечных парусных ладьях...

Мы так увлеклись историей, что не заметили, как сырая тяжелая пелена тумана почти совсем окутала бухту. Слышно, как кричат на острове Богатом кайры. По рассказам зимовщиков, здесь птичий базар. Но туман закрыл остров, и с трудом можно разглядеть высокий знак, поставленный на его вершине. Воздух насыщен мельчайшей водяной пудрой. Она собирается каплями на бортах, на тросах и оттяжках.

Вода в заливе бутылочно-зеленоватого цвета. Курс—вест. Странно: ведь справа уже как будто открылось чистое море и можно сворачивать. И вот, словно специально для того, чтобы утвердить авторитет капитана, прорывается пелена тумана. У самого правого борта—остров Бабушкина. Как обманчиво море в тумане. Поверни мы чуть раньше к северо-востоку—и быть нам наверняка на каменистых рифах, охраняющих этот островок.

Но вот все рифы позади. Идем к северу вдоль западных берегов Новой Земли.

Из-за горизонта пробиваются лучи солнца. Они озаряют феерическим светом ледники и горы, покрытые снеговой шапкой. Нельзя оторвать глаз от величественной панорамы. Она восхищает не только новичков, но и бывалых полярников. Северо-западные берега Новой Земли, по их словам, красивейшие в Арктике.

Непрерывной цепочкой тянется вдоль берега хребет Ломоносова. Края гор зазубрены в виде башен, пирамид, тонких шпилей. Мы, к сожалению, не видим самых высоких вершин—они закрыты туманом. Береговая гряда под лучами солнца цветет замечательным нежнорозовым тоном. На ней синеют снежные ложбины. Горы достигают семисот—восьмисот метров. Но это только низкорослая изгородь у шапки белоснежного ледникового купола, который укрывает всю Новую Землю и поднимается на тысячу—тысячу сто метров над уровнем моря.

Проходя меж гор, по расщелинам и долинам к морю от главного купола стекают исполинские ледяные потоки яркого голубого льда. Обрываясь над морем, глетчеры часто рождают зеленые, голубые, синие горы льда—айсберги.

Зеленая вода. Снег. Голубой лед. Розовые горы. Невольно поражаешься тому, с каким великим мастерством природа подобрала прекрасные, незатухающие краски, чтобы украсить ими безлюдную северную страну.

Ночью 25 августа прошли мыс Желания. Северная оконечность Новой Земли осталась позади. Курс—к острову Визе.

Идем чистой водой. Штормит. На столах кают-компании к общему неудовольствию снова появились «скрипки»—решетки для тарелок. Заброшен биллиард. Варламов жестоко поплатился за свою попытку увеличить фото, снятые «лейкой». Изображения оказались сдвинутыми и утроенными. Укачало собак.

Заказчик с горя принялся грызть выступающую крышу своего домика. Закрыв глаза, он впивается в дерево клыками и грызет щепки одну за другой. Но вот, наконец, выступ сгрызен начисто. Дальше дерево не подается. Сверху, на стенке домика, свежая, ровная плешина. Заказчик не сдается. Напрягаясь всем телом, он впивается в доску, зубы скользят, а израненная губа кровоточит. Пес молча лижет окровавленное дерево и снова, прильнув всем телом к стене, почти слившись с ней, рвет мелкие сосновые стружки.

Последняя сеть Богорова принесла невероятный улов: в стакане оказалось около полумиллиона калянусов. На блюдце калянусы лежат плотным толстым слоем. Кажется, что это мелкозернистая красная икра. Удивляет только форма икринок—они продолговатые, похожие на рисовые зерна. При внимательном осмотре можно заметить торчащие длинные усы.

Обилие животного планктона—признак кипучего полярного лета. Вода наполнена буйной незримой жизнью. Уже уничтожены мириады микроскопических водорослей—диатомей. Сейчас калянусов поедают более крупные планктонные организмы и рыбы, за которыми, в свою очередь, охотятся тучи чаек.

Обилие пищи привлекает касаток. Черные острые плавники все время режут воды около борта «Садко». Касатки стараются итти впереди корабля, как лоцманы. Так обычно они конвоируют китов, попавших к ним в плен. Иногда касатки ныряют под киль корабля и, возможно, пытаются таранить снизу «Садко». У китов часто находят глубокие рваные раны, нанесенные плавниками этих свирепых хищников. На обшивке «Садко» эти раны будут неглубокими...

Сегодня на верхней палубе около Вл. Березкина сел небольшой глупыш. Разбросав крылья, птица тщетно пыталась подняться. Ее легко накрыли шапкой. Оказывается, глупышу для взлета тоже нужна площадка. Поэтому он и не мог взлететь с палубы. Выброшенный за борт, глупыш быстро поднялся ввысь и, сделав над спардеком несколько приветственных кругов, присоединился к стае своих собратьев. «Планерными» особенностями глупыша особенно удовлетворен Бабушкин.

— Видите, не только самолетам, но и птице нужна стартовая площадка!—говорит он.

По мере продвижения к северу все больше и больше огорчаются наши «ледовики». Их программа, лишь вчера намеченная на производственном совещании, остается пока не реализованной. Льдов нет. Вопреки всем предположениям и опыту прошлых лет, идем, не встречая даже отдельных льдинок. Поверхностный слой воды—теплый: +1,5, +1°,6 по Цельсию. Очевидно льды не близко.

Качка усиливается. Негостеприимно встречает нас Карское море. Люди облачаются в высокие резиновые сапоги: волны ежеминутно перекатываются через палубу. После трехдневного перерыва в научных работах, сегодня возобновились регулярные станции. Снова пыхтят лебедки, снова опускаются в морскую пучину тралы, сети, трубки и батометры.

27 августа, миновав остров Визе и продвинувшись значительно на север, мы подошли, наконец, ко льдам. Поля льда весеннего образования, но сильно всторошенные. Идем по крупным разводьям с малыми отклонениями от генерального курса. Решено пробиваться к северо-западной окраине Земли Франца-Иосифа—острову Греэм-Белл.

У ГРЕЭМ-БЕЛЛА И НА ВОСТОК

Белая степь. Тихо. Изредка ветерок приносит шорохи: идет подвижка льдов. На этом огромном плоскогорье, где ледовые поля укрыты толстым снежным покровом, «Садко» кажется крохотным, как лодчонка, ныряющая с волны на волну. «Садко» пробирается от одной щели к другой, расталкивает льдины, иногда выбрасывает черный дым и снова идет вперед. За ним остается темная лента мелкобитого льда. Лента вытягивается прямой линией и уходит к горизонту. Вблизи должны быть берега архипелага шестидесяти островов, носящего по традиции имя австрийского императора, увековеченное его верноподданными полярными слугами. Берега спрятал туман.

Утром 29 августа с юго-запада промчался штормовой ветер. Ветер бушевал несколько часов и, сорвав со льдов снежное покрывало, унес его вместе с туманом. Открылись низкие и унылые берега земли. Вопреки утверждению карт, берега оказались черными и холмистыми. Ясно видны желтые пятна песков и зеленые участки растительности. Только в средней части белеет шапка ледникового щита.

Это и есть Греэм-Белл—самый восточный и крупнейший остров Земли Франца-Иосифа, лежащий на 81°20′ северной широты.

Проходивший вблизи Нансен в свое время не заметил острова. Он был открыт и нанесен на карту весной 1899 года американцем Болдуином, участником экспедиции американского журналиста Уэльмана, снаряженной на средства американских ученых и частных лиц, якобы для географического исследования Земли Франца-Иосифа, а в действительности для разведки воз-

можности трансполярных полетов и захвата «плохо лежащих» земель. После Болдуина никто на Греэм-Белле не бывал. По карте, им составленной, весь восточный берег острова покрыт большим ледником. Однако мы, пришедшие сюда через тридцать шесть лет, ледника на берегу не обнаружили.

Возможно, что ледник за эти годы стаял, но, вероятнее всего, Болдуин ошибся. Описывая остров ранней весной, он принял обычный снеговой покров за ледниковый щит и окружил на карте остров неприступными льдами, спускающимися в море. Его ошибку без проверки переносили с карты на карту.

Подходим ближе к острову. Среди ледовых полей много небольших бухт. В одной из них бросаем якорь. До Греэм-Белла по льду надо итти километра два. Дальше темная прибрежная полоса воды: широкая полынья омывает береговой припай. Готовимся к высадке на остров.

На льду у носа корабля уже лежат рюкзаки с продовольствием, ружья, надувные резиновые лодки, научные приборы, киноаппарат, длинные канадские сани.

Спускают на лед собак. Их обвязывают подмышками веревкой, в воздухе они смешно болтают лапами и беспокойно повизгивают. Но лишь только лапы касаются льда, собаки начинают прыгать, резвиться; они валются на спину или вдруг со всех ног мчатся прочь от корабля. Плен на корабле достаточно надоел.

Бек и Заказчик вырываются первыми. Они убегают далеко в сторону и не слушают призыва людей. Но вот крикнул Журавлев. Псы сразу прибегают обратно, виновато повиливая хвостами. Близко они не подходят, опасаясь штрафного удара хореем.

В разведочную партию включены научные работники, штурман, Остальцев и Журавлев. Собаки пойдут до полыньи, дальше партия будет переправляться на резиновой лодке. В случае изменения направления ветра «Садко» поднимет сигналы и даст гудки. Погода подозрительная. Солнца нет. Жонголович стойко ожидает появления солнца для астрономических наблюдений.

«Экспедиторам» дают тысячи поручений. Горбунов просит обязательно раздобыть белую куропатку—редчайшую птицу полярных земель. Он рассказывает, что на острове Вильчека (рядом с Греэм-Беллом) полярниками была найдена кость диплодока, которая прекрасно сохранилась и только слегка заизвестковалась.

Научные сотрудники сошли на лед. Летчик Михаил Сергеевич Бабушкин ведет записи ледовых наблюдений.

— Посмотрите насчет костей. Обязательно. Какого-нибудь мамонта привезите.

Острова сложены, повидимому, из песчаника. Эта порода, столь необычная для Земли Франца-Иосифа, является подстилкой для базальтов. Но из базальтов сложены все окружающие острова. Следовательно, Греэм-Белл является как бы геологическим дном архипелага. Исследование песчаников острова позволит объяснить происхождение окружающих островов.

На корабле общее оживление. Если позволит погода, будет массовый выход на берег.

В сани запряжены веером десять собак. Вожаком идет Гайдо. На первые сани положили лодку. Вторые сани привязали к первым. Собаки рванули, и люди быстрым шагом пошли за ними.

Оставшиеся на корабле перебираются на мостик. Вахтенный штурман осматривает горизонт. Другие, не отрываясь от биноклей, следят за удаляющейся группой товарищей.

— Дошли,—радостно кричит кто-то.

Через несколько минут:

— Поплыли.

В бинокль видно, как четверо сели в небольшую лодочку и оттолкнулись от белого ледяного обрыва. За лодкой на воде хорошо следить. До твердого, песчаного берега осталось с полмили.

В это время вахтенный заметил подвижку льдов. Льды смыкались медленно, почти незаметно. Закрывались разводья.

— Как быть, Георгий Алексеевич?

Молчание.

Льды все больше сходятся. Пролетают с криком большие чайки, жирные как откормленные поросята. Это бургомистры.

Ушаков поднял руку.

Ледокол призывно и тревожно гудит. На мачтах взвился сигнал.

— Назад.

Мы с тревогой следим за лодкой и собачьей упряжкой. Вот резиновый ботик вынырнул из-за тороса и пристал снова к тому же берегу.

— Домой.

И пока экспедиционная партия идет обратно, кругом с невероятной быстротой оседает туман. В течение нескольких минут от недавнего простора не осталось и следа. Поднялся тихий ветер, принесший мелкий ледяной дождь. Это результат сильной инверсии. Капельки дождя, замерзшие в нижних слоях атмосферы, падают прозрачными крупинками. Крупными хлопьями повалил снег.

Когда буря разгулялась, люди, снаряжение и собаки уже были на борту. Запоздай сигнал—и часть наших товарищей могла остаться на Земле Греэм-Белл.

Кстати, только случайность задержала вылет «шаврушки». Ее уже ставили на воду, когда начался ледяной дождь. При такой погоде неминуемо оледенение самолета.

В коварстве арктической погоды мы убеждаемся каждый день. И на этот раз в течение десяти—двадцати минут прекрасная ясная погода превратилась в сырую слякоть. Под ледовым дождем, в густом снегопаде мы прошли несколько сот метров. И вдруг снег, запорошив всю палубу, перестал падать. Хлопья тумана, зацепившись за торосы, немного задержались, затем рассеялись. Вдали нависли облака. Вырвался солнечный луч, заискрились грани ропаков. Вода совершенно черная, на ней белыми пятнами лежат снежные сугробы.

На корабле сооружена снежная баба, играем в снежки у восемьдесят второй параллели.

Собак все еще не посадили на цепь. Они разбрелись по закоулкам корабля, подолгу просиживают у мясных туш, под-

Зам. начальника экспедиции Ананий Владимирович Остальцев со своими любимцами.

вешенных на вантах, бесцеремонно залезают в лаборатории и музыкальный салон. Черный добродушный Капитон забежал даже в кают-компанию.

Вскоре корабль остановился. Снова от берега нас отделяют полоса торосистого льда и полоска воды. Если позволит погода, решено сделать еще одну попытку высадиться на остров. Плоский низменный берег дразнит исследователей.

— Этот остров какой-то выродок. Он совсем не похож на гористые острова Франца-Иосифа. Это скорее копия Ляховских островов,—определяют знатоки.

— А может быть Жонголович ошибся градусов на сто долготы?—нарочито серьезно говорит Богоров.

В шутках коротаем время. Мимо проплывают льдины. Они проходят так быстро, что кажется—корабль идет полным ходом. Но он стоит на месте.

Установлено, что остров на карту нанесен неправильно. После обработки данных астрономических наблюдений придется, повидимому, сместить его к юго-западу.

В вахтенном журнале записаны координаты стоянки: широта 81°22′, долгота 65°18′. Ждем. Проходит несколько ча-

сов, но погода все такая же подозрительная. Решено больше не задерживаться.

«Садко» идет на юго-восток. Мы хотим раскрыть тайны района, лежащего в треугольнике между Землей Франца-Иосифа, Северной Землей и островом Визе. Только дирижабль первой экспедиции Нобиле проносился над северокарским белым пятном. Человек никогда не бывал в этих местах. С волнением мы вступаем в районы, изучение которых сулит много неожиданностей. Мы пренебрегли возможностью сравнительно легкого продвижения на север и обхода вокруг Земли Франца-Иосифа, хотя много признаков говорит о наличии открытой воды и разреженных льдов против северо-западной оконечности архипелага и в море Виктории.

На ближайшее время белое пятно становится полем нашей деятельности.

Корабль покрыт снегом.

На самолетах поверх брезентов тонкая ледяная корка. Кругом огромные ледяные поля девяти-десятибалльного льда. Многие из них тянутся на десятки километров и по площади превышают территорию таких городов, как Харьков или Днепропетровск.

30-го—выходной день. Киносеанс. Занимается политшкола. Семьдесят первый меридиан. Объявлен угольный аврал. Мы выходим в неизведанные места, нужно беречь уголь.

Инициатором борьбы за экономию угля стала комсомольская вахта. В Русской Гавани мы получили хотя и хороший, но мелкий уголь марки «Ф» (флотский). Этот уголь просыпается под колосники, попадает в мусор.

Комсомольцы кочегары Лаптев и Балуков предложили пережигать мусор, смешивая его со свежей порцией угля и смачивая, если потребуется, эту смесь водой.

В столовой машинной команды несколько часов продолжается производственное совещание. Деловито обсуждают предложение Лаптева и Балукова.

— Ни один килограмм угля, необходимый для борьбы со льдами в оставшееся время плавания, не должен пропасть даром,—говорит старший механик корабля.

Подсчитывают количество лопат, которые надо забрасывать в топку. Спорят о толщине жарового слоя в топках. Как велико должно быть отверстие ветрогона? Сколько воды держать в стекле?

Решено провести взаимопроверку бригад.

В красном уголке готовится очередной номер стенгазеты. В ней много заметок о шефстве над механизмами, о столовой,

Комсомольцы кочегары (слева направо): Б. А. Бармичев, С. В. Лаптев и Н. И. Падчин.

о борьбе за экономию угля. Комиссия по проверке хода соревнования сообщает о своей работе. Она уже проверила выполнение социалистических обязательств многими работниками экспедиции.

В ночь на 31 августа остановились у голубых льдов. Озерца пресной воды подернуты тонкой ледяной пленкой. Из одного выкачали сто восемнадцать тонн воды.

Кругом торосистые поля, ветер с севера, видимость семьвосемь миль. Пробираемся вдоль кромки годовалого льда, достигающего двух метров толщины. Все чаще на пути попадаются разводья.

Проходит ночь. В четыре часа утра 31 августа за льдами открывается огромное темное и спокойное море. Чистая вода удивляет всех. Неприступное, недосягаемое белое пятно и вдруг—чистая вода. Изредка проносятся мимо отколотые от далекой ледяной кромки льдинки. Звякнул капитанский телеграф. Стрелка остановилась: «полный вперед». Курс изменен. Корабль снова повернул к северу. Температура воздуха с наветреной стороны рубки —3°,5. Температура воды —0°,2. Зыбь от оста. На глубине—мощный теплый поток.

Глубины увеличиваются. На карту наносятся цифры промеров.

Началась дискуссия о причинах неожиданного обилия чистой воды. Одни считают, что льды разогнаны ветром, другие приписывают это действию теплого течения.

Трудно сказать, кто прав. Возможно, обе стороны. Сам по себе факт наличия в этих местах мощного подводного теплого течения представляет большой интерес.

Богоров рассматривает пробы воды под микроскопом. Капли ее населены игольчатыми звездами радиолярий, шариками галесфер с зелеными пятнышками хлорофила, изредка среди них попадаются цепочки прозрачных пузырьков диатомей.

— Атлантика. Чистая Атлантика. Это типичные обитатели теплых атлантических вод,—говорит Богоров.

Атлантическое происхождение животных и растений, населяющих теплый поток, подтверждают работы гидрологов.

Великая теплая река Гольфстрим впервые прослежена во всем огромном районе непосредственного ее стыка со льдами и водами Ледовитого океана.

Главная струя теплого Атлантического течения у северо-востока Шпицбергена при встрече с холодным Гренландским течением, как известно, разделяется на две ветви. Одна из них огибает с севера Шпицберген. Но исследователи не знали точных путей этой северной теплой реки. Они принуждены были пользоваться единственными наблюдениями Нансена, который обнаружил теплые воды на склонах глубокого Полярного океана и указал на связь этих вод с теплым Атлантическим течением. Сейчас становится ясным, что теплое течение, идущее вокруг северной части Шпицбергена, огибает с севера также и Землю Франца-Иосифа.

В последние дни гидрологи при холодной, нулевой температуре на поверхности воды обнаружили на глубине девяносто—двести метров, теплую воду (+1°). Еще одна станция, и опять при холодных поверхностных водах на глубине сто—четыреста метров теплая вода (+1°,5). Обогнув гранитные архипелаги, прижавшись в силу вращения земли к южному склону глубокого полярного океана, теплое течение приходит оттуда, с севера, по ложбинам морского дна.

Вечером взяты пробы грунта и образцы животных с глубины шестьсот тридцать восемь метров. «Садко» достиг широты 81°37′. Впервые в этом районе корабль прошик так далеко на север.

Мы стоим на склоне континентальной платформы, на пороге великого Ледовитого океана, глубины которого еще никто по-настоящему не исследовал.

Вдоль материка Евразии тянутся мелководные моря: Ба-

ренцово, Карское, Лаптевых, Восточносибирское, глубина которых едва достигает двухсот—трехсот, порой даже тридцати—сорока метров. Эти моря являются как бы заливами Ледовитого океана, толщу которого Нансен на дрейфующем «Фраме» пытался промерить. Спустив трос длиной в три тысячи метров, Нансен так и не достиг дна...

Было бы не плохо пройти дальше к северу. Но путь закрыт. Воды запятнились, появились льдины, ледяные поля. Не желая уходить из зоны разреженных льдов, командование приказало взять курс на восток, идя вдоль кромки.

Мы первыми промеряем глубины на этом участке карты. Каждую минуту нас могут ждать любые неожиданности. Ушаков предлагает своеобразное пари-тотализатор. Каждый запишет координаты места, где мы будем находиться завтра в полдень, и выиграет тот, кто окажется самым близким к действительности.

— На Юконе,—рассказывает начальник,—каждый год устраивают подобный тотализатор. Всякий человек имеет право внести доллар, указывая день, час и минуту вскрытия Юкона. Кто будет ближе всех к истине—тот выиграет.

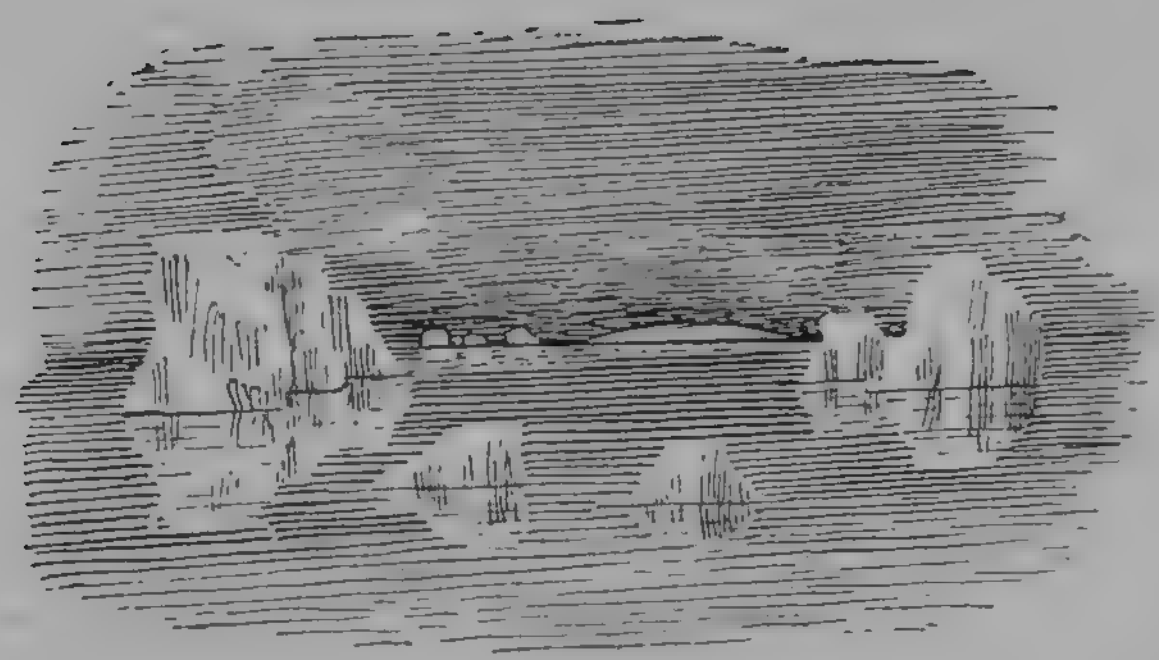
У нас нет долларов, мы вообще забыли, что такое деньги. Поэтому предложение Георгия Алексеевича остается лишь отрывком забавного разговора...

Прошли миль десять к востоку. И вдруг измерения показали глубину в сто девяносто семь метров.

— Мелководье!

Наверху холодно, ветрено, трудно работать на палубе у лебедок и сеток, трудно стоять на капитанском мостике. Люди оделись в меха.

Свернув по границе открытого мелководья, «Садко» уходит на юго-восток, к сердцу белого пятна!



ОТКРЫТИЕ ОСТРОВА

Утром дверь кают-компании украсилась большим плакатом.

АЛЛО! АЛЛО! АЛЛО!

На-днях выходит
первый номер
ВЫСОКОШИРОТНОГО КРОКОДИЛЬЧИКА
(самого северного)

— океаны смеха
— сплошные невзломанные поля юмора
— арктические просторы веселья.

Принимайте участие, пишите, рисуйте, давайте темы. Долг каждого садковца

— внести искорку смеха,
кусочек улыбки,
долю радости.

Завхоз Погосов, он же один из организаторов номера, обещает гонорар натурой (мзда по договоренности)
— в порядке конкурса
— без всякой протекции
— без обмана.

Спешите, не опоздайте!

А в девять утра вдруг кто-то встревоженно крикнул:
— По курсу земля!

Казалось, люди только и ждали этого возгласа. Они побежали по коридорам, по трапу, бросились на палубу, к капитанскому мостику. Оператор поспешно установил аппарат. Вахтенный штурман Марков, не отрываясь от бинокля, осматривает горизонт. Штурман одет в длиннополую черную шубу из собачьих шкур. На мостике—Ушаков, Николаев, Зубов.

Опоздавшие приглушенным шопотом спрашивают:

— Ну, как?..

Землю ждали уже несколько дней.

Переступив границу загадочного северокарского белого пятна, «Садко», вопреки предположениям, очутился в мелком море. Уменьшились глубины. Каждые три-четыре минуты эхолот приносил новые откровения. Глубина тридцать, пятьдесят, двадцать, шестьдесят. Под нами лежала холмистая, неровная страна. Корабль ощупью пробирался, боясь зацепиться за какой-нибудь выступ. На пути попадались льды, но чаще всего это были небольшие осколки, разбросанные по морю. Иногда «Садко» подходил к сплоченным полям. Постояв в раздумье, капитан направлял корабль вдоль кромки и неизменно находил огромные просветы. Мешал туман. Плотная серая кисея порой заставляла останавливаться. Странная тишина небольшого мира, окутанного мутным покровом, навевала всевозможные предположения.

— Вот рассосется туман и откроется большая, большая земля, — облокотившись на релинги, мечтательно говорит коренастый краснощекий матрос Валя Старков.

Туман расходится, но земли нет. У борта «Садко» проплывают льдины. Они шумят, как мотоботы, и кажется, что где-то внизу беспрерывно работает укрытый льдом гребной вал. Подошва льдин изъедена водой и свисает букетом лапчатых листьев. Ледовые грабли царапают воду. Поэтому льдины шумят.

И вот, впереди долгожданный остров. Подходим медленно. Эхолот попрежнему отмечает мелководье. Земля раздваивается. Ясно видны темные силуэты гор, расположенных своеобразной кильватерной колонной одна за другой. Еще один островок раздвоился, потом третий. Теперь уже четыре горы, плоские и прямые, как обрубки дерева, лежат впереди на горизонте. Только одна из вершин поднимается ввысь правильной остроугольной пирамидой.

Горы удивительно угловаты. Когда слегка рассеивается далекий дымок тумана, ясно видно, что берега островов обрываются отвесной стеной. Перекочевываем в кают-компанию. Шутим, подтрунриваем над проспавшими. Но скоро наступает разочарование.

«Земля» оказывается... «архипелагом» огромных айсбергов. Темнозеленые глыбы застыли на мелководье. Такие айсберги называют столовыми. В самом деле, они напоминают огромные столы, накрытые грязными скатертями, зеленая бахрома которых уходит глубоко вниз, в воду. Пока все восхищаются их красотой и размерами, Жонголович измеряет высоты, берет пеленги, работает дальномером. «Архипелаг» айсбергов и вблизи сохраняет подобие земли. Каждая из гор в несколько раз выше и шире «Садко». Склоны и вершины айсбергов покрыты пятнами берегового грунта. Очевидно, эти огромные ледовые горы молоды, иначе солнечные лучи, собираемые зачерненной поверхностью, уже давно растопили бы их.

Высота айсбергов достигает тридцати—сорока метров, ширина по фронту от трехсот до четырехсот метров. Айсберги застряли на мелководье и сравнительно неподвижны, глубины вблизи них не превышают ста метров, а подводные части могут при этой высоте достигать двухсот—двухсот пятидесяти метров.

Подходить близко остерегаемся. Если перевернется такая игрушка—водяной смерч может захлестнуть корабль.

Айсберги не только обманули нас, но заставили основательно призадуматься над их происхождением. Откуда они? Неужели их занесло сюда издалека? Или здесь где-то вблизи есть земля, скрытая туманом, и айсберги оторвались от нее? Одно ясно—такие могучие ледовые обрубки могла породить только высокая гористая страна, на которой мощность ледникового покрова превышает двести метров.

Ушаков исходил все берега Северной Земли и прекрасно знает ледники этой «терра инкогнито» многих экспедиций. Лактионов и Зубов неплохо знают ледники Земли Франца-Иосифа. В каюте начальника собираются на совещание. Вскоре в журнале ледовой вахты появляется запись:

> «Встретили большое скопление столовых айсбергов. В поле зрения установлено наличие четырнадцати айсбергов, с максимальной высотой сорок восемь метров и шириной по фронту до четырехсот метров. В результате обмена мнениями пришли к выводу, что эти айсберги недавно «отелились» и не могли быть принесены ни от Земли Франца-Иосифа, ни от Северной Земли, так как местоположение их отделено от этих земель мелководьем. Таким образом, наличие айсбергов свидетельствует о близости неизвестной земли».

Близка земля. Но где она? Куда направить корабль, когда кругом льды, воды, туманы?

С помощью дальномера определяют расстояние до скопления айсбергов.

Видимость из-за тумана сокращена до минимума. Самолеты бессильны прорвать густую пелену, окружающую корабль. Встречаются поля крупнобитого льда. Они мешают движению, заставляют менять курс. Корабль проходит большими разводьями-полыньями, окруженными заснеженной стеною льдов.

Глубины попрежнему—тридцать—сорок метров. Огромное северное мелководье—фактически море в море (мы окрестили его морем «Садко»)—стало реальностью. Это открытие совершенно изменит все представления о течениях и ледовых режимах, о всей океанографии Карского моря.

Полярные исследователи прозвали когда-то Карское море «ледовым погребом». Льды плотно забивают это море, и даже с приходом летнего солнца не отступают на север. Загадка Карского моря тревожила умы полярников и мореплавателей. Что преграждает путь льдам? Нет ли в белом пятне на севере Карского моря еще неоткрытых островов и земель, замыкающих цепь гранитного барьера между Землями Северной и Франца-Иосифа? И вот сейчас с каждой новой цепочкой промеров мы оконтуриваем огромное мелководье, своеобразный барьер,

отделяющий карские льды от льдов Северного Ледовитого океана. С каждым новым промером мы убеждаемся, что Карское море является почти замкнутым бассейном, как Черное море, как Каспий. Зимнему льду некуда уходить. Ему отрезана дорога на север.

В половине четвертого — очередная станция. Привычно стучат лебедки, вверх и вниз скользят сети и батометры... Сегодня на станции особенно шумно. Безуспешные поиски земли, айсберги, разбросанные по мелководью и словно задавшиеся целью сбить нас с толку, все события дня оживленно обсуждаются по всему кораблю. На рабочую площадку гидрологов уже перед концом работы донесся слух:

— Богоров открыл землю под микроскопом...

Вначале мы приняли этот слух за веселую шутку. Но позже оказалось, что в улове Богорова обнаружены крохотные, величиной с инфузорию, микроскопические животные—коловратки. Это самый мелкий многоклеточный организм. Имя такое они получили за головные реснички, вращающиеся коловоротом и создающие ток воды, который загоняет им в рот пищу. Коловратки заселяют обычно прибрежные воды моря. Вокруг не видно суши, но под микроскопом были существа, характерные для прибрежной зоны. Значит близко земля.

— По планктонному пеленгу земля в семи милях,—острили за чаем.

Большинство было настроено скептически. Богоров нервничает. Он уже жалеет, что проговорился перед журналистской братией.

— Но ведь это все таки прибрежное, сами посмотрите,— пытается убедить он нас, зазвав к себе в лабораторию и усадив за микроскоп.

Перед ужином трое журналистов зашли к Ушакову. Заговорили о значении открытого мелководья, о необходимости полнее исследовать белое пятно, которое, очевидно, таит много неожиданностей. Ушаков серьезно отнесся к находке Богорова.

Послышался стук в дверь. В каюту протиснулась бородатая голова Шишкина.

— Георгий Алексеевич, земля,—сказал он неуверенно и робко, тоном более неожиданным, чем само сообщение.

Мы засмеялись и вышли на палубу. Там уже толпились люди, напряженно разглядывавшие горизонт. Некоторые уверяли, что они совершенно ясно видят смягченные туманом очертания земли. Другие неопределенно мычали, боясь выдать

свое недоумение. Капитан Николаев с ужасом смотрел на толпу, запрудившую капитанский мостик.

Первые минуты мы тщетно оглядывали небосклон, пытаясь разыскать темное пятно, или хотя бы пятнышко, которое некоторые называли землей. Когда глаз слегка освоился с туманом, мы с трудом рассмотрели подозрительно-неподвижное облако, пологим, темноватым куполом обрисовавшееся впереди. Это и был остров. Он весь покрыт ледником. Ледовый каравай спускается к морю обрывистыми скалами. Издалека кажется, что гигантская белая черепаха заснула в море, заглядевшись на приближающийся корабль.

Быстро обмерзают стекла биноклей. Их приходится тщательно протирать. Некоторые из прибежавших на мостик не успели одеть ватники и теперь пытаются одной рукой натянуть их, не опуская другой с биноклем. Наверху нет лишь вахтенного механика и кочегаров, да еще оператора—он спит, решив, что на сегодня «островов» хватит. В слабом вечернем тумане земля вытянулась полукругом с запада на восток и занимает добрую половину видимого горизонта.

Земля!

Утром, когда Марков обнаружил «землю», Зубов пошел будить Ушакова. Тоном, не допускавшим сомнений, он доложил, что земля близка и хорошо видима с корабля. Днем по этому поводу много острили.

— Если Зубов ошибся, так нам и подавно можно,—говорили новички.

После обеда Зубов лег отдохнуть. Убедившись, что новый остров уже близко, к нему зашел Ушаков:

— Земля, Николай Николаевич.

Насмешливо улыбаясь, Зубов отпарировал:

— Не обманете.

— Правда, земля.

— Бросьте разыгрывать, не маленькие. Знаем.

С трудом удалось доказать Зубову, что мы не шутим. Наш профессор почти беспрерывно на вахте, он спит два-три часа в сутки. Может быть поэтому, уже поднимаясь с койки, он скептически заметил:

— Далась вам эта земля. Обманываете? Знаю, знаю...

Корабль остановился в миле от берега. Бинокль приближает к нам очертания острова. Хорошо видна долина, разделяющая два купола ледникового щита...

Разговоры прервал бой склянок. Двадцать часов. Ужин. Палуба опустела. На столах кают-компании белоснежные скатерти поверх надоевших клеенок. Пахнет пирожным, в вазах—

инжир, рахат-лукум, орехи. На блюдах бледнорозовая ветчина. Это в честь Международного юношеского дня.

Около умывальников выстраивается очередь. Все спешно бреются, надевают парадные костюмы.

В кают-компании, украшенной флагами, торжественно и тесно. Ушаков оглашает телеграмму—рапорт О. Ю. Шмидту.

Произносятся тосты. Первый—за Международный юношеский день и новооткрытую землю, второй—за начальника нашей экспедиции Ушакова, посвятившего всю свою жизнь изучению суровых просторов Арктики.

К востоку от нас лежит Северная Земля. Она носит десятки имен, дорогих нашим сердцам. Заливы, мысы, горы, нанесенные на карту Ушаковым, получили имена Сталина, Молотова, Ворошилова, Калинина, Тельмана, имена знаменитых полярных исследователей. Острова названы «Большевик», «Комсомолец», «Пионер», «Октябрьская революция». Но вопреки вековой традиции на карте Северной Земли нет имени Ушакова—путешественника, описавшего и обследовавшего весь этот суровый северный архипелаг.

Долгие аплодисменты приветствуют предложение Зубова: просить правительство о присвоении острову имени руководителя нашей экспедиции—Г. А. Ушакова.

За столом нет Саши Погосова и Журавлева. Они готовят ружья, рюкзаки с продовольствием и на всякий случай аптечки и палатки.

Наш моторный бот готов принять отряд научных работников, которые вместе с Ушаковым поедут на новый остров. Время дорого. Наспех закусив, экспедиция грузится на катер. Много огорчений и разочарований принесло комплектование этой группы. Каждому хотелось сойти на землю, где еще не ступала человеческая нога. К сожалению, катер вмещал только восемь человек. Взяли еще девятого сверх нормы.

Ушаков садится последним. В полушубке, с поднятым воротником, затянутый ремнями бинокля, ножа и винтовки, он похож на командира партизанского отряда эпохи гражданской войны. Дно лодки завалено ружьями, снаряжением научных работников и кинооператора, компасами, альтиметрами, астрономическими приборами.

Под веселые напутствия остающихся катер уходит к острову. Всю ночь и утро корабль живет ожиданием. С мостика неотрывно следят за катером. Он ходит вдоль берега, иногда исчезая за выступами торосов, потом опять выбираясь поближе к кораблю.

Итак, новая земля открыта. Заходим к Зубову. Он рассказывает историю открытий земель в этом районе Арктики.

...Еще во время плавания на бриге «Новая Земля», основываясь на собственных наблюдениях и рассказах поморов, Федор Литке предсказывал существование на севере Карского моря значительного мелководья или архипелага островов.

Изучая рассказы мореплавателей[1] и русских поморов, издавна посещавших Новую Землю, Крапоткин—знаменитый русский географ и революционер—писал:

> «К северу от Новой Земли действительно должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген. На это указывало неподвижное состояние льда на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь ледяных полях и некоторые другие мелкие признаки».

30 августа 1873 года, после года борьбы со штормами, метелями, после страшного ледового дрейфа, когда льды с грохотом и треском сжимали деревянное судно, Юлиус Пайер, спутник знаменитого полярного путешественника Карла Вейпрехта на судне «Тегеттгоф», записал в своем дневнике:

> «Мы стояли облокотившись на борт и смотрели в облака тумана, между которыми изредка проскакивал солнечный луч, как вдруг заметили в одном из таких промежутков, далеко на северо-западе, суровые скалистые горы.
>
> Через несколько минут перед нашими глазами в солнечном сиянии возникла прекрасная альпийская страна. В первое мгновение все замерли, точно прикованные к месту, и не верили глазам. Убедившись в действительности нашего счастья, мы радостно, громко закричали: «Земля, земля, наконец-то земля».

Это была Земля Франца-Иосифа. Блестяще подтвердились предположения Крапоткина. Но Арктика оставила за собой последнее слово. Через сорок лет—в 1912 году—зверобойное судно Г. Л. Брусилова «Святая Анна», стиснутое льдами, прочертило свой трагический маршрут от берегов Ямала через все Карское море. За семидесятой параллелью невидимые и не-

---

[1] Флотский офицер Шиллинг составил в середине XIX века обширный доклад о течениях в Ледовитом океане. Он первый высказал предположение о существовании Земли Франца-Иосифа. «Когда я прочитал этот доклад, — пишет в «Записках революционера» П. А. Крапоткин, — а также путешествие Литке на Новую Землю и познакомился с общими условиями этой части Ледовитого океана, то сразу увидел, что предположение Шиллинга должно быть верно».

понятные силы отклоняли корабль к западу, вопреки направлению ветров, пока льды не вынесли судно уже в Ледовитом океане в область общего полярного дрейфа. «Святая Анна» погибла.[1]

Только вахтенный журнал после долгих скитаний по плавучему льду был спасен штурманом Альбановым, покинувшим корабль еще до катастрофы. В журнале были записи общего движения судна, его дрейфа, направлений и силы ветра. На карте Карского моря выросла цепочка промеров, уходящая далеко на север, в обход Земли Франца-Иосифа. Изучив зигзаги дрейфа «Святой Анны», профессор Визе предсказал существование в центре Карского моря острова. Он был открыт в 1930 году и назван островом Визе.

Однако небольшой каменистый островок был слишком невелик для того, чтобы объяснить загадку льдов сурового моря.

Во время экспедиции «Седова», в 1930 году, в северной части Карского моря был обнаружен подводный хребет, который тянется от островов имени «Известий ЦИК» через остров Уединения и остров Визе.[2]

Изучая приливы Карского моря, Вс. Березкин в 1934 году пришел к выводу о существовании какого-то препятствия для течений, возможно суши, на севере от острова Визе. Второй раз гидрология предвосхитила географическое открытие.

Если бы человек мог неожиданно осушить просторы этого огромного мелкого моря, его взору предстала бы интересная страна. Прорезанные долинами, поднялись бы перед ним невысокие горные кряжи Северной Атлантиды. Склоны их, сглаженные мягкой линией отложений донного ила, были бы устланы тускнеющими актиниями, умирающими звездами, коралловыми полипами, зарослями зеленых лопухов морской капусты. И над всем этим высилась бы вершина острова Ушакова, укрытая ледовой шапкой, сияющей на солнце.

---

[1] Человечество не знает места ее гибели. В часы, когда льды с страшной силой сломали шпангоуты и в последней предсмертной судороге задрожали обшивки и стены, никто не бросил в пространство призыв: «SOS!— Спасите наши души!..» Корабль умирал молча, ибо на нем не было радио. Может быть кое-кто из восьми спутников Г. Л. Брусилова, может быть Ермиия Жданько или сам Георгий Львович, выбрались на лед, захватив котомку со скромным снаряжением. Все равно никто не подумал бы о спасении отрезанного от мира десятка пленников ледовой пустыни в те страшные дни, когда на полях Польши и Фландрии начиналась истребительная четырехлетняя война.

[2] Открытый нами остров расположен, очевидно, на северной оконечности этого хребта.

Выступая над уровнем моря, эта гора образует один из тех островов, который следует, по мнению профессора Зубова, отнести к типу полярных шапок—остаткам ледникового щита погрузившейся в море древней земли.

По границам этой Северной Атлантиды Полярный океан образует два широких залива, вдающихся в Карское море. По западному заливу в свое время дрейфовала «Святая Анна». По второму восточному жолобу совершал свой знаменитый поход в 1930 году ледокол «Седов». В честь этих славных экспедиций решено закрепить за глубокими проливами имена славных кораблей.

Так появились новые географические названия: «Мелководье «Садко», «Остров Ушакова», «Пролив «Анны», «Пролив «Седова».

...Выглянула нерпа. Ее заметили. Грянул выстрел. По воде пронеслась рябь.

— Промазал. Теперь, чорт лысый, никогда не выглянет,— сокрушительно прокомментировал Устиныч неудачный дебют стрелка.

Рассерженные промахом охотники застыли у борта, всматриваясь в гладь воды. Вдруг крик раздался с левого противоположного борта:

— Вон, вон она!..

Стрелять не пришлось. Испуганная нерпа мгновенно скрылась. Почти в этот же момент из-за далекого острова вынырнул бот «Ермак» и прямым курсом пошел к кораблю.

Радостно возбужденные, встречаем мы первых посетителей нового неизвестного клочка советской земли, затерянного в туманных далях Арктики.

Наши путешественники долго искали места высадки. Их встретили негостеприимные, крутые берега, покрытые льдами. Береговой припай, поднимающийся метра на два-три почти отвесной стеной, опоясывает остров. Волны выбили в ледяной стене пещеры, входы в которые занавешены бахромой льда.

После долгих поисков нашли, наконец, бухточку. Первым на берег высадился Г. А. Ушаков. Эта честь традиционна, как и многие другие неписанные правила арктических походов.

— Плохая землица у вас, товарищ землевладелец,—бросил кто-то шутливую реплику по адресу Ушакова. Все смеются, за исключением оператора, накручивающего очередной кадр.

Кругом ровная белая пустыня. Ни одного темного клочка. Богоров нашел замерзшую лужу, разбил ледяную корку и взял пробу. Факидов жадно ощупывал лед. Из большой кучи, выпесенной на береговой припай сжатием льдов, взяты образцы ила.

Но где же она, эта долгожданная плотная и темная земля, от которой так отвыкли все мы за две недели плавания во льдах. Ее нет. Вокруг лед.

Обследовав северную часть побережья, группа вернулась на катер и взяла курс на юго-запад, обходя остров. Всюду у берега лежит ледяной припай. С тающего ледника в море стекают ручьи. На снегу видны резко отпечатавшиеся следы медведей, которые, очевидно, около припая охотятся на нерп.

Нашли бухточку и снова высадились. Быстро разбрелись по берегу. Под ногами хрустит крупная ледяная крупа, прикрывающая могучий пласт плотного спрессованного снега с озерками талой воды. Сквозь туман поблескивает купол ледника. Леня Балакшин определил глубину моря у обрыва берегового льда. Глубина—девятнадцать метров. Жонголович расположился для определения магнитного склонения. Несколько человек пошли вглубь острова.

— Людей не видно?—крикнул ушедшему вперед Ушакову Факидов.—Может быть, девушки есть?

— Девушек не видно,—невозмутимо отвечает начальник.— Зато медведиц ходило здесь немало.

Хохот. Итти трудно. Под ногами рыхлый снег. Журчат ручьи, спрятанные под ледовой аркой. Перекрытия обманчивы и коварны. Первым принял ванну Ушаков. Измерили температуру воды. Оказалось, всего $+0°,2$. Прохладно.

Из небольшого пресного озера, от которого убегает к морю тоненькая струйка воды, Богоров снова зачерпнул пробы планктона. Тут нет бокоплавов, крупных рачков, нет медуз. Но капли этой воды под микроскопом неминуемо оживут и расскажут о жизни в озерах, вечно укрытых льдами.

Хочется обнять глазом как можно больше и больше запомнить. Разговаривают мало и односложно. Часто попадаются на пути глубокие медвежьи следы. Они то тянутся цепочкой вдоль берега, то уходят вглубь острова. Иногда медведь шел один, иногда бежал.

— Недавно шел,—сумрачно говорит Иванов, рассматривая один из встреченных следов,—сколько их тут. Вот поохотиться.

Просыпается азарт. Но сейчас некогда.

По берегу кое-где валяется плавник. Кора деревьев, обломки веток, несколько безыменных, необтесанных бревен, занесенных течениями. На них нет никаких пометок, никаких приметных признаков. Наконец, в полукилометре от берега наш авангард находит примерзшую ко льду шпалу с тавро «СЛ 16303».

Что значат буквы «СЛ»? Северолес или Сиблес? Кому может принадлежать заказ № 16303? Это удастся установить

«Шаврушка» на воде.

только на материке, и тогда выяснится, какие течения занесли эту шпалу на далекий Север. Все сходятся на одном. Шпала принесена сюда обь-енисейскими водами. Штурман Иванов—наш постоянный «художник по дереву»—ловко высекает топором на шпале: «Садко».

— Поставим ее, сигнальный знак получится,—предлагает кто-то, но кругом нет камней, нечем подпереть шпалу.

Глыбы льда заменяют камни. На берегу остается сигнальный знак—доказательство посещения острова человеком.

— Единственное дерево,—меланхолически замечает оператор, вертя ручку киноаппарата.

Четыре часа бродили по острову наши следопыты. Далеко уходить не решались—надо вернуться, чтобы использовать благоприятную погоду для полетов. Да и зачем итти дальше? Кругом лед. Только далеко в центре ледникового купола просвечивает небольшая и одинокая черная точка. Вероятно оттуда и прилетают многочисленные молодые чайки, которые селятся обычно не на льду, а на базальтовых или гранитных утесах. Катер уходит, и, как бы прощаясь, из воды выглядывает любопытная нерпа, привлеченная непривычным шумом гребного винта.

На корабле Ушакова и его спутников засыпают вопросами. Он едва успевает отвечать, одновременно разговаривая с Бабушкиным и по телефону с радиорубкой:

— Как рапорт Шмидту, отправили? Хорошо. С кем будете сегодня работать? Дополнительные сроки есть? (К Бабушкину —Надо пойти в разведку, заснять остров.) Смотрите—сегодня у вас нагрузка будет за троих. (К Бабушкину:—Полетит кто? Власов? Возьмите с собой Маркова.) В первую очередь давайте корреспондентские...

Это была прелюдия к бурной атаке корреспондентов на радиорубку.

Власов уже хлопочет у самолета. Пошли будить Маркова. В кают-компании «островитяне» пьют горячий ароматный кофе с остатками мюдовских угощений.

Входит капитан.

— Георгий Алексеевич, я сам бы хотел пойти в разведку.

— А я думал, что вы отдыхаете, не хотел беспокоить. Ведь вы дня три не спали.

— Я уже отдохнул...

Четко дается задание. Цель полета—заснять остров и наметить дорогу для обхода его кораблем. Направление: вначале норд, затем обойти остров, выяснить, нет ли с севера других островов. Летать два с половиной часа, не больше. В случае тумана немедленно возвращаться на корабль. При аварии садиться на воду, имея берег справа.

Николай Михайлович отвечает лаконично, по-военному чеканя:

— Ясно! Есть!

Снова на корабле часы томительного и напряженного ожидания.

Ночью наблюдаем невиданное сияние. Солнце, окутанное облачной ватой, окрасило пурпуром небо. Далеко на горизонте в угрюмо-зеленых водах моря качаются огромные скалы айсбергов. Одни напоминают египетские пирамиды, другие—юрты кочевников...

Замолк корабль. Кругом—неподвижная пустыня. Водой, как застывшей лавой, залито заброшенное поле. Над лавой поднимаются мраморные глыбы — памятники, мавзолеи и величественные изваяния.

Утром «шаврушка» вернулась. Установлено, что длина острова достигает, примерно, двадцати километров, ширина около десяти.

Журавлев и Погосов убили медведя. На борт корабля «белого гостя» подняли лебедкой.

— С воздуха можно подумать, что мы ошиблись и залетели на Моржовец. Такое же яйцо,—говорит Власов.

Мы ему верим. Базу зверобойного промысла в горле Белого моря — остров Моржовец — Власов знает неплохо.

Вскоре выглянуло солнце. Оно позволило сделать астрономические наблюдения. Координаты «Садко» 80° 54′ северной широты и 79° 10′ восточной долготы.

«Садко» за двенадцать часов стоянки сделал полный оборот, разворачиваясь на приливной волне. Вчера он стоял носом к острову, потом повернулся кормой, а сейчас снова занял исходное положение.

Каждый час штурманы отмечают скорость и направление течений. Получается полная «роза прилива»—одна из самых северных во всем Советском секторе Арктики.

Поутру, когда мы завтракали, на острове показался медведь. Он обошел опознавательный знак, с удивлением осмотрел незнакомый предмет и сильно ударил его лапой. Но наши товарищи постарались: шпала укреплена на совесть. Убедившись в ее несъедобности, Мишка продолжал свой обход. Корабль стоял в двухстах—трехстах метрах от берега. Ошкуй,[1] видимо

[1] Ошкуями промышленники Севера называют белых медведей.

почуяв собак, присел. Он внимательно осматривал нас своими маленькими глазками, старательно поворачивал во все стороны голову, пытаясь по запаху определить, что это за зверь у границ его владений.

Очевидно медведь остался недоволен своими наблюдениями. Подождав несколько минут, он отвернулся и медленно, не спеша, пошел вдоль берега.

В это время на палубу выбежали Погосов и Журавлев.

За несколько минут до этого Погосов играл в настольный биллиард. Вся экспедиция переживала в те дни бурное увлечение биллиардом. Чемпионы быстро нарождались и столь же быстро терпели поражение.

Один из кочегаров, заметив с палубы медведя, забежал в красный уголок и шопотом, словно его мог кто-нибудь подслушать, сообщил:

— Медведь!

Погосов заканчивал партию. Оставался еще один шар. Разве можно было оторваться? Кроме того, медведь был на острове, а до берега далеко. Не стоило из-за этого бросать партию. Но когда последний шар слетел в порванную лузу и закатился под диван, охотничий азарт взял свое.

И вот шлюпка мчится к берегу. В лодке рядом с Журавлевым и Погосовым сидит пес Цезарь. С каждой минутой сокращается расстояние. Медведь от берега повернул вглубь острова. Быстро высадившись, охотники спустили с цепи Цезаря. Пес, отвыкший от промысла, упирался и не выражал никакого желания встретиться со зверем.

Тогда на берег побежал Погосов (мы уже давно прозвали его «медвежьей смертью») и шагов с двухсот одним выстрелом уложил медведя наповал. Ура! Есть мясо для камбуза, череп для биологов, сало для собак, шкура для кабинета.

Горбунов препарировал череп медведя. Его мозг очень похож на человеческий, только извилины менее глубоки. Очень хорошо развита часть мозга, управляющая обонянием. Недаром ошкуй издалека чует добычу.

«Садко» медленно разворачивается, направляясь в обход острова. Снова все наверху. Вооружившись биноклями, забыв о бессонной ночи, изучаем очертания берегов, ледника, гор, выискиваем на горизонте признаки новых островов. Идем вдоль отлогих берегов первой открытой нами земли. Хорошо видны замерзшие ледовые ручьи на леднике. Видны бухточки, забитые морским льдом. Очевидно, ледяной купол на острове неподвижен, так как у самой стены ледника начинается совершенно гладкий береговой припай.

На пути корабля все более уплотняются льды. На северо-востоке встречаем поля с высокими торосами. Приходится отступать. Поворачиваем на юго-запад. Немного спустя останавливаемся в ожидании лучшей погоды. Вместе со льдами нас потихоньку относит к югу.

В двадцать один час начинается вечер в честь Международного юношеского дня. Ряды комсомольцев нашего корабля пополнились за эти дни. Общее собрание приняло в члены ВЛКСМ молодых кочегаров Демьянова, Балюстина и помощника буфетчика Иванова.

Гвоздь вечера—рассказ Ушакова о том, как был нанесен на карту остров Комсомолец на Северной Земле. Просто и захватывающе говорит Георгий Алексеевич. Рассказ перегружен техническими подробностями, но слушают с увлечением.

Почти в полночь заканчивается рассказ. Потом вспыхивает спор о собаках, о преимуществе разных собачьих упряжек. За одним столом сидят полярники разных школ, много видевшие на своем веку. Они привыкли с опаской, с проверкой относиться к любым авторитетам.

— Я долго был под гипнозом Амундсена,—рассказывает Ушаков.—Цуговая упряжка, которая так часто употребляется в Восточной Сибири, казалась мне почти идеальной. Я пристегивал собак попарно к одному ремню, проходившему посредине всей упряжки. Собаки бежали пара за парой. Управлять ими можно было только командой, а останавливать тормозом. Этот кол с железным наконечником я ставил впереди второго копыла, упирал его в снег и затем оттягивал назад. В цуговой упряжке особенно нужен понятливый, хорошо дрессированный передовик. И вот в первую же поездку по Северной Земле мне пришлось выдержать дикую перепалку с Сергеем Журавлевым. Он знал одну лишь новоземельскую, очень похожую на гренландскую упряжку—веером. К моему цугу он относился скептически. У него каждая собака имела свою лямку, к которой прикреплялся поводок, продернутый через блок или кольцо у передка саней. Кроме того, на всех собак поверх лямки надевали особые ошейники «пиленны», скрепленные общей цепью, которая не позволяла им разбегаться. Передовиком считалась собака, идущая слева. Для управления к ее ошейнику прикрепляли вожжу. При натягивании вожжи передовик увлекал всю упряжку влево; похлопывая вожжей, его можно было заставить теснить собак вправо. Тормозом служил не короткий, а длинный, почти трехметровый шест с костяной

шишкой на конце. Им пользовались и для понукания и для распутывания на ходу постромок. Кстати, такой упряжкой пользуются только на европейском севере, позаимствовав его, очевидно, из оленьей упряжки.

— Ну и кто победил?

— Пожалуй, Сергей Журавлев, хотя собаки наши почти все были приучены к цуговой езде. Впрочем, цуг имеет несомненные преимущества, но все трудности достаются на долю двух передовиков. Остальные работают по совести. Правда, когда идешь по мягкому снегу, в котором собаки тонут, или в узких коридорах-каньонах между торосами, волей-неволей приходится выстраивать собак гуськом. Впереди идет лыжник. По его уплотненному следу пробивает путь передовик, остальные собаки идут по готовому пути и меньше устают. Но в высоких широтах преимущества восточносибирской упряжки сводятся на-нет. Обычно весною, когда идут санные экспедиции, снег достаточно крепок, уплотнен. Тогда лучше ехать веером. Собаки все под руками, на виду, все идут под страхом хорея. Лентяя можно всегда наказать щелчком. В любых льдах такую упряжку можно быстро остановить или выпустить для погони за медведем. Она целиком в руках ездока. А, ведь, завидев зверя, собаки нередко начинают горячиться и выходят из повиновения.

Вопросы со всех сторон:

— Сколько брали груза?

— Какие сани?

— Чем кормили собак?

— Груза брали килограммов шестьсот. Пятьсот провианта да еще ездок. В североземельском оформлении я весил не меньше ста кило.

— На Колыме сорок пять пудов возят,—говорит кто-то.

— Собака собаке рознь,—скептически бросает Федор Журавлев.

Сани у нас были разные: норвежские—нансеновские, восточносибирские узкие, новоземельские. Для собак оказались худшими норвежские. Они очень низкие, их трудно тормозить, в пересеченной местности они легко запахиваются. Восточносибирские тоже слишком узкие, в торосах они переворачивались. Мы переделали новоземельские—удлинили сетку, сделали розвальни с дугой.

Наш каюр Федор Журавлев утвердительно кивает головой.

— Правильно. Нансен руками тащил, а на собаках его санки не пойдут.

— О пище. В основном для собак шли продукты, которыми обычно питается человек. Подкармливали свежим мясом. Мы, ведь, убили за два года больше ста медведей...

Поздно ночью, после очередного киносеанса, заканчивается мюдовский вечер.

Проходит два дня. События, связанные с открытием острова и мелководья, все еще не забыты. Они оживленно обсуждаются.

Можно предположить, что район мелководья является возвышенностью с рядом островов. Надо до конца расшифровать этот район в географическом и в гидрографическом смысле. Поэтому мы продолжаем крейсировать в мелководье. К сожалению, беспрерывно преследующий нас туман не только сокращает видимость до ста—ста пятидесяти метров, но не позволяет применить такое мощное средство разведки, как самолет.

Утром 3 сентября за час едва прошли четыре мили. Немного посветлело. Глубины все столь же подозрительны. Эхолот рисует линию, прижатую к левому краю ленты. Тридцать метров, двадцать восемь, двадцать шесть, двадцать четыре. В полной тишине, по абсолютно спокойной, гладкой, как поверхность стекла, воде медленно и осторожно движется «Садко». Внимание вахтенных напряжено до предела. Напряжение передается участникам экспедиции. Где-то рядом, может быть впереди, в нескольких стах метрах от корабля остров, а мы его не видим из-за тумана.

Петлим по таинственному туманному морю. Резко меняются глубины. Льды заставляют корабль ежеминутно менять направление. На штурманской карте наш район весь перекрещен причудливой кривой.

В БЕЛОМ ПЯТНЕ

«Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты—это воздух ученого, без них вы никогда не сможете взлететь... Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие...»

Эти проникновенные слова великого русского ученого академика И. П. Павлова напомнил нам сегодня В. Г. Богоров. Было уже очень поздно, пора было итти спать, но в кают-компании все еще продолжались разговоры по поводу сегодняшнего удивительного улова. Впрочем, расскажем все по порядку...

Почти ежедневно планктонные сети вылавливают прозрачные морские стрелки длиною с обычную булавку. Это щетинко-челюстные сагитты,[1] интереснейшие морские обитатели, которые из-за отсутствия для них подходящего места в существующей классификации почему-то отнесены биологами к семейству морских червей. В некоторых уловах сагитт столь много, что Богоров угощает ими приятелей и любопытствующих. Они вкусны и напоминают свежую зернистую икру.

Сегодня среди привычных крошечных стрелок попалась стрелка-гигант. Конечно, гигант—понятие условное. Но по сравнению с обычными сагиттами сегодняшний экземпляр дей-

[1] Sagitta—по-латыни стрелка.

ствительно колоссален. Длина его около девяти сантиметров, вес—1,9 грамма.

Весть о находке быстро разнеслась по кораблю. Одним из первых в лабораторию ворвался оператор. Он прикрепил к полочке самодельный прожектор и затарахтел своей «кинамо». Фотолюбители, пользуясь хорошим освещением, защелкали «лейками».

Когда в двери протиснулся высокий широкоплечий А. И. Дубравин, в лаборатории было уже совсем тесно. Андрей Иванович наклонился над стеклянной ванночкой, в которой плавала сагитта. Он долго рассматривал ее, затем вытащил записную книжку, микрометр, циркуль и начал что-то тщательно зарисовывать. Словно не веря своим наблюдениям, он покачивал головой, пожимал плечами. Еще раз наклонившись над стеклянной коробкой, он возбужденно сказал Богорову:

— Чорт возьми, но это парадоксально!

— Что такое, Андрей Иванович?

— Ваша сагитта—это идеальный подводный дирижабль! Ее обводы очень близки к идеалу обтекаемости. Такое совершенство форм достигнуто только самыми новейшими, построенными в последние годы подводными лодками!

Стрелку-гиганта выпустили в большую метровую ванночку. Подталкиваемая ланцетом, она мчалась с невероятной быстротой. Дубравин, как судья на спортивных состязаниях, щелкал секундомером. По бокам у стрелки торчали длинные прозрачные кили. Около хвоста прозрачная перепонка. Это два руля высоты, как у дирижабля. Хвост у нее не вертикальный, как у рыб, а горизонтальный, как у кита. Стрелка свободно рассекала им воду, проделывая всевозможные маневры. На теле ее можно легко разглядеть характерные для всех сагитт три раздела—голову, туловище и хвост. На голове—рот, два глаза и около десятка острых щетинок. Темной ниточкой тянется внутри прямой кишечник.

Сагитта тяжелее воды, но боковые кили поддерживают ее, дают возможность сохранять полную неподвижность. В воде сагитта почти невидима. Злой хищник, поджидающий в пучине моря мелких обитателей планктонного мира, она прекрасно пользуется своей защитной прозрачностью и подвижностью. Пусть только появится поблизости калянус или маленькая сагитта, и стрелка-гигант одним ударом хвоста разовьет огромную скорость, быстро настигнет свою жертву. Даже в ванне, освещенная необычным и раздражающим ее светом, она не преминула погнаться за несколькими калянусами, брошенными в воду. Рули и кили позволяли стрелке сразу взять нужное

направление и быстро двигаться по прямой, не описывая закруглений и кривых.

Дубравин измеряет киль, плавники. Он зачерчивает обтекаемые формы сагитты.

— Что ни говори, это гениальнейшее подражание и дирижаблю и подводной лодке. Впрочем,—поправляется Дубравин,— кто кому подражает, установить, пожалуй, трудно. Природу нельзя обвинить в плагиате. Гениальное, говорят, всегда просто, но иногда еще и удивительно. А эта стрелка, усовершенствованная природой, может быть одно из самых удивительных ее произведений.

Нам всем понятно восхищение корабельного инженера. Ему-то хорошо известно, как много труда и времени потратило человечество, изобретая и совершенствуя сложные аппараты, движущиеся в воде и в воздухе. От неуклюжей греческой галеры до современной изящной торпедной лодки, плавно рассекающей воды и как бы летящей по ним,—человеческая мысль прошла большой и многотрудный путь. И вот сейчас всех изумляет крошечный планктонный хищник, так поразительно овеществивший сложнейшие расчеты кораблестроителей, которые справедливо считались достижением человеческого ума.

Значит, в этом случае человек только повторял работу природы. Правда, повторял осмысленно то, что делалось по законам естественного отбора в природе в течение тысячелетий. Но все же повторял.

В прошлые века люди много размышляли над законами целесообразности в природе. Еще египтяне и греки, наблюдавшие жизнь во всей ее непосредственности, искали эти законы в божественном промысле, создавшем все живое по каким-то идеальным, неведомым человеку образцам. Природа по сей день поражает людей замечательной целесообразностью живых организмов, населяющих ее, но теперь не только ученый, даже школьник найдет этому отличное объяснение в естественном отборе, в законах, открытых великим Чарльзом Дарвином. Объяснить, однако, не значит воспользоваться. Мало кому приходит в голову, изучая строение животного или растения, использовать полученные данные в строительном деле или гидродинамике. А стоит. Многие уроки природы могут пойти на пользу инженерам. Ведь изучал же некогда Леонардо да Винчи овал яичной скорлупы, поразившей его своей прочностью. Красивые арочные перекрытия, рассчитанные Винчи, во многом подсказаны соотношениями, заложенными в скорлупе яйца.

Недавно нам пришлось наблюдать, как молниеносно меняет свою окраску каракатица, извлеченная из пучины моря. Синие, красные, фиолетовые волны скользили по ее телу. Казалось, животное осмысленно приспособляется к поражающему его непривычному солнечному свету. Перемена окраски—это результат работы красящих клеток, заключенных в коже каракатицы. Ими управляют нервы-машинисты живых тканей. Проделаем несложный опыт с маленькой рыбкой—пескарем. Пусть пескарь плавает в стоящем на нашем столе стеклянном сосуде с водой. Окрашен он в светлокоричневый цвет. Подложим под ванночку желтую бумагу, через короткое время рыбка окажется желтой. Заменим желтую бумагу черной, пескарь тотчас становится черным. Вынем теперь его из воды и залепим глаза так, чтобы они не видели света, а затем повторим тот же опыт. Опыт не удастся. Мы видим, таким образом, что именно глаза сообщают нерву-машинисту, какой цвет кожи он должен «пустить в ход». Этот опыт увлекательно описан в книге «Аскарида» выдающимся биологом Рихардом Гольдшмидтом. Но почему физикам, техникам не заинтересоваться замечательным глазом пескаря и каракатицы? Может быть и для себя они нашли бы в нем кое-что интересное.

Однако вернемся к нашей гигантской сагитте. Забравшись в каюту к Богорову, мы тщательно и долго разыскиваем данные о родословной этого любопытного создания природы. Наконец кое-что обнаружили. Остатки сагитт были, оказывается, найдены в кембрийских сланцах Британской Колумбии. Уже тогда они выделялись из среды других обитателей Кембрийского моря совершенством и своеобразием форм. С того времени процесс совершенствования не прекращался.

Вечером Ешурин показал сагитту на экране. Внимательно рассматривает ее Горбунов. Он впервые видит такой огромный экземпляр и уверен, что Богоровым открыт новый вид. Дубравин тоже зашел в кают-компанию. Записная книжка корабельного инженера исписана интереснейшими подсчетами и схемами. Кто знает, может быть нашим корабле- и дирижаблестроителям придется еще когда-нибудь использовать в своей работе эти «расчеты»...

Дни плавания в белом пятне принесли много интересных наблюдений и для других «цехов» экспедиции.

Гидрогеологов уже давно занимает вопрос об электропроводности различных пород, из которых слагается морское дно. Для этого приходилось испытывать образцы, приносимые труб-

кой Экмана. Обычно после станции колонки проб раскладывались на «операционном» столе, приключались к ним гальванические элементы, измерялись величины возникающего тока. Между величиной тока и сопротивлением породы зависимость простая: чем больше сопротивление, тем меньше ток, и обратно.

Однажды во время опыта забыли приключить элемент. Раз нет источника тока, значит неоткуда как будто быть и самому току. Но когда геолог случайно тронул проводничками концы свежей, сырой колонки грунта, стрелка прибора стремительно отклонилась.

— Чорт возьми! Откуда же ток?

— Что у тебя? — не повернувшись даже к геологу, спросил Горбунов, вылавливающий пинцетом из тазика юркого бокоплава.

— Да нет, ничего. Это я так...

Тишину лаборатории ничто не нарушало. Слегка только жужжал зуммер—прерыватель тока—на одном из включенных приборов.

«Откуда же ток?»—думал геолог.

Уже позднее было установлено, что колонки грунта, извлеченные с ложа океана, обладают сами по себе значительным электрическим зарядом. Напряжение (потенциал) заряда различно в различных пропластках пробы. Каждая колонка является как бы особым гальваническим элементом, внутри которого все время пульсирует ток. Это открытие дало много нового для объяснения процессов, происходящих на дне моря.

Для сравнения эти процессы можно сопоставить с тем, что творится на поверхности земли. С почвой все время соприкасается воздух. Температура его различна. Если бы тепло из воздуха в почву передавалось мгновенно и столь же мгновенно распространялось внутри почвы, конечно нагрев почвы и воздуха всегда был бы одинаков. Но температура почвы всегда отстает от температуры воздуха. Пока воздух новой температуры подойдет к почве, та еще не успела остыть или нагреться. То же происходит и с морским дном. Только здесь меняется не температура, а соленость морской воды. Соли растворяются всегда в виде ионов. [1] Возьмем к примеру частичку поваренной соли NaCl. Она распадается на положительный ион натрия и отрицательный ион хлора. Воды различной солености несут в себе различные концентрации ионов.

---

[1] Ион—это атом или группа атомов веществ, несущая положительный или отрицательный электрический заряд. Соли, растворяющиеся в воде, распадаются на такие заряженные частицы.

Изменения концентрации ионов в придонной воде и проникновение ионов в грунт совершаются не мгновенно. От воды к грунту или от грунта к воде (в зависимости от характера изменения солености) происходит передвижение солей, точнее наэлектризованных частиц. Если можно было бы погрузить два конца проводника в разные слои грунта, по нему неминуемо пошел бы ток, так как в одном слое наэлектризованных частиц больше, чем в другом. Ток будет стремиться уравнять электрический заряд в разных слоях.

Вот и получается, что морское дно в силу изменений гидрологического режима становится своеобразным гальваническим элементом. Энергия этого элемента огромна.

До последнего времени не было ясности в том, каким образом на дне моря происходит образование новых твердых пород. Мы знаем, что ложе моря устилается мягким, податливым и пластическим илом. Но с течением времени осадки морского дна превращаются в горные породы. Происходит процесс минералообразования. Для этого необходимы гигантские затраты энергии. Откуда они берутся на дне океана? И вот сейчас мы узнали об электрохимической энергии огромного элемента, созданного самим морем. Теперь установлена прямая связь между гидрологическими особенностями моря и зарождением в море новых твердых пород.

Там, где процессы минералообразования идут быстро и равномерно, можно предполагать, что существующее расположение течений весьма постоянно. Легко отличить случайное вторжение каких-либо водных масс от течения, строго закономерного и устойчивого во времени. В короткий срок не смогли бы, например, так далеко зайти процессы минералообразования в глубоких жолобах Карского моря, идущих по границам мелководья «Садко». Значит, присутствие здесь в этом году атлантических вод—не случайность...

Ночью в напряженной тишине по кораблю пополз шопот:

— Земля...

Сквозь туман, слева от корабля, пробивались контуры острова. Солнце, словно желая нам помочь, рассыпало через облака свои лучи. Они озарили ледяную шапку острова, оживив его мертвенно-серую белизну.

Возникает подозрение: не остров ли это Ушакова? Не открываем ли мы второй раз одну и ту же землю? Во всяком случае, новый остров лежит очень близко от острова Ушакова. Быстро рождается шутка. Предлагают назвать «пролив» между

этими «двумя» островами «проливом Шишкина»—нашего присяжного открывателя земель. Это он принял однажды айсберги за землю, он первым вместе с Марковым увидел остров Ушакова и сейчас первым заметил «новую» землю.

Снова плывем среди одиноких льдов и айсбергов суровой арктической Венеции. Плывем каналами, тусклыми и извилистыми, в причудливом городе, где безглазые дома торосов свисают над полями, напоминающими строительные площадки первой пятилетки, перерезанные баррикадами свежевырытых канав, заваленные штабелями досок.

Утром 4 сентября, когда туман рассеивается, Бабушкин и Марков производят авиаразведку. Сомнений нет. Новая земля, как и предполагали,—это все тот же остров Ушакова. В тумане наврали наши штурманские прокладки курса. Больше всех, конечно, огорчен Шишкин...

Корабль пошел опять по новому курсу; каких только курсов не держался он за эти дни. Вытянуть бы линию похода за последние два-три дня, и мы попали бы прямо в Мурманск.

Шутя просим Николаева не менять курса в течение ближайших семи-восьми дней. Но прошло несколько часов, и опять новый курс—идем на север, щупая глубины, оконтуривая западные границы мелководья.

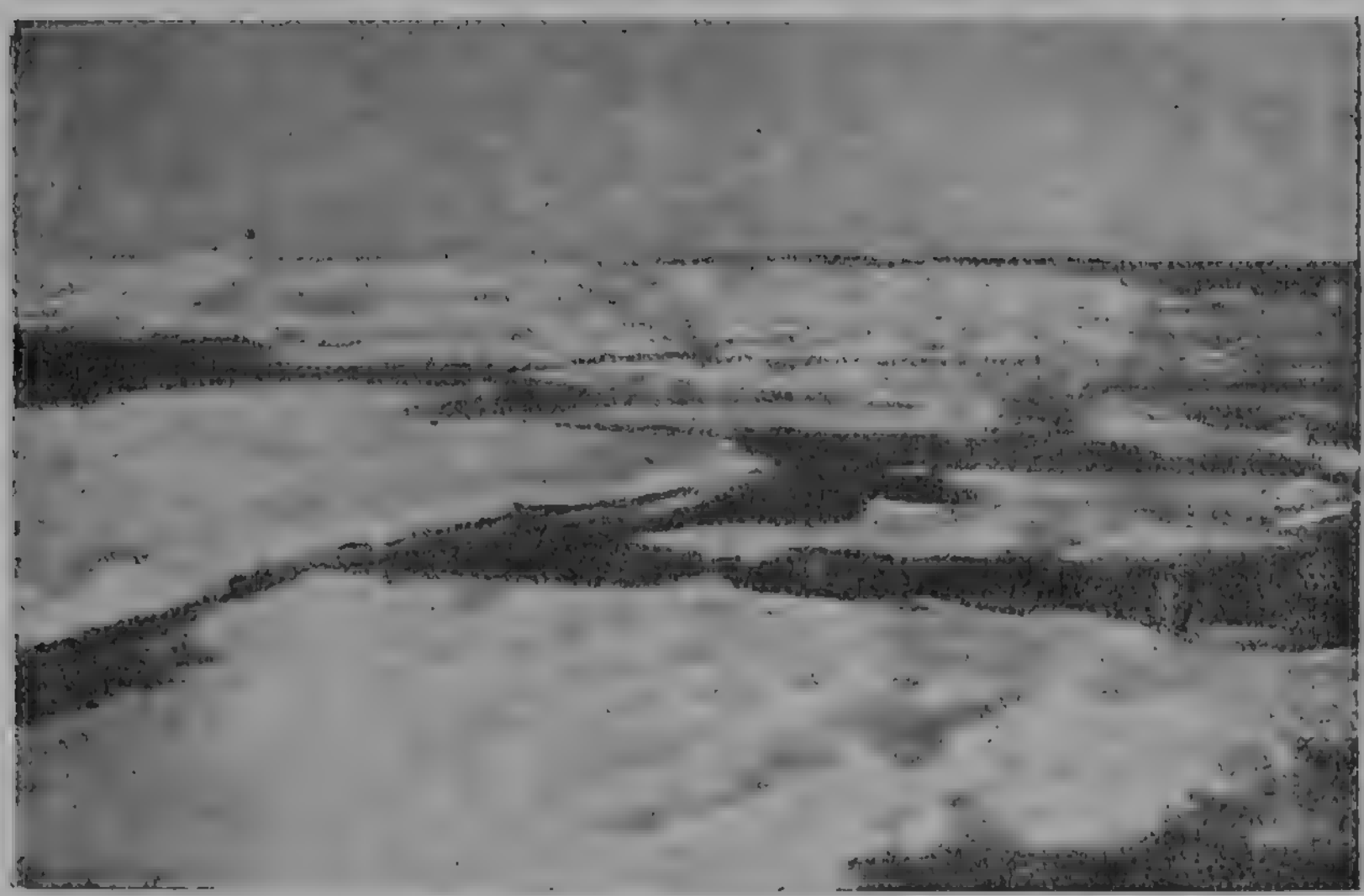
Пришли первые радиограммы-поздравления с открытием острова. Много весточек от родных, друзей.

Днем 5 сентября перешагнули через меридиан острова Визе, разделяющий белое пятно на восточную и западную половины. Спустились к югу, почти до восьмидесятой параллели.

На море—штиль. А где-то в Атлантике едва не погиб советский пароход (название не разобрали). У него штормом и соленым дождем снесло рубку, порвало брезенты.

После обеда в камбузе Попов и Иванов моют посуду. Попов держит в одной руке тарелку, а в другой полотенце и читает вслух Багрицкого (это его любимый поэт) и Маяковского. Под «Левой, левой» мы отправились на палубу, на станцию.

Ночью станция кончилась. На вахте—радист Сима Иванов. Из репродуктора льются ритмические звуки фокстрота. Тихо. Взгрустнулось. Доносится стук биллиардных шаров; это сражаются Бабушкин и Гершевич. Что делают сейчас дома, в Москве? К сожалению, прозевали сегодня трансляцию футбольного матча с чехословацкой командой. Любопытно, чем он кончился.



На восьмидесятой параллели. Меридиан острова Визе.

Смолкнув на минуту, радио снова заговорило. Передается камерный концерт. Тихие звуки оркестра и рояля перебиваются время от времени шипением парового отопления. На стенке тараканы. Мы их не трогаем: они привыкли к нам, мы—к ним. И только Ваня Варламов ведет с ними в фотолаборатории отчаянную войну—они пожирают эмульсию с развешенных для просушки фотографических пленок.

К корабельной жизни все давно привыкли. Но вот мелочи напоминают, что мы не дома, что многое, столь обычное в домашней обстановке, нам просто недоступно. Например, боржом или нарзан—обыкновенная газированная вода, которую можно купить в любой аптеке, в любом киоске,—у нас это роскошь. Многие мечтают о глотке шипящей воды. В Баренцбурге нам подарили три ящика боржома. Теперь осталось всего несколько бутылок. Завхоз Погосов выдает воду только по распоряжению доктора Гагарина, да и то в аптекарских дозах.

Правда, о других вопросах питания беспокоиться не приходится. Меню наших завтраков, обедов и ужинов отличное и разнообразное. Пожаловаться не можем. Погосов для контроля вывесил «нормы выдач на шесть дней». Вот они:

Селедка—один раз (утром)
Кофе—два раза (утром)
Шпиг—один раз (утром)
Овощные консервы—два раза (утром)
Сыр—два раза (утром)
Икра—один раз (утром)
Рыбные консервы—два раза (утром)
Пирожное или булочки—три раза (днем)
Печенье—три раза (днем)
Орехи—два раза
Мед—один раз
Какао—один раз (утром)
Копчености—два раза (утром)
Конфеты—пять раз
Мясо—не реже чем через день
Треска—пять раз
Медвежатина—по мере пополнения запасов
Кисель—четыре раза
Компот—четыре раза
Фруктовые консервы—один раз
Манная каша—один раз
Галеты—ежедневно

К столу подаются масло, огурцы, горчица, хрен, уксус, маринованный лук и чеснок.

Меню утверждается столовой комиссией, возглавляемой врачом. Приведем «расписание» одной из шестидневок.

Первый день

Утро. Овощные консервы. Селедка. Чай. Белый хлеб. Галеты. Масло.
Обед. Щи кислые. Рулет по-литовски с макаронами. Компот из сухих фруктов.
Чай. Чай. Плюшки. Мед. Масло. Галеты. Хлеб белый. Орехи.
Ужин. Щи кислые. Каша рисовая молочная. Чай. Масло. Галеты.

Второй день

Утро. Ветчина. Масло. Галеты. Кофе. Хлеб белый.
Обед. Суп-рассольник. Вермишель с мясом (консервы). Кисель малиновый.
Чай. Чай. Печенье. Варенье. Масло. Хлеб белый. Галеты.
Ужин. Суп-рассольник. Каша гречневая с шкварками. Медвежатина. Чай. Масло. Галеты.

Третий день

Утро. Кофе. Сыр. Консервы рыбные. Масло. Хлеб белый. Галеты.
Обед. Суп крестьянский. Беф-панир с капустой. Яблоки консервированные.
Чай. Булочки. Варенье. Масло. Белый хлеб. Чай.
Ужин. Суп крестьянский. Треска отварная с маслом. Чай. Масло. Галеты.

Четвертый день

Утро. Икра кетовая. Шпиг. Масло. Галеты. Хлеб белый. Чай.
Обед. Щи зеленые. Рулет картофельный (консервированное мясо). Желе черносмородинное.
Чай. Печенье. Варенье. Масло. Хлеб белый. Чай.
Ужин. Щи зеленые. Яичница с ветчиной. Чай. Масло. Галеты.

Пятый день

Утро. Колбаса. Рыбные консервы. Чай. Масло. Галеты. Хлеб белый.
Обед. Суп с рисом. Тушеное мясо с гречневой кашей. Кисель малиновый.

Чай. Пирожное. Масло. Хлеб белый. Чай. Орехи.
Ужин. Суп с рисом. Вермишель молочная. Чай. Масло. Галеты.

Шестой день

Утро. Какао. Овощные консервы. Сыр. Хлеб белый. Масло. Галеты.
Обед. Суп гороховый с копченой грудинкой. Картофель с мясом (консервированный). Каша манная с вареньем.
Чай. Печенье. Варенье. Масло. Галеты. Хлеб белый. Чай.
Ужин. Суп гороховый. Пирог с треской. Чай. Масло. Галеты.

...Сидишь за обедом или ужином и вдруг закричат: «медведь». На полубаке—охотники, фотограф, кинооператор. А метрах в двухстах, не обращая никакого внимания на корабль, спокойно разгуливает желтошкурый зверь.

Медведь иногда подходит к самому кораблю—не больше трех-четырех метров отделяет его от борта. Сегодня ему бросили кусок тюленьего сала. Он схватил лапой, унес метров за двадцать, съел и опять, косолапя, пришел к кораблю.

Все восхищаются ловкостью и изяществом этого зверя, непринужденной свободой движений. И никакой хищной звериной агрессии. Просто ходит зверь у какого-то, невиданного им ранее, большого предмета и с любопытством разглядывает его.

Приход медведей входит в число непредвиденных развлечений. Но вообще-то времени для отдыха немного. Помимо станций, немало времени отнимает учеба. Профессора и научные сотрудники аккуратно занимаются в школе по истории партии. Судовой состав—в общеобразовательных кружках. Кочегаров Падчина, Лантева и матроса Поспеловского после вахты почти всегда можно застать за учебником. Несколько дней назад из Ленинграда получена радиограмма о согласии принять группу наших молодых товарищей на четвертый курс кораблестроительного рабфака. Для них созданы специальные курсы по математике, физике, русскому языку, истории в объеме восьми классов средней школы.

После трудового дня очень приятно зайти в свою каюту, где на столике стоят портреты близких, лежат любимые книги, в спичечных и папиросных коробках уложены всякие морские подарки для ребят. Стол—это и кабинет, и столовая, и лаборатория. Поэтому здесь рядом с картонной коробкой, с одеколонными бутылками и будильником торчат две маленькие, герметически закупоривающиеся чернильницы, лежат карты, дневники, номограммы.

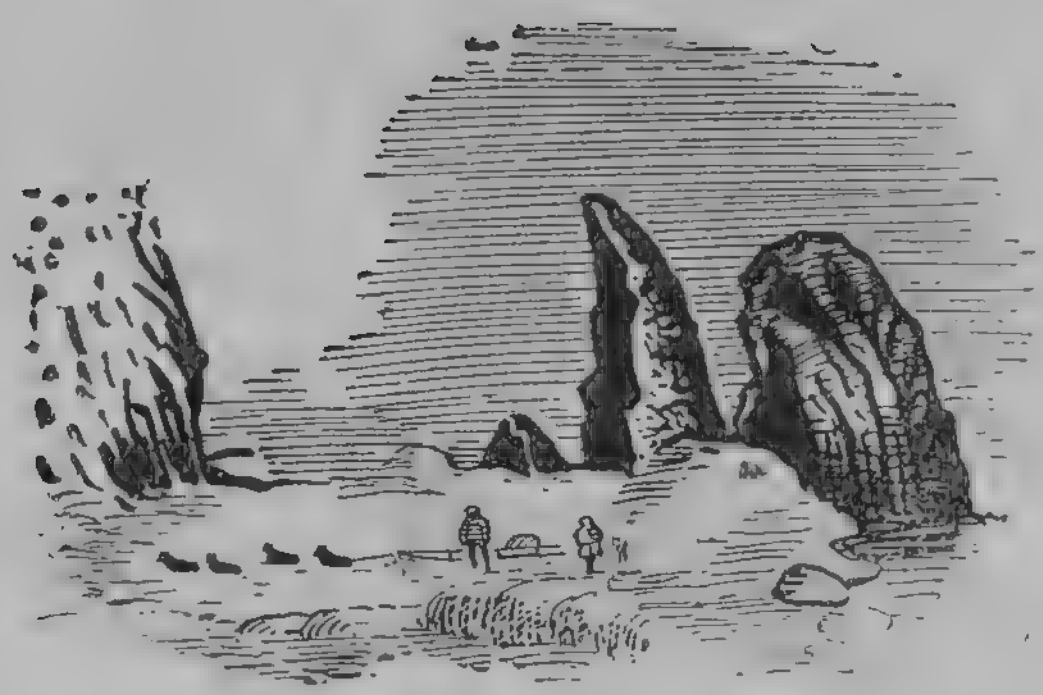
Каюта наша не очень обширна—два с половиной на два с половиной метра. На полке—букет полярных цветов с Новой Земли. С потолка свешивается расписная игрушечная ладья. Это пепельница.

Все привыкли к своим каютам и кажется странным, что на материке люди живут в просторных комнатах, где можно свободно передвигать стулья и столы, открывать окна, где стены всегда вертикальны и неподвижны. Койки у нас сделаны по стандарту и кое-кому приходится спать с согнутыми ногами. Но после станции и бессонных ночей любые неудобства быстро забываются, и койки кажутся удивительно мягкими и вместительными.

Шаги в коридоре. Мимо открытой двери проходит Петя Налидов, бортмеханик, мокрый и красный. Он мылся сейчас в ванной комнате, где из кранов течет пресная (собственно говоря, условно пресная) горячая вода. Она изрядно надоела нам—эта горячая вода. Хочется помыться холодной, освежающей, бодрящей, но трубы проходят около котлов, и вода мгновенно нагревается. Уже четыре часа. Спать осталось немного...

Ровно два месяца назад началось наше плавание. 7 сентября—юбилейная восьмидесятая станция. Отмечены теплые опресненные, очевидно, обь-енисейские воды. Мы на восточной границе мелководья.

Скоро Северная Земля.



ПОЛЯРНИК ГЕОРГИЙ УШАКОВ

На «Садко» каюта начальника расположена рядом с капитанским мостиком. Сюда приходят не только с докладом о результатах проведенной станции, о работе машин или запасах угля и воды.

К Ушакову идет каждый, у кого назрела потребность поделиться своей радостью, горем или просто новостью.

На мягком глубоком кресле, в котором никто никогда не сидит, гора книг и пепельница, набитая окурками.

На стене браунинг и охотничьи ружья, малица, китель с тремя орденами—Трудового Красного Знамени, Ленина, Красной Звезды. Награды за остров Врангеля, Северную Землю и руководство работами по спасению челюскинцев.

Стол и диван завалены прекраснейшими фотоэтюдами. Ушаков хорошо стреляет и отлично фотографирует.

Почти всегда начальника можно видеть ночью бодрствующим. Мы знаем—когда окончится томительная ночная станция, Ушаков придет или на палубу, или в кают-компанию. Правда, иногда подводят книги. Попадись Ушакову не читанный роман Киплинга, Жюль-Верна, Джека Лондона и... увлечется начальник, будет читать всю ночь.

Он не любит спокойной, размеренной, сидячей жизни и не терпит книг, в которых герои умирают от старости. Люди его романов должны скитаться по свету так же, как и он сам.

В 1933 году человек подошел к зданию Центрального комитета партии и предъявил партийный билет. Часовой просмот-

рел листки, где отмечается уплата членских взносов, и наставительно заявил:

— Что же вы, дорогой товарищ!? Два года членских взносов не платили, а еще в ЦК ходите.

— Я с острова Врангеля. Я—Ушаков...

Попытки объясниться ни к чему не привели. Часовой был непреклонен.

— Разве у вас партячейки не было? Не могу я вас пропустить. Идите в бюро пропусков.

В бюро пропусков выяснилось, что человек с просроченным партийным билетом—представитель «народа», населяющего один из самых северных островов нашей страны. Население острова—четыре человека с партийной прослойкой в двадцать пять процентов.

Это был Георгий Алексеевич Ушаков, полярник с подкупающими, внимательными глазами.

В 1924 году, протискиваясь сквозь тяжелые льды, к острову Врангеля подошла советская экспедиция. На берегу она обнаружила следы хищнического хозяйничанья. У небольшой избушки, сложенной из плавника, висели для просушки медвежьи шкуры. Валялись гниющие туши моржей со спиленными клыками. Их убивали, очевидно, только из-за клыков.

Хищников задержали. Среди них оказалось тринадцать эскимосов и один американец. Все они были высажены на остров предприимчивым канадцем Стефансоном. Промышляли с половины: полдобычи себе, полдобычи хозяину. Стефансон заверил эскимосов, что остров принадлежит Канаде. Местным аборигенам это было почти безразлично. Они привыкли видеть в белом человеке, приходящем с Большой земли на их Малую землю купца, грабителя и колонизатора, который попирал их человеческое достоинство, спаивал их и издевался над ними. В белом человеке они видели врага. И не все ли равно, какой флаг поднимает этот человек на своем корабле.

Прошло еще два года. Советское правительство решило организовать на этом богатом пушниной и зверьем острове полярную станцию, которая начала бы освоение природных богатств и научные наблюдения. Начальником острова назначен Ушаков, молодой коммунист, работник дальневосточного Госторга, питомец старой амурской казачьей семьи.

Ушакову предстояло на далеком северном островке завоевать уважение и любовь эскимосов.

Впервые человек с Большой земли пришел в ярангу эскимоса как товарищ и друг. На далеком Севере с того дня зародилась легенда о новых белых людях—большевиках, «которых боятся черти».

Из становища эскимосов бухты Провидения на Чукотке одиннадцать семей согласились переселиться с материка на остров Врангеля.

15 августа 1926 года, высадив зимовщиков и эскимосов на остров, ушел обратно во Владивосток пароход «Ставрополь».

Пока строили дома, жить пришлось в палатках. Новые поселенцы работали плотниками и печниками, столярами и кровельщиками. Навешивали двери, вставляли окна, складывали печи, возводили пакгауз.

Однажды Ушаков заметил, что поверхность ручейка, протекающего вблизи дома, покрылась тоненькой коркой льда. Грозный сигнал. Зимовщики поспешили перенести с берега в пакгауз консервы, сгущенное молоко, чеснок, все наиболее ценные продукты. Ночью ударил мороз и выпал глубокий

ло остал-

Никто из
яков было
без мяса
всю долгую
).

оль берега
а морского
небольшим

стадом моржей. Эскимосы, сбившись в кучу, угрюмо рассматривали море. Ветер ломал льды. Ладью, осмелившуюся вторгнуться в лед, сразу и неминуемо раздавило бы. Мясо все же надо было достать. Ушаков решился на смелое предприятие. Он отозвал в сторону храброго Иерока, эскимоса, лучшего рулевого на Чукотке.

— Иерок, у нас нет мяса.

— Да, умилек,[1] у нас нет мяса.

Разговор эскимоса лаконичен и неторопливо. Позор, если умилек будет говорить более многоречиво.

— Надо ехать.

---

[1] По-эскимосски — начальник.

ОПЕЧАТКА

На странице 172, 5-я строка сверху, вместо: — «Я с острова Врангеля» следует читать: — «Я с Северной Земли».

«Высокие широты».

рел листки, где отмечается уплата членских взносов, и правоучительно заявил:

— Что же вы, дорогой товарищ!? Два года членских взносов не платили, а еще в ЦК ходите.

— Я с острова Врангеля. Я—Ушаков...

Попытки объясниться ни к чему не привели. Часовой был непреклонен.

— Разве у вас партячейки не было? Не могу я вас пропустить. Идите в бюро пропусков.

В бюро пропусков выяснилось, что человек с просроченным партийным билетом—представитель «народа», населяющего один из самых северных островов нашей страны. Население острова—четыре человека с партийной прослойкой в двадцать пять процентов.

Это был Георгий Алексеевич Ушаков, полярник с подкупающими, внимательными глазами.

В 1924 году, протискиваясь сквозь тяжелые льды, к острову Врангеля подошла советская экспедиция. На берегу она обнаружила следы хищнического хозяйничанья. У [illegible] избушки, сложенной из [illegible] вежьи шкур[illegible] ными клыка[illegible] ков.

Хищников [illegible] эскимосов и [illegible] остров преди[illegible] с половины: [illegible] сон заверил[illegible] Местным або[illegible] выкли видеть [illegible] на их Малую [illegible] [illegible] земли [illegible], грабителя и колонизатора, который попирал их человеческое достоинство, спаивал их и издевался над ними. В белом человеке они видели врага. И не все ли равно, какой флаг поднимает этот человек на своем корабле.

Прошло еще два года. Советское правительство решило организовать на этом богатом пушниной и зверьем острове полярную станцию, которая начала бы освоение природных богатств и научные наблюдения. Начальником острова назначен Ушаков, молодой коммунист, работник дальневосточного Госторга, питомец старой амурской казачьей семьи.

Ушакову предстояло на далеком северном островке завоевать уважение и любовь эскимосов.

Впервые человек с Большой земли пришел в ярангу эскимоса как товарищ и друг. На далеком Севере с того дня зародилась легенда о новых белых людях—большевиках, «которых боятся черти».

Из становища эскимосов бухты Провидения на Чукотке одиннадцать семей согласились переселиться с материка на остров Врангеля.

15 августа 1926 года, высадив зимовщиков и эскимосов на остров, ушел обратно во Владивосток пароход «Ставрополь».

Пока строили дома, жить пришлось в палатках. Новые поселенцы работали плотниками и печниками, столярами и кровельщиками. Навешивали двери, вставляли окна, складывали печи, возводили пакгауз.

Однажды Ушаков заметил, что поверхность ручейка, протекающего вблизи дома, покрылась тоненькой коркой льда. Грозный сигнал. Зимовщики поспешили перенести с берега в пакгауз консервы, сгущенное молоко, чеснок, все наиболее ценные продукты. Ночью ударил мороз и выпал глубокий снег. Высокие сугробы выросли на берегу, где лежало остальное снаряжение станции.

Пришла зима, первая зима полярника Ушакова. Никто из шестидесяти поселенцев не знал острова. Охотников было мало—человек десять. Эскимосы не могли жить без мяса и жира. Сотня собак тоже требовала пищи. На всю долгую полярную зиму надо было заготовить моржовое мясо.

Северо-восточный ветер густой массой гнал вдоль берега лед, когда зимовщики организовали первую охоту на морского зверя. В миле от берега Ушаков заметил льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы, сбившись в кучу, угрюмо рассматривали море. Ветер ломал льды. Ладью, осмелившуюся вторгнуться в лед, сразу и неминуемо раздавило бы. Мясо все же надо было достать. Ушаков решился на смелое предприятие. Он отозвал в сторону храброго Иерока, эскимоса, лучшего рулевого на Чукотке.

— Иерок, у нас нет мяса.

— Да, умилек,[1] у нас нет мяса.

Разговор эскимоса лаконичен и неторопливо. Позор, если умилек будет говорить более многоречиво.

— Надо ехать.

---

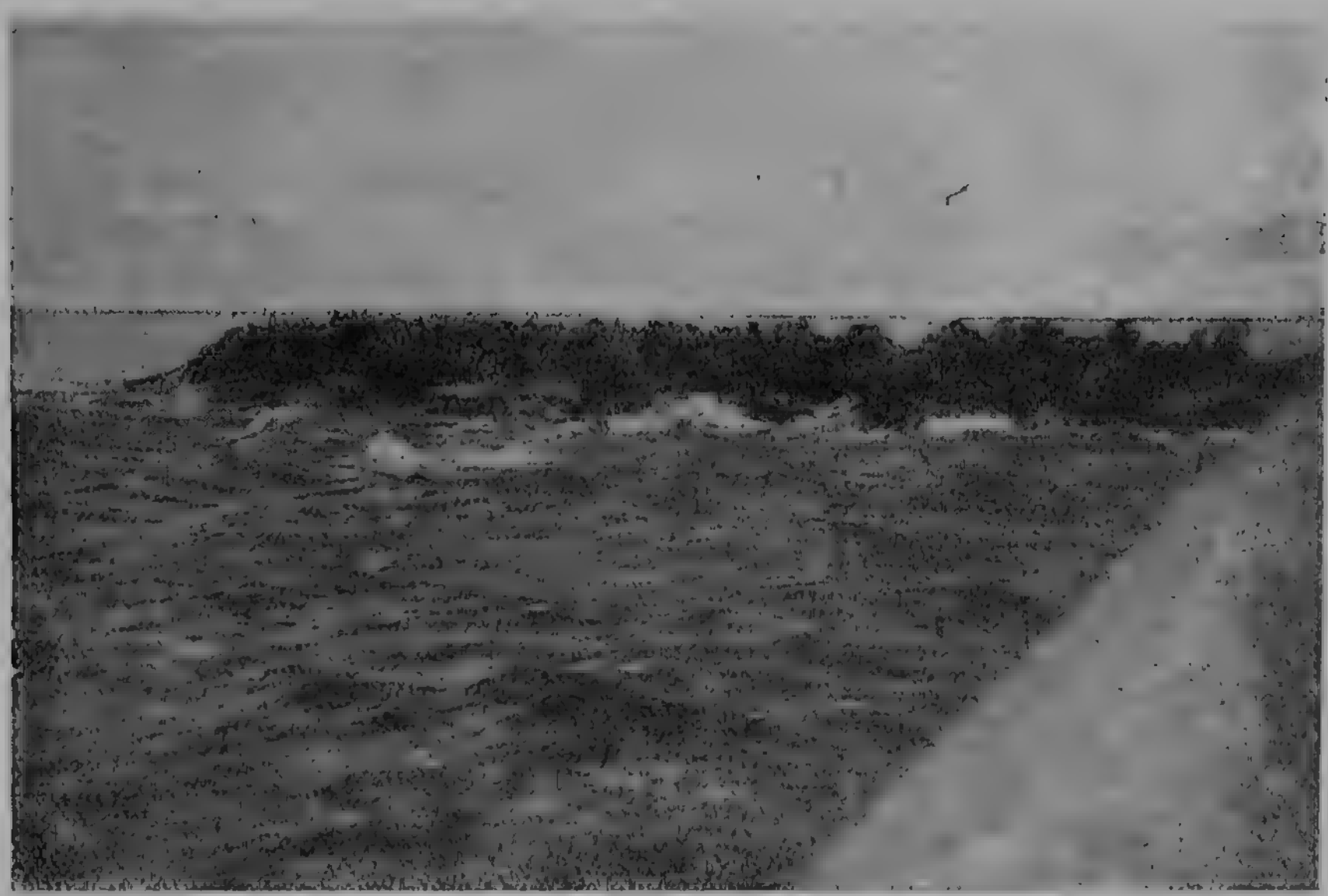
[1] По-эскимосски — начальник.

— Да, надо ехать.
— Почему же никто не едет?
— Они боятся. Видишь—лед.
— Но без мяса зимой еще страшней?
— Да, умилек, без мяса зимой страшней.
— А ты поедешь?
— С тобой поеду.
— А они?
— Скажем «надо»,—поедут.

Когда Ушаков, Иерок и молодой охотник Таян, захватив ружья, направились к своему старенькому дырявому вельботу, к ним присоединилось еще пять человек. Иерок сел на руль. Подхваченный попутным ветром, ботик помчался среди грохочущих льдов. Приходилось надрывно кричать, чтобы сосед расслышал слова. Льдины то и дело сталкивались друг с другом и разлетались на куски. Позади вельбота внезапно перевернулся огромный ледяной гриб. На месте его падения завертелась бурлящая воронка. Потом из воды вырос высокий ледяной столб. Он постоял всего несколько мгновений и с треском упал на бок, обдав охотников водопадом брызг.

Моржи лежали у кромки льда. Сразу за льдом неистовствовали волны. Сумасшедший вихрь захватывал льды и заставлял их отплясывать вакхический канкан. Иерок прирос к рулю. Им овладело вдохновенье. Без рукавиц, без шапки, с развевающимися волосами он походил на морского пирата. Руль слушался малейшего движения его руки. Вельбот пролезал в непостижимые щели, прочерчивая бортами свежие ссадины на теле льдин. Осторожно, почти вплотную, охотники подбирались к моржам. Залп. Нужно быть отличным стрелком, чтобы с одного выстрела уложить огромное животное, попасть в узкое отверстие—единственное уязвимое место на бронированном лбу моржа. Один неудачный выстрел—и охота пропала. Стадо стремительно ринется в воду. Даже будучи раненым, морж не дастся в руки охотников. Его унесут товарищи, поддерживая на воде. Часть из них может броситься в контратаку, орудуя своими страшными клыками-таранами.

На этот раз после залпа на льдине осталось два огромных самца. Свежевать их не было времени. Обратный путь к острову закрывали льды. Охотники пришвартовали добычу к бортам вельбота и двинулись назад. Время от времени удавалось раздвинуть две соседних льдины и приблизиться на несколько десятков метров к берегу. Когда вельбот попадал в тиски между двумя льдинами, все с замиранием сердца ждали, что вот-вот он треснет, как орех. Спасали туши, привязанные к бортам.



Залежка моржей, заснятая с самолета.

Они действовали как буфера. Прошло несколько часов, пока охотники, вконец измученные, ступили на берег. Две моржовые туши чуть было не стоили жизни восьми человек. Но недостаток мяса зимой мог повести к еще бо́льшим жертвам.

Основной поселок колонии расположился в бухте Роджерса. Пять голых холмов. С моря только в подзорную трубу можно разглядеть на берегу одинокий домик, пакгауз и несколько эскимосских яранг.

В четырех комнатах, обставленных мебелью, привезенной с материка, жил Ушаков с женой, врач А. С. Савенко с женой, кладовщик Павлов с женой и двумя детьми. Каюта Ушакова (на зимовках закрепляются морские названия) была завалена книгами, коллекциями и многочисленными охотничьими трофеями. В углу плита, сооружение которой стоило Ушакову немало сил. Крошечное зеленое растение, вывезенное из Японии, благополучно прожило на острове вместе с Ушаковым три года.

В первую зиму в бухте Роджерса удалось убить двадцать моржей. Лучшей охоты здесь не предвиделось. Поэтому

Ушаков расселил эскимосские семейства по всему острову, в частности по северному побережью, где моржей было гораздо больше.

В октябре молодой лед сковал море у берегов. Ушаков, Иерок и группа эскимосов, обследуя северную часть острова, неосторожно вышли на этот молодой лед. Потом они установили: здесь проходило сильное течение, подтачивавшее снизу льды. Лед провалился.

Эскимосы в таких случаях обычно втыкают в лед ножи и держатся на них, пока товарищ набросит ремень и вытянет из воды, как на лассо. Так поступили и на этот раз. Тянули друг друга, проваливались и снова тянули. Размочалили весь лед. Спасла маленькая старая льдинка, вросшая в молодь. С огромными трудностями удалось на нее вылезть.

Семьдесят километров ехали обратно до станции. Смерзлись в комок измокшие малицы. Ледовый панцырь при каждом движении резал тело, рвал кожу.

Вскоре после ледяной ванны захворал Иерок. Ушаков тоже заболел воспалением почек. После двухмесячной борьбы со смертью он пришел в сознание.

— Что у эскимосов?—спросил Ушаков.

Товарищи долго мялись. Не хотели отвечать, потом признались.

— Нет мяса. Собак кормят вареным рисом, собаки дохнут. У людей начинается цынга. Эскимосы боятся ездить на север для охоты. На севере, говорят они, живет чорт.

— Почему?

— Иерок поехал—заболел. Начальник поехал—заболел. Иерок умер, ты болен.

Суровая северная природа владычествовала над ребячьим умом эскимосов.

Грозные опасности, подстерегавшие на каждом шагу, казались им делом рук добрых и злых духов.

На северном побережье воображение эскимосов поселило злого и хитрого духа Тугнагака, который, якобы, пришел на остров после их приезда сюда. Чорт крепко засел в сознании эскимосов. Борьбу с ним эскимосы поэтому считали безнадежным делом.

Надо было спасать зимовку от голода. Что делать? С нетерпением ждал Георгий Алексеевич, когда к нему хоть немного вернутся силы. Ему удалось пойти на похороны Иерока.

— Со мной поедете?—спросил Ушаков у эскимосов.

— Да.

«Каюта» Ушакова на острове Врангеля.

— Почему?

— Ты большевик. Тебя чорт боится.

Ушаков ходил пошатываясь. Кое-как он натянул кухлянку, приготовился к охоте. Но охотники вдруг заявили:

— Не поедем.

— Почему?

— Ты шатаешься. Тебя чорт не будет бояться.

Надо было во что бы то ни стало восстановить свой авторитет. Ушаков решил ехать один. В случае чего, к нему доберутся по следам нарт. Он знал силу суеверия, но все же надеялся, что охотники поедут за ним. Он ехал и оглядывался. Но снежная пустыня молчала. Кроме Ушакова, в ней никого не было. К счастью, в пути встретился прекрасный золотистый медведь. Ушаков уложил его с первого выстрела. Начал снимать шкуру, согнулся, а разогнуться не смог. Еле дополз, привязался к нартам. Собаки привезли его на станцию в обмороке.

Но медведь сделал свое дело. По следу нарт его отыскали эскимосы. Уже на следующий день на охоту уехало трое. Затем

отправились остальные. Перелом был создан, и сезон не был упущен. А Ушаков еще три недели провалялся в постели.

Так исподволь завоевал Ушаков доверие и уважение маленького северного народа.

23 ноября показался лишь верхний край солнечного диска. Небо горело, а поверхность воды напоминала вороненую сталь. Снег переливался розовыми, оранжевыми, синими и фиолетовыми цветами. Вскоре солнце исчезло. Поблекли краски, ландшафт посерел, словно осыпанный пеплом.

Началась первая полярная ночь. Морозы доходили до 60°. Жесткие беспрерывные метели буйствовали над островом.

Уменьшились запасы мяса. Надо было наряду с промыслом песца вести активную охоту. Ежедневно выходили из поселка упряжки. Застигнутые пургой, охотники отлеживались под партами или заезжали в ближайшие яранги. Нередко у промышленника сползала кожа на носу и на скулах. Северный ветер и тридцати—тридцатипятиградусный мороз не шутят.

Первая зима многому научила. На вторую и третью зимы полярники заготовили запасы мяса заранее. Забота о продовольствии отошла на второй план, и все свободное время зимовщики отдавали научным работам, исследованиям и картографированию острова, сбору коллекций горных пород, растений, животных. Эскимосы деятельно помогали в этой работе людям с Большой земли. Двадцать восемь дней в жесточайшие морозы производилась маршрутная съемка острова. Старые расплывчатые границы, прочерченные лишь пунктиром, сменились четкими линиями берегов, бухт и мысов. Гористый, суровый остров, затерявшийся на востоке северных морей на рубеже Ледовитого океана, навсегда потерял славу неприступного белого пятна. Наука получила неоспоримые доказательства былой общности острова и материка. Только в четвертичном периоде море затопило перешеек, соединяющий остров с Европой, и образовало пролив Лонга.

Тридцать шесть месяцев жил на острове Ушаков со своими товарищами, жил бок о бок с эскимосами, сталкиваясь каждый день с ними в быту, на работе и охоте. Ушаков увидел, насколько ошибочно мнение об эскимосах как о глупцах и лежебоках. Они внимательно присматривались к работам зимовщиков и необычайно быстро осваивали технические навыки и грамоту. Вечером в кают-компании заводили патефон. Эскимосы

Завтрак в походе.

слушали музыку. И часто уже на другой день они распевали мелодии, слышанные ими только раз.

Эскимосы предпочитали селиться в своих ярангах. Но теплые избы, устроенные русскими из плавника, очень понравились. Месяца через два в становищах рядом с ярангами появились сложенные из плавника избушки.

Однообразие одежды и обуви делало на первый взгляд одноликими всех этих темноволосых, темноглазых, широкоскулых людей. Но пожив с ними немного, уже трудно было смешать их лица, многие из которых характерны правильными чертами. Они носили меховую одежду, в которую старались вшить куски белого меха. Девушки расшивали свои камлейки разноцветными полосками материи. Все, что попадается яркого—блестящая пуговица или бисер—неизменно вплетается в костюм эскимоски.

Эскимосы вспыльчивы, но они в то же время добродушны и незлобивы. В их словаре почти нет ругательных слов. Самое сильное ругательство, которое эскимос произносит очень редко, это:

— Ты не умеешь жить.

Они правдивы и преданны, их слову можно верить. Обманщикам они дают краткое вразумительное прозвище — «враль».

Но гнет суеверий и родовых обычаев не оставлял этих простых и смелых людей. Ушаков и его товарищи были свидетелями многих пережитков, которые цепко держались в наивном сознании эскимосов.

Перед погребением Нерока его облачили в обычный рабочий костюм. Высокие торбасы из оленьей кожи натянули на ноги. Надели шапку, рукавицы. Покойника положили на оленью шкуру и покрыли одеялом. Сверх одеяла вдоль тела положили деревянный брус. Завернув концы постели и одеяла, тело вместе с бруском перевязали тонким ремнем из нерпичьей шкуры. Началась прощальная трапеза. Блюда с мясом ставили на покойника. Кончив еду, пили чай. Объедки собрали в блюдо и только после этого, ухватившись за концы ремня, вынесли покойника ногами вперед из яранги и опустили на снег. Начался «разговор» с покойником. Два ближайших его друга-Етуи и Кмо—задавали вопросы:

— Отчего ты умер?.. Не шаман ли принес тебе смерть?

Взявшись за концы шестов, Етуи и Кмо делали вид, что тело приподнять невозможно. Это—отрицательный ответ. Если тело покойника легко поднималось, это значило «да».

— Ты один пойдешь?

Да.

— А после тебя никто не умрет?

— Нет.

— Будет ли у нас мясо?

— Да.

— Закопать тебя в землю?

— Нет.

— Разве ты собираешься куда-нибудь уйти?

— Да.

— Ты наверно пойдешь на ту землю, где похоронена твоя жена?

— Да.

Допрос кончен. В нарты впрягли собак, и траурная процессия ушла в гору. Женщины остались внизу. На остановках провожающие обходили вокруг нарт, терлись о труп боком, плечом: передавали покойнику все свои недуги.

В узкой неглубокой снежной яме Нерок нашел свое последнее пристанище. Все, что было одето на покойника, сняли и разорвали на куски. Сломали нарты, доски, полозья, разрезали ремни. Кучу обломков придавили камнями. «Если оставить все целым, Нерок скоро вернется обратно и уведет

с собой еще кого-нибудь. А сейчас, пока он все исправит, забудет дорогу и не придет», поясняли Ушакову старики.

У головы покойника выложили круг из камней. Его заполнили вещами Нерока, тщательно изломанными и приведенными в негодность. Обломки ножа, точильного бруска, чайник, черепки чашки и трубки, кисет с табаком, спички легли вниз. Наверх положили сухари, сахар, кусок кирпичного чая и жевательный табак—весь несложный провиант охотника.

Покойнику надо было отрезать путь в поселок. И, возвращаясь обратно, эскимосы «путали дорогу». Отойдя немного, они повернули назад и сделали петлю, как бы завязывая узел, затем завязали второй узел, третий, пятый. У самого поселка процессия вышла на лед. На берегу разожгли костер, каждый, покувыркавшись на гладкой ледяной поверхности, старательно тряс и выбивал свою одежду над костром. Все, что пристало к ним от покойника, должно было исчезнуть в огне костра.

Много подобных суеверий уживалось тогда в младенческом сознании эскимоса. Недаром в первые годы жизни на острове так велика была сила шамана, искренно и откровенно ненавидевшего белых пришельцев. Это он учил поклоняться сонму злых и добрых божеств, которые якобы жили на острове в виде зверей и птиц.

Злое божество надо умилостивить. Его надо задобрить, подкормить. Уходя на охоту, эскимос не забывал разбросать по пути крошки табака, чая, сахара, а после удачной охоты он выбрасывал на снег небольшие куски мяса.

Поселившись во время одной из экспедиций в яранге, поверх которой была разбита большая палатка, Ушаков утром обнаружил отсутствие одного из проводников. Осторожно отдернув полог палатки, он увидел у самого выхода согнувшегося человека, который с кем-то беседовал. Перед ним стояло блюдце с печеньем, колбасой, сахаром, конфетами, чаем, табаком, за день до этого подаренными ему Ушаковым. Второй проводник перевел разговор своего товарища.

— Серт,[1] ты слышишь меня, серт,—говорил он.—Мне все это дал начальник. Ты ведь не ел таких лакомств. Но я тебе дам и буду всегда давать. А ты меня тоже не обижай, серт, слышишь. Ты пошли мне зверя и нерпу, я много тебе дам таких лакомств, как мне дал начальник...

С севера дул злой ветер, с севера приходили холод и пурга. Следовательно, там живет злой дух—«серт»—верили эскимосы.

---

[1] Серт—чорт.

— Душа человека живет в белом медведе,—говорил шаман.

Когда убитого зверя привозили в ярангу, ему воздавали почести, перед ним расстилали оленьи шкуры, раскладывали чай, сахар, табак, хлеб. У головы Мишки садились охотники. Они били в бубен, рассказывали сказки, чтобы занять душу медведя. Все становище приходило на праздник, который тянулся пять дней, несмотря на то, что охота была в разгаре.

Убитому моржу отрезали голову. Укладывали ее на разостланной шкуре перед ярангой, носом к входу: тогда зверь не убежит от человека. А для того чтобы он не учуял неприятного ему человеческого запаха и не сердился, меж ноздрей его разрезали кожу.

Среди эскимосов лучшими охотниками считались пожилой курчавый Паля, Таян и Аньялин. Когда-то, еще на материке, Паля вместе со своим отцом ушел на моржовую охоту. Нагрянул шторм, и охотников унесло в море. Тогда отец Пали, шаман, помолившись богам, объявил, что боги ждут его смерти и Паля должен застрелить его. Паля не смел ослушаться, хотя любил отца. Он застрелил старика. Буря скоро утихла, а льдину с Палей и трупом отца прибило к берегу.

Спустя несколько лет зимовщики попросили Палю убить редкую на острове птицу — большую белоклювую гагару. Паля смутился:

— Начальник, я не могу ее убить. Если я ее убью, мне будет плохо.

Оказывается, гагара — тотем[1] семьи, к которой принадлежит Паля...

Много пришлось белым людям воевать с суевериями. Медленно отмирали нелепые верования, обожествление природы, зверей. Отмирали по мере того, как разрастался охотничий промысел, а деньги и товары, полученные за сданную шкуру, приносили в ярангу достаток и славу о «больших охотниках». Неравнодушные к славе эскимосы забывали дедовские обычаи и все реже и реже выполняли наказы шамана, которые задерживали охоту.

Проходили зимы.

Морозы доходили до 60°. На остров обрушивались бешеные метели и ветры; люди, выходя из домов, привязывались ремнями друг к другу. Натянув косматые меховые сапоги,

---

[1] Тотем — название животного или явления природы, обожествляемого по древней родовой религии эскимосами и другими народами Севера.

Шкура полярного медведя.

перебросив через голову широкую малицу с капюшоном, они не шли, а почти ползли, низко пригнувшись к земле. Кожа покрывалась ледяной маской. Крупинки льда и снега кололи незащищенное лицо. Но едва лишь вьюга утихала, эскимосы выезжали на промысел. Не отставал от них и Ушаков.

Однажды в середине марта Георгий Алексеевич отправился с группой эскимосов на северную сторону острова. Было ясное утро. Дул легкий юго-восточный ветерок. Отъехав километров десять, он почувствовал, что ветер перешел на восточный, затем начался встречный норд. Даль затуманилась. Под ногами закурился снег. Навстречу потекли узкие снежные ручейки. Они росли на глазах, и над ними, словно пар, все выше и выше поднималась мельчайшая снежная пыль. Начиналась метель. Собаки уже склонны были остановиться. Ветер

крепчал с каждой минутой. И вдруг почти остановившаяся нарта Ушакова внезапно повернула куда-то и понеслась с быстротой курьерского поезда. Вихрь снежной пыли забивал глаза. Собаки растаяли в белой пелене.

«Должно быть медведя учуяли. Понесли», — мелькнула мысль.

Ушаков потянулся к винчестеру. Надо было прекратить эту бешеную скачку. Он напряг все свои силы и навалился на тормоз. И тут произошло невероятное. Тормоз подался вперед без всяких усилий, без отдачи. Ушаков сорвал с лица снежную маску и... замер от удивления. Полузанесенная снегом нарта прочно, как вкопанная, стояла на месте. Вокруг лежали, свернувшись клубочком, собаки. Они были почти занесены снегом, а седок переживал полнейшую иллюзию бешеной езды. Ушаков весело посмеялся над проделкой своих четвероногих друзей и пошел к двум другим возницам. Оба эскимоса пребывали в том же неведении, в каком находился несколько минут назад их начальник. Сани стояли на месте, собаки улеглись в снег, но возницы безумно мчались куда-то, подпрыгивали на месте, громко понукая собак криком «эк-эк», уверенные, что нарты вихрем несут их вперед.

Дальше двигаться было нельзя. Собаки вышли из повиновения, не слушались команды, бросались из стороны в сторону. Надо возвращаться. Путники пошли сквозь дикую пургу. А над ними вверху стояло яркое солнце и нежноголубое небо. Ни одной тучки не видно было. Лишь на высоте десяти метров от земли завывал ветер и бешено кружился снег. Через полтора часа путники подъехали к колонии. Ясное небо, еле заметный северо-западный ветерок и... никакой метели.

Ушакову приходилось привыкать к капризному и суровому климату. Он знал — эскимосы больше всего ценят в человеке силу, выносливость, находчивость. Величайшим презрением окружают они не только лгунов, но и лентяев. И начальник сам запрягал собак, погонял их в пути, сам ездил на охоту, на промысел. За три года на острове Врангеля было убито пятьсот песцов, триста медведей, собрано две с половиной тонны моржовых клыков. В этой добыче не мала «личная» доля Г. А. Ушакова.

— Он все делает, как эскимос, лучше самих эскимосов, — говорили охотники, и это было лучшей похвалой.

В 1927 году Ушакову пришлось стать на время военным начальником маленького народа. К острову подошла американская шхуна. Крейсируя вблизи колонии, корабль не выполнял обычных правил, игнорировал хозяев острова. Тогда Ушаков вооружил зимовщиков. Он готов был встретить огнем любого

нарушителя неприкосновенных границ советской страны. Вскоре иностранец скрылся.

Прошло три года, и эскимосы поняли, какие люди пришли к ним с Большой земли. Они полюбили большевиков. Приехав на остров полунищими и оборванными, без теплых шкур, со старыми проржавевшими ружьями, удачливые охотники крепко стали на ноги. Эскимосы сдавали фактории шкуры убитых песцов, медведей, моржовые клыки и бивни мамонта, которых немало было в низменных песчаных районах острова, и взамен получали меха и постели, брезент для палаток, одежду, ружья, огнестрельные припасы и пищевые продукты. За время зимовки Ушакова умерли только старик Нерок и несколько новорожденных. Большинство детей выжило.

Белый человек—большевик—стал другом и учителем трудолюбивого северного народа. Об этом лучше всего говорит радиограмма охотников-эскимосов острова Врангеля, опубликованная в середине 1936 года в «Правде». Спустя семь лет после отъезда с острова Ушакова охотники-эскимосы писали:

«Десять раз зимой пряталось солнце, и было десять больших ночей. Десять раз солнце летом долго оставалось на небе, и было десять больших дней. Десять раз приходили летом моржи и прилетали птицы. Столько мы живем на острове Врангеля.

Иногда мы смотрим назад, чтобы увидеть нашу старую жизнь на Чукотке. Всем нам было тяжело оставлять землю наших отцов и ехать на неизвестный остров, куда нас звал умилек Ушаков. С каждым из нас долго говорил Ушаков. Мы ему поверили. Поехали. Он нам сказал правду. Мы нашли хорошую жизнь.

Когда мы смотрим назад, мы видим, как с умилеком Ушаковым, потом с умилеком Минеевым мы учились узнавать дороги, места, где живет зверь, учились добывать зверя, которого не встречали на нашей земле. Еще, когда смотрим назад, видим, как один раз мы с Ушаковым шли пешком через остров. Началась пурга, потом сильный туман. Мы шли очень долго, устали, думали—умрем. Тогда Ушаков нашел у себя в сумке и делил с нами маленькие кусочки мяса и хлеба, и мы остались живы. Тогда мы узнали, что советские люди не боятся опасности. И мы узнали, как большевик относится к эскимосу.

Теперь мы знаем остров как свою ярангу. И горные перевалы знаем, и реки, и ущелья. Мы хорошо научились охо-

титься на морского и пушного зверя. Таяна убил много медведей, и Ниоко добыл много песцов. Мы все хотим быть, как Таяна и Ниоко. Мы их все равно догоним.

Раньше, до советской власти, в наших головах было темно, как в большую ночь зимой, когда нет солнца. Нас не учили и школ нам не давали. Теперь мы грамотные. Сейчас есть школа—учатся восемь детей и семь взрослых. Мы читаем книжки на нашем, эскимосском, языке. Пять человек изучили мотор, они пойдут на моржовую охоту на катерах. Еще хорошо, что организовали женскую пошивочную артель, которая шьет одежду нам и зимовщикам.

Мы все видим, что стали другими. Лучше охотимся, лучше живем. Мы теперь ходим в баню, лечимся только у врача, чисто моем посуду, умеем печь хлеб. Нам понравилось носить нижнее белье, и мы его стираем. У нас есть европейское платье, и, когда не холодно, мы его носим. Оно чистое и удобное. У нас есть тридцать семь свиней, а фактория дает нам разные продукты и товары.

1 мая мы много танцовали наши северные танцы. Мы немножко учим танцовать по-нашему и зимовщиков с полярной станции. А они учат трех наших эскимосов на радистов и метеорологов.

Мы, эскимосы, всегда говорим правду, и нам нравится рассказывать о нашей жизни. Мы думаем, нас услышат хорошие люди на Большой земле и поймут нас. Мы уже не инородцы, как называли нас до революции. Теперь мы граждане, как все, кто живет и хорошо работает на советской земле.

В наших головах теперь светло. Только прошлую зимовку нам было худо, потому что был плохой, худой Семенчук—чужой и злой человек.[1] А советская власть—это как Ушаков, Петров, Казанский и Минеев, с которым мы жили пять зим. Он нам помогал, мы помогали ему. Летом он нам прислал карточки, книги и конфеты нашим детям.

Нам Казанский и Петров читали и потом мы сами читали телеграмму о том, что в финляндских газетах пишут, будто у нас на острове восстание против советской власти. Мы искали на карте Финляндию, и нам было очень смешно. Мы, эскимосы, всегда смеемся над людьми, которые врут, и не

---

[1] Семенчук, бывший в 1934/35 году начальником зимовки. Назначенный туда во время отсутствия в Москве О. Ю. Шмидта и Г. А. Ушакова, оказался авантюристом и бандитом, пытавшимся развалить зимовку и воскресить на острове старые колонизаторские нравы. Семенчук был вывезен с острова на самолете и по приговору Верховного суда СССР расстрелян.

любим врунов. Они, как собаки, которые много попустому лают. Наверно, это врут такие же купцы, как те, которые нас грабили до советской власти.

Советская власть ведет нас к радости и к хорошему. Хорошими были люди, которых посылала нам советская власть. Они были товарищами и друзьями нашими. У них мы научились любить свободную жизнь, труд и беречь народную советскую власть, а дураки-купцы не понимают этого. И кто будет драться с советской властью, мы с тем тоже будем драться. А стрелять мы умеем так, что тюленю в глаз попадаем.

Мы все решаем остаться на острове; он теперь наш родной, советский остров.

Самая старая из нас—Инкали—сегодня сказала: «Жалею, что старая». Это потому, что промысел хороший, много друзей и много радости. Мы шлем рабочим привет и спасибо за помощь и советы.

Пусть долго живет наш самый большой и родной умилек отец Сталин. Мы его любим больше всех на земле.

Охотники-эскимосы: *Таяна, Нноко, Кмо, Кивьяна, Паля, Аналько, Накимак, Папукали, Анакак, Попов, Инкали, Таслекак, Паипа, Наканек, Наканак, Ахуна, Нанка. Наби, Панаук, Таян и наши семьи*».

Вечером 28 августа 1929 года, расталкивая льды, к острову подошел ледорез «Литке». Он привез смену—Минеева, Власову и новых зимовщиков. Ушаков со своими товарищами уехал. Они были грустны и опечалены не меньше чем их друзья—эскимосы.

В дороге, узнав о готовящейся экспедиции на Северную Землю, Ушаков послал в Москву телеграмму. Мятежный полярник не мог устоять против нового соблазна. Он просил включить его в состав первой североземельской зимовки...

...Весной 1930 года в Москве заседала правительственная арктическая комиссия. На столе лежала карта далеких северных островов Северной Земли. Но что это была за карта? Только с востока острова были намечены прерывистым робким пунктиром. Пунктир начинался как раз против мыса Челюскина, хищный клык которого выдавался на севере азиатского материка. Когда-то экспедиция Вилькицкого на кораблях «Вайгач» и «Таймыр» (это было в годы империалистической войны), наткнувшись случайно на эти острова, пыталась обойти их. «Таймыр» долго шел на север, все время боясь потерять землю,

лежавшую в тумане. Он шел упорно, настойчиво до 81° северной широты и не смог найти точки, где земля поворачивает к югу. Корабль вернулся, а на карте появилась извилистая линия пунктира.

— Надо ткнуться в западные берега Северной Земли и посмотреть, что это за острова.

— А почему, если можно ткнуться, нельзя высадиться? спросил Ушаков.

— Высадиться? Что вы, Георгий Алексеевич. Это вам не Врангель.

Как выяснилось, для снаряжения экспедиций на Северную Землю требовали до двух с половиной миллионов рублей. Ушаков предложил: дать ему шестьдесят тысяч рублей и трех сотрудников для полной географической и геологической описи Северной Земли.

На него смотрели как на сумасшедшего. Некоторые сочли его предложение авантюрой, и только личная поддержка О. Ю. Шмидта спасла смелую идею.

Ушаков вспоминает один из разговоров в правлении Госторга в дни подготовки этой необыкновенной экспедиции.

— Я полярник Ушаков. Хотел бы получить у вас товаров в кредит, примерно, тысяч на десять - пятнадцать.

— Чем платить будете?

— Пушниной с Северной Земли.

— Она там есть?

— Должна быть... хотя не знаю, ведь там никто не бывал.

Госторговцы удивленно качали головами, но через несколько дней Ушаков получил отношение в архангельскую контору о выдаче ему в кредит товаров на пятнадцать тысяч рублей.

На Северную Землю уехало, кроме Ушакова, трое: геолог, промышленник, одиннадцать лет зимовавший на Новой Земле, не выезжавший по два-три года с зимовок, прекрасный проводник в любых условиях Севера, Сергей Журавлев, и молодой девятнадцатилетний радист, впервые отправлявшийся в Арктику, Вася Ходов.

Мы спрашивали Ушакова:

— Почему вы, Георгий Алексеевич, взяли именно Ходова? Ведь вы не знали еще тогда, что он будет одним из лучших радистов Севера, что он впоследствии построит радиоцентр Диксона, что он станет тем самым Ходовым, которого сейчас знает и любит вся Арктика.

— По интуиции решил. Как-то сразу почувствовал, что он сроднится, сживется с Арктикой и закрепит себя за ней на всю жизнь...

Зимовка на острове Домашнем (Северная Земля).

Сорок собак. Продовольствия на три года. Домик рубленый, размером с обыкновенную кают-компанию. Моторный ботик с подвесным мотором. Оружие. Простейшие инструменты. Вот и все снаряжение, с которым ехали четверо смелых северо-земельцев.

Никто не знал, где кончается на севере и на западе эта земля. Не знали, сколько времени потребуется для ее обследования. Тянется ли она массивами или островами.

По приказу правительственной комиссии Ушаков с товарищами уезжал на два года.

На крайний случай рассчитывали вернуться на материк кочевым образом, пробираясь с острова на остров, по льду и берегу (до острова Диксона тысяча пятьсот километров).

Доставил их «Седов». Отто Юльевич Шмидт, правительственный комиссар, ехал вместе с ними. У Северной Земли их встретила кромка непроходимых льдов. Попытались пройти

на север. Наткнулись на острова. Первый из островков, низкий, пологий и угрюмый, они окрестили Домашним. Здесь было решено построить дом первых людей на Северной Земле.

Шесть дней продолжалась выгрузка. Пока команда «Седова» сгружала в шлюпки и баркасы ящики с консервами, мешки с мукой, крупой, сахаром, патронами, на берегу научные работники под руководством плотника экспедиции строили дом для зимовки. Под ударами ломов и заступов мелкими брызгами разлеталась смерзшаяся земля. Архангельский печник Аркадий Коновин выкладывал печь. Вырастал свежий, пахнущий смолой, бревенчатый домик. А рядом под сенью искусственной пальмы стояли два холмогорских быка, привязанные к поленнице дров.

Страна молчания впервые заговорила 31 августа 1930 года. Ушаков сообщил в «Известия»:

> «Флаг, реющий над Кремлем, взвился на Северной Земле, до сих пор остававшейся белым пятном на географических картах. Горжусь доверием советского правительства и трудящихся СССР, обещаю быть вместе с товарищами достойными этого доверия. Сквозь льды, снега, туманы и полярные метели будем продвигать наш флаг все дальше и дальше к северу.
>
> *Георгий Ушаков*».

Через несколько дней раздался прощальный гудок. Четверо сошли в шлюпку. «Седов» начал отступать в туман.

— Итак, остаемся на два года.

На душе североземельцев было неспокойно. Сергей Журавлев без надобности громко разговаривал и передвигал в ботике разные предметы. Вася Ходов с деланной беззаботностью свистел.

Развлекли нерпы. Они то и дело высовывали свои маленькие зализанные головки среди льда, и люди открыли стрельбу. Вместе с выстрелами пришла душевная разрядка. Шлюпка подошла к Домашнему. Через две-три минуты далеко в тумане скрылся «Седов».

Началась первая североземельская зимовка.

Острова были запушены плотным, высоким (до колен) снегом. Иногда пробегали зловещие струйки поземки. Полярники знали: скоро придут метели, зима не за горами. Надо поскорей привести базу в порядок. Вооружившись рубанком, зимовщики строгали доски для коек. Ушаков укладывал линолеум. Ходов устраивал радиорубку. На ужин — по банке консервов и чашке чая. Спали на полу.

Потом конопатили щели, обивали войлоком и фанерой стены. Начали заготовку корма для собак: били нерп и морских зайцев. Опробовали моторы. В работе незаметно прошел месяц.

Жили домоседами. Что поделаешь—в гости ходить не к кому. Правда, иногда, отрываясь от молотка, кто-нибудь из полярников выглядывал в окно, стремительно хватал карабин и выскакивал за дверь. Выстрел—и у дома лежал убитый медведь. Мишки наведывались очень часто и долго не могли привыкнуть к тому, что на острове появились двуногие пришельцы.

Однажды ночью разбудил Ходов.

— Хотите послушать? Поймал, наконец, ленинградскую широковещательную.

Из наушников слышен шум, треск. Трудно уловить слова:

— Новую Землю... Семидесятый градус... на север... Открыли остров... курс на восток... открыли острова... видели берега Северной.

Оборудовали небольшой ветродвигатель. Выкопали яму и на глубине семидесяти сантиметров уперлись в скалу. Забили железные колья для оттяжек. Вместо кувалды прикрепили на деревянной ручке небольшую наковальню. Покалечили руки, заколачивая в древнюю скалу железные пики.

22 сентября в своем дневнике Ушаков писал:

> «Ходов не спал всю ночь—будоражил эфир и наконец добился того, что его услышал какой-то радист-любитель в Кологриве. Где это Кологрив? Никто из нас не знает. Ветряк из-за свежей погоды лежит неподнятым. Окончательно установил психрометрические будки и приборы. Начал регулярные наблюдения. Вечером Ходов снова засел в радиобудке и скоро получил ответ. Отозвался опять тот же Кологрив. Узнали, что он находится в Московской области, стали искать на карте, не нашли. В Кологриве очевидно ищут на карте нас—остров Домашний. Они-то наверняка не найдут».

На востоке за островами в ясную погоду иногда виден был сияющий ледяной щит. Это была та самая Северная Земля, к которой так долго и безуспешно стремились люди.

1 октября 1930 года вышла в поход первая экспедиция. На зимовке остался Вася Ходов.

Милях в пяти от зимовки началась снежная вьюга. Встречный северо-восточный ветер нес мельчайшую пыль сплошной, казалось, непроходимой пеленой. Трудно дышать. Через каж-

дые десять—пятнадцать минут—вынужденные остановки. У собак на мордах ледяная маска. Они ничего не видят, часто ложатся отдыхать. Потом, подгоняемые ударом хорея, неохотно встают, пытаются бежать, срываются, падают на землю, разбивая до крови лапы.

В метель промышленник обычно ставит палатку или зарывается в снег. Но Ушакову и его спутникам нельзя было останавливаться. Они еще не перешли на береговой припай, а оставаться на льду вблизи моря значило каждую минуту подвергать себя опасности быть оторванными и унесенными в море.

Люди шли. Земля негостеприимно встречала первых посетителей. За двенадцать часов они прошли шесть миль. Разбили палатку. Зашумел примус. На нем растапливали снег. От жажды люди в Арктике страдают больше, чем от голода. Ушаков спал, как убитый. Утром он услышал разговор:

— Что ты мне спать не давал?

— Ты что, с ума сошел—спать. Смотри, что кругом делается.

На дворе бушевала метель. Она давно занесла бо́льшую половину палатки, собак, сани. Все исчезло. В пургу собаки свертываются калачиком и, повернувшись спиной к ветру, лежат словно мертвые, не шевелясь. Так меньше забивается снега в подшерсток. После пурги все занесено. А под снежной коркой в сугробе вытаивает от тепла и дыхания маленькая берлога, в которой животному спокойно и тепло.

Полярники начали откапываться. Они усердно работали в две лопаты, едва успевая сбрасывать «свежий» снег, что наметал ветер. К концу дня стихло.

Впереди манил гористый берег земли. Внезапно берег поднялся и поплыл вверх. Это были облака. За лжегорами открылась настоящая горная вершина.

После часового отдыха продолжали путь. На снегу остался кровавый след от изрезанных фирном собачьих лап. Люди работали наравне с животными.

Стояла исключительная видимость, когда можно за несколько километров разглядеть кайру. Полярники рассматривали гору в бинокль. Они видели каждый камешек на склонах и шли к горе... два дня.

Но вот и земля. Ее почувствовали как-то сразу. Вспомнили слова Амундсена:

«Будет счастливцем тот, кто первым достигнет этой земли».

В дни зимовки Амундсена на мысе Челюскина четыре человека дошли до Малого Таймыра и видели землю, но дальше

их не пустили льды. С запада сюда стремился дирижабль Нобиле. Норденшельд на «Веге» видел гусей, летевших на север: гуси летели к земле, но земли не было, ее закрывал туман. Здесь проходили «Фрам» Нансена и «Заря» Толля. Было пасмурно. Они прошли близко от земли, не заметив ее.

И вот, первыми пришли на эту землю советские люди.

После обиженной природой Чукотки, метельного Врангеля, блестящей красавицы Земли Франца-Иосифа с ее потоками голубых льдов, эмалевым небом и гордыми скалами, после задернутой туманом Новой Земли поражала суровость Северной Земли, ее гнетущая безжизненность. В октябре всего на несколько часов показывалось солнце, небо всегда оставалось серо-свинцовым. Только вечерами в небе виднелась узкая, словно ножом прорезанная, щель, окрашенная багровой зарей.

Из-под снега поднимались глыбы ржаво-красных песчаников, похожие на обуглившиеся пни. Берег быстро повышался и переходил в горную гряду. Земля приветствовала пришельцев звездной ночью и полярным сиянием.

На следующий день снова поднялась метель. Пришлось отсиживаться в палатке. Пыхтел примус. Он горел всю ночь и день. Вверху было дымно и жарко, а у людей замерзали пятки ног. Обогревались чаем из топленого снега.

Когда кончилась пурга, путешественники пошли на штурм высокого мыса. На горе, которую назвали мысом «Серпа и молота», Ушаков поднял советский флаг.

Два человека палили из карабинов. Казалось, исчезли тысячи километров льда, тундры... Это были торжественные минуты, редко переживаемые человеком. Флаг, который высоко поднят над всей страной, взвился над далекой северной горой.

Потом Ушаков и его спутники пошли дальше к северу по береговой линии. Был туман. День тянулся несколько часов. Близилась «большая ночь». Увидев ледниковый щит и убедившись, что острова тянутся далеко на север, полярники решили возвращаться обратно.

На подступах к ледниковому щиту они оставили базу с запасом продовольствия для людей и собак. Погода ухудшалась с каждым днем. Одежда и спальные мешки обледеневали. Кончались продукты.

Снежные миражи преследовали путешественников. Они боялись ошибиться на незнакомой дороге. В тумане все искажалось. Впереди вырастал горный хребет. Его можно было хорошо рассмотреть в бинокль. Люди недоумевали. Они подъезжали вплотную, и хребет оказывался снежным выступом высотой всего лишь в пятнадцать—двадцать сантиметров.

За день все же прошли шестьдесят пять километров в густом тумане, сокращавшем видимость до двухсот метров. Поздно ночью полярники подошли к залитой электрическим светом базе на острове Домашнем.

18 октября выглянуло в последний раз солнце. На несколько минут оно показалось над горизонтом, сильно сплющенное, с бахромой по краям.

— Собаки солнце изгрызли,—саркастически заметил Журавлев.

Через три дня пришла полярная ночь.

Зимовщики продолжали научную работу. Круглые сутки в домике горело электричество. Хронометры сообщали о наступлении утра, ночи, звали на работу, приглашали к обеду. На зимовке были шахматы, домино, радио, библиотека. Запоем переходили от одного увлечения к другому. То все сидели с книгой, то брались за шахматы, домино.

Прекрасно работало радио. Иногда сутками слушали передачи. Начинали с Америки, затем по мере того, как день отступал на восток, слушали Японию, Индию, Центральную Азию, СССР, Европу, Атлантику, снова Америку. Вслед за движением часовой стрелки перемещалась рукоятка настройки.

Еще перед наступлением полярной ночи был построен домик обсерватории. В нем производились метеорологические, астрономические и магнитные наблюдения. В первых числах ноября температура упала до тридцати градусов ниже нуля. Море, покрытое льдом, дыбилось непроходимыми торосами. Все живое исчезло. Улетели розовые и белые чайки. Исчезли тюлени. 25 октября был убит последний медведь...

Долго тянулась полярная ночь. А люди аккуратно застилали постели, во-время садились к столу. Они не впадали в молчание. Дни проходили в работе, а вечером в «кают-компании» слушали концерты.

В один из вечеров Журавлев чинил меховые штаны. Ушаков записывал в дневник научные наблюдения. Сидевший у радио Вася Ходов поймал Харьков. Пел прекрасный женский голос. Все слушали внимательно и настороженно. И вдруг перерыв. Долго Вася Ходов искал в эфире пропавшую станцию, но тщетно. Наконец, послышалась унылая церковная мелодия из голландского Хюйзена. У всех вытянулись физиономии от тоски.

Журавлев, всегда непосредственный и нетерпеливый, хлопнул штанами и крикнул:

— Даешь «Кирпичики»!

В ту же минуту оборвалось пение, диктор сказал: «Рюссише романсен» и заиграли... «Кирпичики». Полярники замерли от изумления. Потом они долго дразнили Журавлева:

— Закажи «Конную Буденного». Тебя радио слушается.

Радио связывало Малую землю с Большой землей. Оно стирало представления об огромных расстояниях, приносило вести от друзей, родных.

В разгар полярной ночи Ходов принес телеграмму на имя Журавлева:

«Дети безнадежно больны тифом. Мария».

Полярная ночь. Человек напряжен. Он быстро и болезненно реагирует. Ушаков знал: Журавлев очень тоскует по семье, не хотелось волновать его раньше времени. А вдруг все уладится. Ушаков положил депешу в карман и предупредил Ходова:

— Когда будут еще телеграммы, отдашь мне.

В следующую ночь сорвало антенну. Связь с Большой землей прервалась. Долго тянулись томительные пятнадцать дней.

Депеша жгла в кармане. Ушаков не мог о ней забыть ни на минуту. Что делать? Сказать? Нет нельзя! А Журавлев ежедневно, садясь за стол, рассказывал, что видел во сне одну из дочерей. Днем он говорил, какие у них замечательные новые платья. Вечером вспоминал, как детишки в первый раз пошли в школу.

Проходили дни. Ушаков боялся проговориться о телеграмме. Снова заработало радио. Пришли телеграммы с материка. Дети Журавлева умерли. Надо было сказать ему об этом.

Ушаков ушел с Журавлевым в поход. Была пурга. Когда они отошли от жилья за двадцать километров, Ушаков остановил собак и рассказал Журавлеву о постигшем его несчастье. Потом, не обращая внимания на метель, они отправились дальше, шли до полного изнеможения...

Когда окончилась полярная ночь, наступила пора детальных исследовательских работ. Путешественники не знали, где на севере кончается Северная Земля, не знали сколько придется потратить времени, чтобы достигнуть ее северной оконечности. Условно решили—полтора-два месяца.

Вперед, на трассу будущих походов решили выдвинуть продовольственные базы. Очень не хотелось уходить из гостеприимного дома в тьму ночи: каждую минуту мог захватить слепящий снеговой вихрь. Вначале кружились с фонарем у дома,

Потом Журавлев и Ушаков стали уходить за несколько миль ставить капканы. Пытаясь обмануть полярную ночь, выбирали время полнолуния. Серебряный свет луны заливал лед. Льды светились, словно облитые фосфором. В часы северных сияний они напоминали изделия из полированного серебра.

Однажды в такой сказочной обстановке путешественники ушли километров на двадцать—двадцать пять от дома. Потом едва не пришлось расплачиваться за эту неосмотрительную прогулку. Из-за горы показались облака. Потемнело. Упряжки шли неровно. Полярники начали терять друг друга. Стреляли. Не помогало. Зажгли магниевые факелы. Пурги еще не было, но собаки словно чуяли ее, вели себя неспокойно, не слушались.

Упорно шли вперед. С огромным трудом обнаружили гору «Серп и молот» и ледяной ручей, где оставили продовольствие.

Через день двинулись в обратный путь. Мороз достиг 36° с резким ветром. Поднялась метель.

— Два удовольствия: метель и ночь,—улыбаясь, вспоминает Ушаков.—Что ж, мы шли и думали: промахнемся или нет? Острова наши низменные, неприметные, можно пройти рядом с ними, не заметить и забраться в море. Один раз так чуть не случилось.

Все же добрались благополучно. Обмерзли только собаки. Некоторых, отказавшихся итти, пришлось погрузить в сани. Метель кончилась, и снова стали завозить продовольствие.

Хорошо запомнился четвертый рейс 22—26 февраля. Мороз —47°. Пронизывающий северный ветер. Одинокий примус не мог обогреть на привале палатку. Стеариновая свеча выгорала в середине, образуя пустотелый цилиндр. Масло хрустело на зубах. Спальные мешки к утру пропитывались инеем.

В марте начались съемочные походы, которые позволили дать названия заливам, горам и островам большого северного архипелага. Недалеко от Домашнего обнаружили пролив, разделяющий два острова Северной Земли. О существовании его не подозревали. Это было вскоре после празднования годовщины организации Рабоче-Крестьянской Красной армии. Пролив был назван именем Красной армии. Он оказался забитым айсбергами высотой в десять—двадцать пять метров. Между ними шли узкие коридоры, заполненные рыхлым снегом или открытой водой. Человек мог заблудиться в них, как ребенок в незнакомом городе. Решили пройти через пролив. Накрыл туман. Беспрерывно попадались снежные сугробы. Проваливались, тонули в пушистом глубоком снегу. Иногда среди ледяных глыб открывался приветливый долгожданный коридор. Люди уходили туда, пробирались дальше и перед ними вдруг

Привал у айсберга в проливе Красной армии на Северной Земле.

вырастала гладкая, высотой с десятиэтажный дом, стена. Надо возвращаться. Но коридор настолько узок, что повернуться в нем невозможно. Собак и сани перебрасывали через голову.

С трудом осилили пролив и подошли к противоположному берегу острова. Глетчер, покрывающий остров, двигался даже зимой, заполняя пролив ледяными горами. По леднику разбросаны капканы трещин, укрытые снегом. Их не заметили. Первым в ловушку попал Журавлев. Под снегом—талая вода. Журавлев принял холодную ванну при тридцатичетырехградусном морозе. Хорошо что вблизи был Ушаков. Он подал хорей.

— Ванна все же лучше, чем уйти под лед,—стоически заметил Сергей Прокофьевич на очередной остановке.

Позднее остров назвали «Комсомольцем». На леднике разбили палатку так, чтобы ее не задувал ветер. Откуда будет ветер—узнавали по собакам. Как только нарты останавливались, собаки ложились спиной туда, откуда потом начинал дуть ветер.

Люди залезали в меховой спальный мешок. Утром они разрешали себе несколько минут отдыха. Разжигали примус, грели

руки, кипятили чай и только потом одевались, с трудом выбираясь из заиндевевшего мешка. Горло мешка обмерзало.

Путешественников нагоняла весна. Нередко они пробирались, шлепая по воде и талому снегу. Намокали малицы. За ночь они срастались в ледяную глыбу. Их отогревали около примуса.

Путешественники не знали, что лучше—мороз или оттепель. В морозы борода обмерзала, стягивала кожу, боль приводила в ярость. Люди готовы были рвать бороду вместе с кожей. Нужно было обязательно бриться. Выручали ножницы.

В походе варили суп «Мечту». Смесь из патентованного датского пеммикана, масла, риса и шоколада, перетертая в порошок, оказалась неудобоваримой. Тогда решили подбавить макароны, мясные консервы, свежую медвежатину. Так возникло это произведение североземельского кулинарного искусства—суп «Мечта».

Варили «мурцовку»—своеобразный полярный компот. В большой эмалированной чашке растирали три больших ложки молочного сухого порошка, несколько ложек какао, сливочного масла и сахара. Заливали растопленным снегом. Получалось довольно вкусное блюдо.

Были и «медвежьи» бульоны с галетами. Ели не только вареную, но и сырую мороженую медвежатину, наструганную тонкими розовыми ломтиками. Медвежатина—прекрасный витаминоз.

Постепенно на карты наносились очертания земли. Уверенными линиями прочерчивались границы на снежном покрове. Пунктиром ложились следы человечьи и собачьи. Линиями—следы нарт. Между глубокими санными впадинами тянулась круглая вмятина. Позади саней, отсчитывая километры, бежало велосипедное колесо, надетое на горизонтальную железную ось и снабженное счетчиком.

В походе собаки изрядно уставали. Собачий пеммикан, полученный от всемирно известной фирмы «Расмуссен и компания», строго экономился. К счастью, на западе от островов вскрылись льды и обнажились полыньи: появились белые медведи. Трех удалось убить. Свежее мясо быстро восстановило силы собак.

На «Садко» знают, как любит Георгий Алексеевич собак. Часто в свободные часы его можно застать на верхней палубе окруженным четвероногими друзьями.

Дружба эта началась издавна, еще на островах Врангеля и Северной Земле.

— Собак надо знать не хуже, чем людей. Среди них есть ударники, есть лодыри. Есть предатели и отличные товарищи,— говорит Ушаков.

К нартам прикреплены велосипедные колеса со счетчиками, которые отсчитывают расстояния.

Передовиком на Северной Земле в упряжке у Ушакова ходил пес Мишка. Он хорошо слушался голоса: право—«подь-подь», лево—«кхxр», вперед—«ка», стой—«тай». Впоследствии его убил медведь.

Отчаянным лодырем был пес Мазепа. Он разжирел и хамил без меры. Пока его лупили—лямка натянута, перестанешь—он соразмерит свой бег так, чтобы лямка не провисала, создавая только видимость работы. Однажды, измучившись понуканиями, его бросили в дороге. Он пришел на зимовку через двадцать три дня и стал с тех пор примерным ездовым псом.

Другой пес Махно был хулиганом, предводителем группы наиболее вороватых и драчливых собак. Заводила в общей грызне и драках, он всегда имел на себе следы многочисленных клыков.

Кого не взлюбил Махно, тому приходилось плохо. Улучив момент, когда людей на «улице» не видно, он налетал вихрем на жертву и сбивал ее с ног. Остальные из шайки довершали начатое. Махно же сидит в стороне и улыбается,—да, да, собака умеет смеяться,—смотрит на свалку как ни в чем не

бывало. Когда мы выскакивали на шум, то находили Махно всегда в роли спокойного наблюдателя, и хотя все знали, что он главный виновник свалки, придраться к нему было нельзя.

Но работал Махно отлично. Стодвадцатикилометровые переходы были для него нетрудны.

Был пес Ошкуй. Один раз он забастовал на бегу и залег. Упряжка остановилась. Ошкуя пришлось выпрячь. Он забился под сани и не вылезал оттуда, несмотря на удары. Это было глухое и глупое упрямство. При первых ударах Ошкуй повизгивал, потом замолчал. Нужно было во что бы то ни стало восстановить дисциплину, заставить пса жалобно, покорно вскрикнуть, ползти на брюхе и подчиниться. Пес молчал. Ушаков выхватил нож, резнул по уху, ухо осталось в руке. Пес не шелохнулся, кровоточил, но молчал. Человек был побежден. Упряжка ушла без Ошкуя. Через тринадцать дней пес вернулся на зимовку. И с тех пор не было пса более дисциплинированного и усердного.

За Османом шла слава нелюдима. Когда нарезали мясо собакам, он всегда сидел поодаль от общего кружка и терпеливо ждал своей порции. Однажды на привале Осман незаметно подкрался сзади Ушакова, просунул под локоть морду и выхватил лучший кусок мяса. Ушаков обернулся и ударил его черенком ножа по носу. Пес одну только секунду смотрел на человека, затем положил мясо в снег, ушел за снежный бугор и лег. Его звали, но пес не откликался. Пришлось уехать без него. Больше он не вернулся.

И все же, несмотря на капризы, четвероногие друзья не изменяли полярникам...

2 апреля Ушаков и Журавлев вышли в новый поход поперек Северной Земли от западного берега до восточного. Перевалили в сплошном тумане через плоскогорье на высоте трехсот пятидесяти метров. За перевалом обнаружили верховье реки, текущей к северо-востоку. Спуск в русло из-за необычайной крутизны и высоты берегов производили на цепях. Пройдя ущелье, река образовала большое пресноводное озеро. Вблизи встретили первых в том году птиц—стаи люриков, чистиков и чаек. На восточном берегу нашли астрономический знак—остаток флагштока гидрографической экспедиции 1913 года, открывшей землю. Бамбуковая мачта флагштока оказалась сломанной медведями, а знак они изгрызли. Через пятнадцать дней Ушаков и Журавлев, убив медведицу и забрав живьем медвежонка, вернулись на зимовку.

Все было подготовлено для большой санной экспедиции по обследованию всей северной части Северной Земли. Стояла солнечная погода. Термометр устойчиво показывал около тридцати градусов.

22 апреля Ушаков и его друзья снова вышли на Северную Землю.

Первомайский праздник они встречали на острове Комсомолец на берегу пролива Красной армии. 1 Мая! В такие дни особенно чувствуешь отрыв от родины, от близких и друзей. Над льдами и снегами часто поднимался розовый туман. Заря вставала, точно отблеск знамен с далекой Красной площади.

Огромный красный немного сплюснутый шар солнца алел на горизонте. Загорелись снежные поля.

По пути Журавлев отделился от товарищей и поехал за продовольствием на ближайшую базу. На обратном пути его настиг снежный ураган.

Через день, вернувшись в лагерь, Журавлев заболел снежной слепотой. В глазах точно песок насыпан и яркий, не потухающий, малиновый, режущий свет. Страшная боль. Глаза открыть нельзя. Их заливает слезой.

Пришлось разбить лагерь. Журавлеву завязали глаза. Они должны отдохнуть, иначе человек может ослепнуть. Лагерь был под айсбергом, под отвесной стеной, высотой в тридцать семь метров.

С Комсомольца неожиданно подул ветер. Его силу измеряли лежа на льду. Стоять было нельзя. Ветер тотчас же валил человека на землю. Анемометр показал скорость тридцать семь метров в секунду. Это под защитой айсберга. Трудно представить, как ветер бушевал на воде, на оголенной плоскости ледникового щита или на береговом припае. Палатка билась точно птица, пойманная в капкан. Каждую минуту ее приходилось стягивать ремнями.

Через сутки ветер стих так же неожиданно, как и возник. Экспедиция продолжала свой путь.

Люди шли по береговой границе острова Комсомолец, на девяносто процентов покрытого ледовой шапкой. Край земли они установили по трещинам. У берегов лед не срастался, его подымал и опускал прилив. Шаг за шагом люди вычерчивали карту. И, наконец, 16 мая вышли на мыс, откуда земля сворачивала к югу. Это была северная оконечность Северной Земли, ледниковая лепешка, поднимающаяся на семьдесят метров над уровнем моря. Мыс был назван именем Председателя СНК СССР Вячеслава Михайловича Молотова.

Впереди, к полюсу, к востоку и западу лежала открытая вода. Она расстилалась до предела видимости, темная, спокойная; небольшие льдины проплывали на юг, мимо мыса, огибая его с востока и с запада.

Открытая вода была, очевидно, для этих мест не случайной. Иначе не селились бы на ближайших мысах большими базарами чистики,[1] которые кормятся на воде.

Три дня путешественники выжидали появления солнца. Они должны были во что бы то ни стало провести астрономические наблюдения, чтобы связать в единую систему все прошлые точки и установить координаты северной оконечности Северной Земли.

Люди решили перехитрить солнце. Они выстроили снежный лагерь и ждали. Даже купались. Поверх палатки натянули брезент. Внутри разостлали шкуры нерпы. Воду кипятили в котелке и нескольких банках. Примус накачали до отказа. Это был торжественный день: день бани на одной из самых северных точек советской страны. К концу мытья, однако, у путешественников смерзлись волосы.

Но вот определены координаты. Широта 81°61′1″ и долгота 95°42′8″. Как опознавательный знак поставили бамбуковую веху, а в лед закопали бидон из-под керосина, в котором поместили герметически закупоренную бутылку с запиской. Ненадежные приметы. Но другого материала нет. За плавником надо ехать миль пятьдесят—шестьдесят по меньшей мере.

Обратно шли по восточному берегу острова Комсомолец. Снова туман, снова метели. Заметили залив. Потом он оказался проливом, разделяющим острова Комсомолец и Пионер; назвали его проливом Юнг-Штурма.

Ушаков вспоминает:

— Вы говорите—метель. Откровенно признаюсь, я люблю снежные метели. Кажется, что вселенная сорвалась со своего пути и несется с визгом и громом в бесконечность. Метель—это величайшее проявление динамики, мощности, силы. Она покоряет человека своим могуществом...

Тридцать шесть суток, восемьсот километров на собаках. Вот, наконец, и мыс Крупской. Проходили совсем близко от дома. Там Ходов. Что у него? Тридцать шесть дней в одиночестве. Это не легко.

Подошли к Домашнему. Метели до неузнаваемости изменили пейзаж. Там, где была равнина, выросли снежные горы. Пер-

---

[1] Один из ближайших небольших островов Ушаков назвал островом чистиков. На новых картах картографы переименовали этот клочок суши в... остров Чистякова.

Временный лагерь в майском походе 1931 года.

вым обнаружил домик Журавлев. Когда он вернулся с разведки, Ушаков встревоженно спросил:

— Дом цел?

— Цел.

— Собаки есть?

— Есть.

— А человек?

— Кажется, есть.

— Кажется?

Путешественники бросились вперед. Беспокойство, однако, было напрасным. Вася Ходов прекрасно обосновался в домике, занесенном снегом. Иногда во время передачи очередной метеосводки у дверей раздавался дикий визг, лай собак и рев медведя. Тогда Вася выскакивал из домика, стрелял, а затем возвращался продолжать передачу или прием телеграммы. В перерывах между передачами он свежевал добычу. Если телеграмма была длинной, убитый медведь успевал замерзнуть и его приходилось «отогревать».

Ушаков и его спутники спешили. Близка была распутица. Она грозила потерей собак.

20 июня, после двухдневного отдыха, вышли дальше. Температура поднялась до пяти градусов тепла. Путь стал одинаково мучительным для людей и собак. Маленький караван тонул в снегу. Под хрупкой ледяной коркой с каждым днем скоплялось все больше воды.

Вот что записал Г. А. Ушаков о дальнейших событиях этого поистине беспримерного похода.

«Снег отказывался держать сани, собак и даже лыжи. Часто приходилось один участок проходить несколько раз, сбрасывая груз, пробивая дорогу и возвращаясь обратно. 25 июня вскрылись реки. Движение по берегу стало невозможным. В море лежали непроходимые торосы с глубокими озерами или еще более глубокими снегами. Единственной дорогой казалась узкая полоса прибрежных ровных льдов, залитых водой.

День за днем экспедиция шла в ледяной воде, часто на протяжении десятка километров не встречая льдины, на которой можно было бы дать отдохнуть и согреться замерзающим собакам.

30 июня экспедиция была близка к катастрофе. Пересекая один из многочисленных мелких заливов, караван проходил вблизи кромки торосистых льдов, оставляя ближе к берегу льды, где скоплялось слишком много воды. Неожиданно подувший с берега резкий ветер погнал воду, прижал ее к стене торосистых льдов. В течение пятнадцати минут уровень воды поднялся до половины человеческого роста. Всплывшие сани погнало ветром, плавающие собаки начали захлебываться. С трудом удалось повернуть упряжки против ветра, оттянуть на более мелкое место, затем выйти на прибрежный лед, с которого вода совершенно исчезла. На следующий день ветер прижал воду к одному из мысов, лежащих на пути экспедиции. Дорогу к берегу отрезал поток. Попытка перейти его выше по течению не дала результатов. Экспедиция попала в сеть непрерывавшихся глубоких потоков и принуждена была вернуться на побережье и ожидать перемены ветра.

Пять суток туман, снег и дождь, сменяя друг друга, держали нас на одном месте. Собачьего корма оставалось на пять суток. От главной базы отделяло расстояние в сто пятьдесят километров. Состояние дороги позволяло проходить максимум десять километров в сутки. Нам предстояло либо, прекратив работу, гнать форсированным маршем ослабевших собак на главную базу, либо, продолжая работу, начинать кормить собак собаками, либо, наконец, итти и тащить сани самим.

Но нам помогла сама Арктика: 6 июля на льду был замечен медведь. После продолжительной погони по озерам нако-

Шкуры полярных медведей — трофеи первых зимовщиков Северной Земли.

нившейся между торосами воды зверь был убит и вывезен на берег. Через несколько часов по следам крови пришел к лагерю и был убит второй медведь. На следующий день к лагерю подошли три новых медведя, в которых нужды уже не было. Располагая мясом, экспедиция могла ожидать необходимых условий для работы и провела в лагере четверо суток. 10-го астрономические наблюдения были закончены. На следующий день пошли дальше.

Путь шел вдоль берега ледникового щита. В прибрежных льдах появились широкие трещины. В конце дневного перехода размытый лед стал напоминать кружево, узкие перемычки между сквозными пробоинами часто пробивались шестом. Каждую минуту ждали обвала льда. С трудом вышли на берег, вдоль которого образовалась большая прибрежная полынья.

На следующем переходе дорога еще более ухудшилась. Вновь трещины, полыньи, сплошная вода, снова ледяной барьер. Собаки начали отказываться работать; к концу перехода некоторые из них лежали в санях с разбитыми

лапами. На протяжении многих километров не было ни клочка льда для бивуака. Сильный ветер пронизывал совершенно мокрые одежды. Наконец достигли залива Сталина, к югу от мыса «Серпа и молота»; на северо-западе узкой лентой показались острова. Выход на берег отрезала полынья, поэтому лагерь разбили на льдине, отколовшейся от глетчера и окруженной трещинами. Путь к заливу тоже оказался отрезанным скопившейся здесь, благодаря ветру, сплошной водой.

14 июля перенесли груз, сани и собак через трещину и поднялись на ледниковый щит, по которому прошли к обнаженному берегу. Здесь в сани поочередно впрягали всех способных работать собак, впрягались сами и тащили по голой земле, переправлялись через реки, затем возвращались за вторыми санями. Проходя таким образом по двадцать километров, вперед продвигались всего на пять километров. После перемены ветра вода очистила льды залива Сталина. Построив ледяной мост через трещину, снова вышли на лед и пересекли залив.

В течение двух суток непрерывно шел сильный дождь. 18 июля на полуострове Парижской Коммуны сомкнули маршрут последней точкой, нанесенной на карту осенью прошлого года. На льду появились трещины и полыньи, через которые, за отсутствием лодки, уже нельзя было переправиться. Две собаки издохли от истощения, пять вместе с передовиком лежали в санях, остальные, истощив последние силы, начали падать в весе. Корм кончился, отдали остатки сливочного масла и шоколада, сами питались одним рисом, который приходил к концу.

На пятидесятый день пути, 20 июля, главная база была достигнута».

Быстро прошел первый год зимовки. Ушаков рапортовал правительственной комиссии и О. Ю. Шмидту о проделанной работе. Пройдено на собаках, включая подготовительные работы, свыше трех тысяч километров, проведено тысяча пятьсот километров маршрутной съемки, охватывающей площадь около двадцати пяти тысяч квадратных километров, опирающихся на тринадцать астрономических магнитных пунктов.

Подходила вторая «большая» полярная ночь. У Сучки второе прибавление семейства. На этот раз родилось восемь щенят—пять самцов и три самки. Решили подкармливать их консервированным молоком. Один из щенков пестрой масти за

свой буйный нрав был вскоре прозван Бандитом. У берегов появилась огромными стаями сайка. Она подходила к берегам для нереста. Рыбу глушили выстрелами в воду. Кухня быстро переключилась на рыбные блюда; по вкусу сайка напоминала отличную навагу. Во время поездки на соседний Голомянный остров встретили стадо белух. Шли они со скоростью до двадцати километров в час. А моторка зимовщиков развивала всего десять—двенадцать километров. Не догнали... Потом белухи появлялись еще несколько раз. По ним открывали долгую «сумасшедшую», как говорил Журавлев, стрельбу. И не всегда безуспешную.

Снова подбирались к зимовке белые медведи, привлеченные запахом сала и белушьих внутренностей.

Когда наступила ночь, занялись обработкой собранного материала. Вычисляли астрономические пункты. Вычерчивали карты. Сортировали геологические образцы.

Журавлев долгое время весьма скептически относился к работам геолога, во время походов записывавшего что-то у инструментов, заносившего в свой полевой журнал зарисовки и маршрутные ходы. Но вот на листах бумаги выросли очертания берегов, изгибы мысов и бухт. Вечерами Журавлев подолгу рассматривал их, узнавая места, где он охотился, где стоял ночевкой. Любознательный охотник заинтересовался маршрутно-глазомерной съемкой, принципами составления карт, их вычерчиванием. Это был внимательный и настойчивый ученик.

Перед большим апрельско-майским походом 1932 года (вокруг южного острова Большевик) на станции погиб прирученный медвежонок. Он научился освобождаться от цепи, стаскивая лапами через голову ошейник. Точно так же освобождались от ненавистного ошейника и собаки. Однажды медвежонка обнаружили в верхней части острова, около радиомачты. Осажденный сворой щенков, он прижался к мачте, жалобно повизгивал и довольно успешно отбивался. Через несколько дней медвежонок снова удрал. Его заметили взрослые собаки и разорвали. На станции осталась только пара медвежат—брат с сестрой, Маша и Миша. Они жили очень дружно и спокойно в берлоге, которую выкопали для них зимовщики в снегу, позади дома.

Ушаков и геолог обошли вдвоем два острова—Большевик и Пионер. Карта Вилькицкого, заснявшего восточные берега острова Большевик, оказалась неточной. Высокие горы, тянувшиеся в глубине острова, он принял за настоящие очертания земли. Низменные берега, запушенные снегом, остались незамеченными. Во время походов все время охотились. В од-

ном из убитых медведей обнаружили старую пулю, принесенную им то ли с Диксона, то ли с Земли Франца-Иосифа.

Ночью 13 августа 1932 года, через два года после ухода «Седова», у острова Домашнего стал на якорь «Сибиряков», совершивший свой прославленный рейс сквозным Северо-восточным проходом. На борту—Шмидт, Визе, Воронин. Еще накануне зимовщики тщательно побрились, надели лучшие праздничные костюмы.

Через сутки, когда отошел «Сибиряков», вдали показался «Русанов». Его встретили в море. И Журавлев, как лоцман, провел судно почти вплотную к берегу.

Закончилась вторая героическая зимовка полярника Георгия Алексеевича Ушакова...

НА ОСТРОВАХ НЕПРИМЕТНЫХ

В полночь с 6 на 7 сентября «Садко» пересек девяносто первый меридиан.

Восемь дней не было астрономических наблюдений. Туман плотно закрыл солнце. Путь корабля вычисляли только по скорости и показаниям компаса. Пытались взять радиопеленги с Диксона и Уединения. Но это не удалось, так как пеленг их почти совпадает по направлению.

Точного местоположения корабля никто не знает. Определиться без солнца, без встречных земель невозможно. Скоро появится Северная Земля.

Вечером 7 сентября туман рассеялся. В нескольких милях открылась узкая черная полоска суши. Уменьшили ход. Глубины резко убывают от полутораста до сорока—тридцати метров.

За первым островом, отделенный от него узким проливом, показался второй. Посмотрели карту: никаких островов во всем этом районе североземельского побережья между мысами Литвинова и Фрунзе не значится. Больше всех удивлен этим Ушаков. В свое время он нанес на карту весь огромный архипелаг Северной Земли. Этих крохотных островков нет на его карте. Их не видел и «Сибиряков», обогнувший Северную Землю три года назад.

Гремя цепью, падает в море якорь.

Ясная солнечная ночь. На море штиль. Низкие, пологие островки чуть-чуть приподнимаются над водой.

Готовится партия для обследования берега. Поспешно одеваемся, проверяем оружие, «лейки», забираем кайло, лопаты,

примус, паяльную лампу, набиваем рюкзаки продовольствием. Заготовлены доски для сооружения знака.

Все готово. Наш «Ермачок» [1] спущен на воду, резиновую лодку взяли на буксир. Колесниченко и Погосов уже в катере. Ешурин стережет отход. Он не включен в группу, но надеется уговорить начальника. Однако Ушакова все нет.

Ушаков на мостике. «Хозяин Северной Земли», как шутливо называют его полярники, не узнает берегов. Пятнадцать долгих минут люди сидят на «Ермачке». Не отрываясь от бинокля, он изучает очертания островов.

— Ничего не понимаю. Откуда эти острова, что это за мыс?

Лоб нахмурен, лицо потемнело. Глаза устают. В бинокле контуры земли сливаются с водой, облаками и туманом. После нескольких секунд отдыха Ушаков снова припадает к биноклю.

Еще недавно Ушаков, справедливо гордясь проделанной им на Северной Земле работой, говорил:

— Все точно, все нанесено правильно.

А если так, то откуда появились неизвестные острова? Может быть, это не острова, а мыс?

Северная Земля плохо встречает сегодня своего «хозяина».

По всем данным прокладки курса мы стоим против пролива Юнг-Штурма. Слева должен быть мыс Буденного на Пионере, справа мыс Фрунзе и мыс Литвинова на Комсомольце.

Бывалые полярники вспоминают «случаи из практики». В прошлом году один корабль сутки искал остров Уединения.

К начальнику подходит Бабушкин:

— Георгий Алексеевич, разрешите вылететь.

— А туман?

И, как бы боясь уступить, командует:

— Поехали.

На «Ермачке» Ушаков, Иванов, Колесниченко, Варламов, Погосов, Бронтман, Черненко, Виленский. В резинке — Ешурин. Восемь человек на небольшом моторном ботике. Проносимся мимо огромного зеленого айсберга, похожего на гигантскую наковальню.

Остров в миле расстояния. Но уже в полумиле от корабля спускается туман. Ориентируемся по компасу. «Ермачок» мчится по узкому проливу, разделяющему острова. Вода прозрачна. Видны камни и зеленые листья морской капусты. Иногда зловеще скрежещет дно бота. Мелко.

---

[1] «Ермачком» был в шутку прозван наш небольшой моторный катер.

На бревне обнаружена метка «ЛТ 032». Плавник старый, очевидно он немало пропутешествовал.

Вот, наконец, небольшая круглая бухточка. Высаживаемся на берег. Отсюда ясно видны два крохотных вытянутых в длину очень низких островка, похожих на прибрежную отлогую косу. Между ними—третий, совсем малютка. На карте он будет выглядеть булавочной точкой.

Недалеко от берега стоит на мели айсберг-стамуха. Он кубической формы, с навесом, очень похож на киоск, торгующий газированными водами. Лед зеленый, и зелень точно расплескалась по воде.

Половина островка покрыта галькой. Почти милю тянется этот северный пляж, весь изрытый воронками и ямами. Остров наносный. Его окаймляют ровные полосы более крупного валуна и мелкого черного песка.

В одном месте небольшой перешеек острова завален надвинувшимися с моря ледяными глыбами. Как велика сила, забросившая далеко на сушу громадные многотонные обломки! Пробираемся по узким извилистым коридорам. Глыбы льда иногда достигают высоты двухэтажного дома. Коридор нередко приводит к тупику. Возвращаемся назад, ищем новых проходов вдоль берега, усыпанного галькой.

Выходим на другую половину острова, сложенного из красной вязкой глины. Медвежьи следы пересекают остров в различных направлениях.

Находим прозрачные листья водорослей, выброшенных на берег. Они похожи на обрывки прорезиненного полотна. Много плавника—бревен, досок, кусков дерева. Попадаются свертки березовой коры, занесенной неизвестно откуда. Плавник лежит вдалеке от берега на высоких местах.

Разбрелись по берегу. Надо осмотреть каждое бревно, каждую ветку. Нередко на таких необитаемых островках можно обнаружить буи и бутылки какой-нибудь экспедиции.

Вот около одного из бревен остановился Варламов. Первая находка. Он машет фуражкой. С трудом вытаскиваем бревно из грязи. На торце метка: «ЛТ 032». Плавник старый, очевидно не мало пропутешествовавший.

На возвышенном склоне острова решено строить опознавательный знак. Сколачиваем высокую, трехметровую треногу. Камни приходится таскать с берега. А камни нужны крупные, чтобы шаловливый медведь не смог свалить нашу постройку.

Но вот, наконец, знак установлен. Снизу навалили гурий из камней, почти в человеческий рост. Наверху прибили весло. Этого требует старый поморский обычай. Штурман Иванов старательно вырубил топором на досках: «Садко», 1935 год», Бронтман ножом вырезывает формулу стародавних времен:

«Был Ушаков со товарищами году 1935-м».

В шутку решили кругом развесить вывески:

«Курить воспрещается».

«Подписка на газеты и журналы принимается круглый год».

К сожалению, нет асфальтового лака, а ножом вырезать долго.

Пока строим знак, «Ермачок» обходит кругом острова, и на берег высаживается Саша Погосов. Он уже успел обнаружить медвежью берлогу в береговых торосах. Устраиваем облаву. Медведь, очевидно, ушел «на работу» и не догадался вернуться к нашему приезду. Следы свежие, но Арктика всегда подолгу сохраняет следы неприкосновенными.

Ветер с моря прогнал туман, и вдалеке хорошо виден «Садко». Надо уезжать. Мы на острове уже больше пяти часов.

Опять идем среди мелких льдинок, поджатых к берегу, таща на буксире резиновую лодку. Проезжаем мимо знакомого айсберга. Обходим раза четыре вокруг, старательно рассматривая отвесные, морщинистые стены, по которым стекает узенькими струйками вода. Внутри айсберг потрескивает. Солнце и вода творят свою разрушительную работу. Пройдет еще

На берегу среднего островка поставили трехметровую треногу. Старательно вырубили: «Был Ушаков со товарищами году 1935-м».

неделя—две, ледяная гора расколется, и осколки ее пустятся в далекое плавание.

Для Горбунова убили белоснежную полярную чайку и несколько куличков. По пути подбиваем чистика. Это—серая небольшая птица с яркокрасными лапками.

Вернувшись на корабль, Ушаков с Власовым летят в разведку. Ушаков летит к знакомым местам, на исследование которых отдал два года своей кипучей жизни.

Через час начальник возвращается радостный и оживленный. Все в порядке. Неприметные острова лежат между мысами

Фрунзе и Литвинова. Ушаков не заметил их в 1931 году потому, что ходил здесь в мае, когда море было замерзшим, а острова, покрытые снегом и льдом, сливались с морем. В нескольких милях от островов лежит берег самого северного на Северной Земле острова Комсомолец.

Давно мы не видели начальника таким довольным. Мы хорошо его понимаем. Его карта 1931 года целиком соответствует действительности. Ушаков справедливо может гордиться точностью своей работы, точностью советской географии. Все поздравляют его с открытием хотя и неприметных, но весьма важных в навигационном отношении островов.

— Выбрать якорь!

Идем на запад, опять к белому пятну.

Начинается третий месяц похода.

Отойдя на восемьдесят миль, наткнулись на ледяное поле и повернули вдоль кромки на север. Впереди и на востоке — открытое море.

Систематические промеры глубин показали, что мелководье отделяется от Северной Земли широким и сравнительно глубоким жолобом, соединяющим Карское море с центральной частью Полярного бассейна, подобно западному жолобу, проходящему между мелководьем и Землей Франца-Иосифа.

Вчерашний и сегодняшний дни ознаменованы еще одним интересным открытием: гидрологи обнаружили, что по восточному жолобу на глубине ста метров проходит теплое течение атлантического происхождения. О его существовании здесь не подозревали.

К десяти часам вечера 9 сентября достигли широты 81°32′, снова перешагнули за пределы навигационной карты. Капитан отмечает путь на чистом листе бумаги, приколотом к карте.

Мы почти привыкли к белому пятну. И даже странным кажется, что туман не очень густ. Почти все время идем чистой водой.

«Порыскаем еще немного, закончим работы по обследованию белого пятна и, очевидно, пойдем к острову Шмидта», так предполагали все.

В полночь на 10-е «Садко» повернул к острову Шмидта, на восток. А утром налетел жестокий шторм. Волны грозно перекатывались через палубу, смывая незакрепленные предметы. В каютах грохотали стулья, падали книги, графины, чашки.

Корабль лег в дрейф. Бушующий океан бросал его, как щепку. Высота волн достигала семи метров. Шторм за восемьдесят первой параллелью — явление явно парадоксальное.

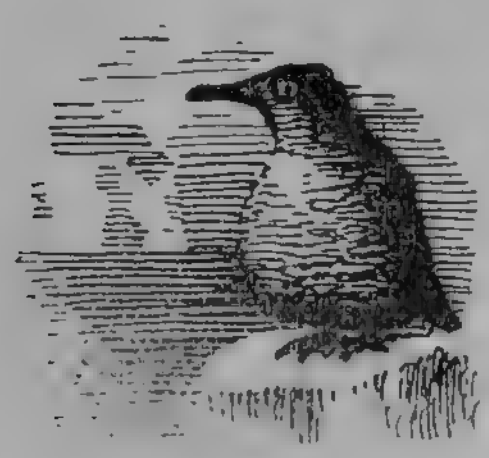
Научные работы почти прекращены, все стоящие на ногах бросились на помощь команде — крепить грузы. Барометр про-

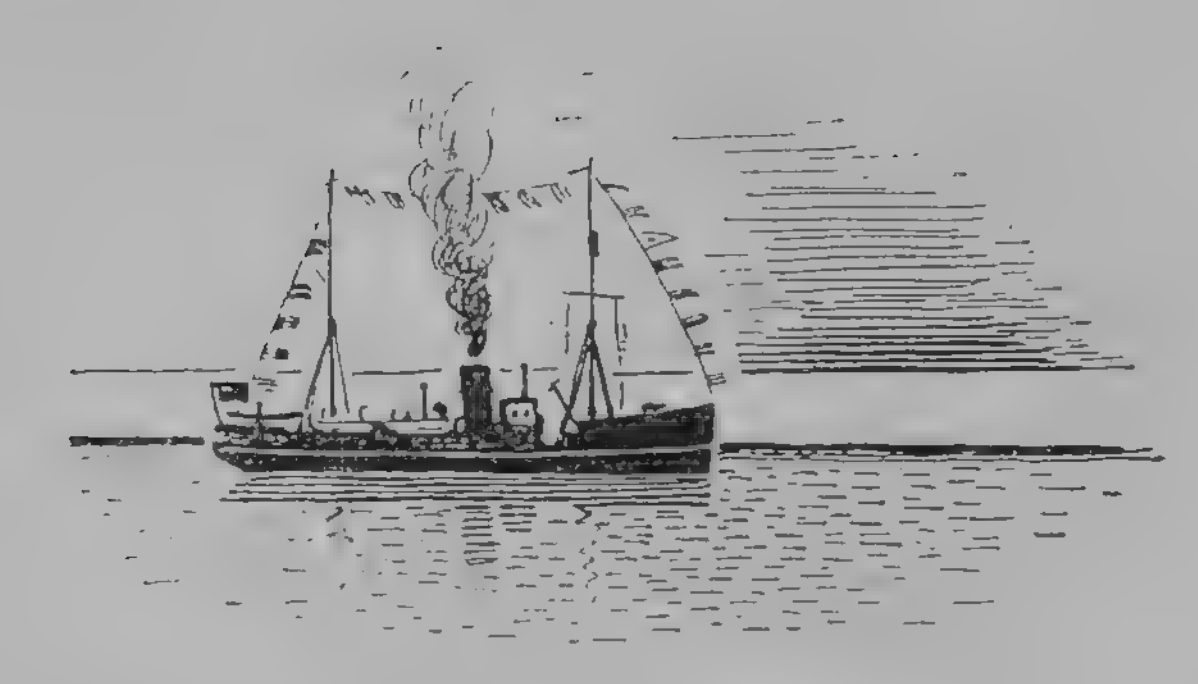
Айсберг у островов Неприметных.

должает падать. Чуть не унесло Журавлева, отправившегося на корму спасать медвежьи шкуры, развешенные для просушки. Трудно было предположить, что здесь, за восьмидесятой параллелью, окажутся такие огромные пространства чистой воды.

Нас относило на юго-восток по две-три мили за вахту. 11 сентября вечером корабль оказался снова у мыса Литвинова, у тех самых трех островов, которые были открыты четыре дня назад.

Шторм стих. «Садко» повернул на север, к острову Шмидта.





ЧАСЫ И МИНУТЫ

По морю еще бродит мелкая зыбь—память о недавнем шторме. Боцман чинит «усадьбу» поросят, разбитую волной. На корме грустит Журавлев: ветер унес две медвежьи шкуры. В каютах спят люди, два дня защищавшие от бури самолеты и палубные грузы: бочки с горючим и соленьями, собачьи домики и их обитателей.

После двухдневной беспрерывной качки пришлось восстанавливать сломанные деревянные надстройки. Завхоз погоревал о нескольких бочках с соленой рыбой, смытых волной с палубы.

Прошел мелкий дождь. Море чисто, изредка проплывают одинокие небольшие льдинки. Волны и ветер разметали и разбили льды; кое-где ледовые поля перетерты в хлопья ледяной ваты. Путь на север расчищен.

Морской шторм за восемьдесят первой северной параллелью так же необычен, как снежный ураган в Кара-Кумах. Но зато теперь впереди—чистая вода. Кромка льдов отброшена бешеным ветром к северу. Ледовое небо—узкая белая полоса, отраженная далекими льдами, окаймила горизонт лишь с северо-востока. Вверху яркое солнце. Блестящие дорожки, прорезая темнозеленые воды моря, тянутся от корабля к горизонту.

«Садко» пошел к северу.

Рано, «на рассвете», 12 сентября подходим к острову Шмидта. Ровным караваем лежит ледяной купол. Склоны ледника изрезаны тысячами полос, точно следы лыж на снегу.

Многометровая толща ледника скрывает под собой землю.

Лед стекает со всех сторон к морю и обрывается над водами отвесной двадцатипятиметровой стеной.

Остров Шмидта был открыт в 1930 году, когда «Седов», высадив на архипелаге Северной Земли зимовщиков во главе с Ушаковым, продвигался дальше к северу и наткнулся на сушу, лежавшую несколько восточнее Северной Земли. Через два года вблизи острова проходил «Сибиряков». И вот третий корабль—«Садко»—обошел остров.

В рубке люди смеются, склонившись над картой. Пользуясь выглянувшим солнцем, штурманы точно установили местонахождение «Садко». Выяснилось—корабль расположился... на территории острова. Оживленно совещаются гидрографы. Им предстоит уточнить карту.

Начинается опись берегов. Берут пеленги. В разгаре обхода Женя Гершевич включает радио. Диктор сообщает, что «товарищи, желающие ехать в пригородную экскурсию, должны захватить непромокаемые плащи, на случай дождя» и что «в ближайшие дни начинается выдача дров по талонам № 2». Московские новости за восемьдесят первой параллелью звучат веселой шуткой.

Наступает день больших событий на «Садко».

Справа открывается мыс Молотова—самая северная точка Северной Земли. Под голубым куполом неба выглянули темные массивы небольшого ледника.

Только один корабль сумел обогнуть мыс Молотова и увидеть его с моря. Это «Сибиряков», совершивший поход из Архангельска во Владивосток.

Ушаков не уходит с мостика. Он рассматривает ледяные скалы, ледниковый купол, покрывающий мыс. Сколько воспоминаний приносят знакомые берега и горы! Но, пожалуй, больше сейчас волнуют начальника не воспоминания, а то, что впереди—чистая вода, хорошо проходимые льды.

У мыса Молотова экспедиция закончила продвижение на восток, выполнив свой план. Пройден огромный район высоких широт от границы гренландских льдов до Северной Земли, 110° по долготе, почти треть окружности полярного круга.

Два коротких месяца отделяют арктическую весну от осени. Эти месяцы корабль провел в погоне за солнцем, продвигаясь все севернее и восточнее. Весеннее молодое солнце, радовавшее нас в Северной Атлантике, стало скупым, осенним... Вот и сегодня солнце уже не может высушить корабль, отсыревший от мелкого дождя, не может растопить легкую плешку

снежуры и ледяных блинов—молодого льда, покрывающего море. Дни становятся короче. Близится полярная ночь.

Позади пять морей. Сквозь льды и штормы, по огромному пространству, которое еще недавно считалось недоступным, наш красавец-корабль прошел совсем не плохо. Недоступность Арктики—это понятие, явно отходящее в прошлое.

...Когда за мысом Молотова показались огромные просторы чистой воды, волнение невольно охватило всех. Мы идем на север, перекрывая с каждой минутой рекорды многих судов.

— Идем напрямик к полюсу—шутят некоторые.

В небольшом ледовом заливчике на 81°30' «Садко» останавливается для очередной станции. Все на палубе, на рабочих местах.

За восьмидесятой параллелью пришлось надеть ватники, меховые куртки, теплые шапки и рукавицы. От яркого полярного солнца и страшного полярного врага—снежной слепоты—защищают очки.

На станции гидрологи снова вооружились длинными жердями и баграми. Беспокойные льдинки то и дело подбираются к борту. Надо быть начеку!

Сорок лет назад Фритьоф Нансен на вмерзшем в лед «Фраме»—корабле, восхищающем и сейчас наших судостроителей и полярников,—попытался проникнуть в самое сердце Северного Ледовитого океана. Он доказал, что в центре Арктики лежит совсем не мелкое море, а глубокий океан. Слабая техника не позволила Нансену исследовать морское дно и собрать образцы животных, населяющих воды Полярного бассейна. Нансену удалось взять гидрологические пробы и замерить температуры. О спуске трала или драги на ручных лебедках он не мог и мечтать. Живой мир, населяющий толщу вод Полярного бассейна, оставался неизведанным.

Потом, вслед за Нансеном, десятки экспедиций пытались проникнуть за черту, отделяющую неглубокие, континентальные моря от океана—сердца Полярного бассейна. Одних влекла жажда знаний, других—спортивный азарт. Корабли поднимались к восемьдесят первой параллели, бились во льдах и отступали ни с чем. Одной только американской подводной лодке «Наутилус» в 1931 году удалось провести промеры больших океанических глубин в районах северо-западнее Шпицбергена. Маршруты прославленных экспедиций обрывались, не доходя до материкового склона, не пересекая заветной, словно заколдованной, границы.

Закончив станцию, «Садко» снова пошел на север. Курс

триста тридцать градусов чистой водой. Изредка обозначается ледовое небо, но льдов нет. Кромка пропала. «Садко» настигает ее. На белоснежно-чистом поле карты вырастают цепочки цифр. Это—промеры глубин моря, указатели для будущих мореплавателей.

В полночь 12 сентября корабль достиг 82°06′ северной широты. Такой широты «Садко» еще не достигал.

82°06′!

Цифра эта облетает все помещения корабля. Бывший сибиряковец Миша Марков вспоминает, как «Сибиряков», обходя мыс Молотова, дошел до 81°27′.

82°06′!

«Садко» приближался к 82°27′—точке «Малыгина», поставившего мировой рекорд продвижения на север управляемого, не дрейфующего, корабля.

Содрогаясь от напряжения, корабль поглощает расстояние, и садковцы жалеют, что эти минуты и секунды не соответствуют минутам и секундам времени. К сожалению, каждая минута на карте требует пяти-шести минут на часах.

То и дело вахтенный штурман подносит ко рту свой свисток—старинный боцманский атрибут, знакомый всякому школьнику по классическому выражению приключенческих романов—«свистать всех наверх».

Однако сейчас свисток лишь сигнализирует вахтенному матросу: сбегай на корму, посмотри на счетчик лага—сколько прошел корабль за последние минуты.

Уже темно. Летняя полярная ночь приносит с собой свежесть—три градуса ниже нуля.

82°14′!

Корпус корабля перестает вибрировать—очередная остановка для промера глубины.

Хорошо запомнилось, как, узнав «свежие» координаты, мы вернулись в свою каюту, заговорили о завтрашнем дне Советской Арктики, о будущих советских исследовательских кораблях, которые избороздят просторы океанов от Антарктики до Арктики.

Вдруг в соседнюю каюту постучались.

— Михаил Гаврилович, замерьте, пожалуйста, глубину с вашей лебедки,— послышался смущенный голос вахтенного матроса комсомольца Вали Старкова.

Штурман, активно работавший во время шторма, вконец измотался и после станции лег спать.

— Прямо безобразие, не могут сами взять,— сказал кто-то из нас.

— Мы уже тысячу двести метров на «трамвае» стравили и дна не нашли,— пояснил Старков.

Тысячу двести!..

Нас точно выбросило в коридор. В открытую дверь видно было, как Марков, заспанный и серый от усталости, поспешно натягивал сапоги. Шерстяная портянка выбилась за голенище. У трапа он догнал нас, забыв надеть шапку, застегивая на ходу грязный, измазанный илом ватник.

Тысяча двести! Значит, мы в Полярном бассейне, там, где еще ни разу не проходил свободный корабль, где не гуляла драга, где живет мир, совершенно неизвестный человеку!

Обычно в часы остановок или станций можно зайти в кают-компанию и наспех выпить кружку горячего чая. Устиныч уже давно махнул рукой на все эти внеплановые, ночные чаепития. Даже Ушаков и тот не укладывается в регламент.

Однако на этот раз чаепитие не состоялось. Молниеносно по кораблю распространилась весть о том, что лот для промера спустили на глубину тысяча двести метров и не достигли дна. Предыдущий промер показал глубину в триста шестьдесят метров.

Через несколько минут у кормовой лебедки столпилась оживленная группа. Тяжелая чугунная трубка Экмана умчалась вниз в погоне за неожиданно оборвавшимся морским дном. Бегут стрелки счетчика.

— Пятьсот!

— Восемьсот!

— Тысяча!

— Тысяча двести!

Лебедка, стуча, разматывает стальную нить, увлекаемую тяжелой чугунной трубой.

— Полторы! — кричит Марков. Трос напряжен, как струна. Ясно: трубка еще не добралась до дна. Счетчик показывает две тысячи.

Люди почему-то разговаривают шопотом. Волнуются. Каждую минуту подходят все новые и новые.

— Сколько? — спрашивают они.

Трос сматывается утомительно долго. Заходим к Г. П. Горбунову. Склонившись над стеклянными кюветами, заваленными грудами животных, выловленных на дневной станции у мыса Молотова, он старательно выбирает пинцетом рачков и креветок, сортируя животных по классам и родам. Даже сейчас Григорий Петрович верен себе. Он не уходит из лаборатории,

пока не окончен разбор, хотя глубины волнуют его, пожалуй, больше всех. Ему предстоит честь первому из гидробиологов рассказать о жизни дна Северного Ледовитого океана.

В кочегарке сменилась вахта. Не помывшись, она пришла на корму. В это время резко заглох звук мотора. Трубка достигла дна, захватила пробу, и сразу обмяк, ослаб стальной трос. Счетчик показывает две тысячи триста метров.

Если даже взять поправку на дрейф троса, хотя он и оттянут тяжелой трубкой, достигнута глубина в две тысячи двести метров. Это абиссальные глубины Северного Ледовитого океана.

Идет утомительная «вира». Около часа выбирают трос. Но вот трубка наверху, она приносит столбик грунта длиной в семьдесят сантиметров!..

— Понимаете, мы перешагнули ступень, отделяющую материковую отмель от океанических глубин. Мы вошли в центральный Полярный бассейн. Мы...

Ученый не договаривает и, махнув рукой, убегает. Волнение его понятно. «Садко» вошел в неизведанный Полярный бассейн. Ученые-садковцы первые среди ученых мира получили возможность взять здесь пробы грунта, планктонных обитателей и придонных животных. Садковцы первые узнают, как живет Полярный бассейн.

Капитан Николаев, обжигаясь, допивает стакан черного кофе. Промер окончен, надо итти вперед.

Первая на земном шаре проба грунта с ложа Ледовитого океана старательно укутана и уложена в деревянную коробку. Корабль идет к северу. Мачты его украшены флагами. Из репродукторов грохочет бравурный марш Шуберта. «Садко» проходит последние мили, отделяющие его от самой северной точки, когда либо достигнутой управляемым судном. Ожидая сигнального гудка станции, мы говорим о родине, о радости, с которой страна встретит наш успех, о близких, родных и товарищах на Большой земле.

Капитан не покидает мостика. Каждые десять минут ему докладывают о широте, достигнутой кораблем. Перед ним записка:

«София» (Норденшельда, 1868 г.)	81°43′
«Красин» (1928 г.) Экспедиция по спасению Нобиле .	81°47′
«Наутилус» (подводная лодка Уилкинса, 1931 г.) . . .	81°59′
«Стела Поляре» (Италия, 1900 г.)	82°04′
«Книпович» (стотонный бот, 1932 г.)	82°05′
«Седов» (1932 г.)	82°14′
«Малыгин» (1932 г.)	82°27′

Невозмутимый Николай Михайлович ставит одну за другой птички. Еще один рубеж пройден. Близка черта «Малыгина».

— Николай Михайлович! Прошли восемьдесят два тридцать!

— Поднять государственный флаг! Будем итти до кромки.

Расцвеченный «Садко» гордо несет алое знамя. Торжественные гудки нарушают полярное безмолвие. Столпившись на палубе, рассматриваем просторы льдов. На мостике оживленные, взволнованные и вместе с тем сосредоточенные люди. Вспоминают прошлые походы. Море молчаливо и безжизненно. Оставляя позади светлый след, корабль грудью рассекает море. Подходим к кромке.

Первая станция в Полярном океане и девяносто девятая на пути «Садко».

Снова повезло М. Г. Маркову. Выглянуло солнце, и он по секстану точно определил широту.

82°41′,6! Впереди кромка льда. Дальше нужно вступать в борьбу с ледяными полями. Это значит рисковать кораблем, людьми. «Садко» остановился.

Позади черта «Седова» — 82°14′, черта «Малыгина» — 82°27′. Замечательные рекорды двух советских кораблей уступили место новому мировому рекорду, поставленному третьим советским кораблем.[1]

---

[1] Спустя три года (в августе 1938 года) этот рекорд высокоширотного плавания был превышен ледоколом «Ермак». Выполняя ответственное правительственное задание по выводу изо льдов дрейфующих судов каравана «Садко», ледокол «Ермак» достиг свободным плаванием широты 83°4′,5 в районе к северо-западу от Новосибирских островов.

История этого дрейфа такова. Группа ледокольных судов («Садко», «Малыгин» и «Седов»), встретив 29 октября 1937 года старые смерзшиеся льды вблизи о. Белковского, тщетно пыталась их пройти и была зажата льдами. Суда понесло дрейфом на север, почти по пути «Фрама». Выйдя выше Новосибирских островов, суда начали дрейф на северо-восток (до меридиана о. Беннета). Здесь ледоколы вышли на океанические глубины. Затем силой дрейфа их увлекло на северо-запад. Чрезвычайно извилистый путь дрейфа позволил собрать научные сведения об огромном районе, лежащем к северу от Новосибирских островов. Раньше этот район не посещался человеком и сведения о нем были чрезвычайно скудными и случайными.

В марте 1938 года воздушная экспедиция летчиков А. Алексеева, П. Головина, Г. Орлова, выполняя задание правительства, завезла на караван «Садко» продовольствие, зимовочное снаряжение и вывезла оттуда 184 человека. На трех кораблях осталось только 33 человека, необходимых для наблюдений за сохранностью кораблей и ведения научных работ.

Ледовый плен продолжался десять месяцев. За это время корабли, зажатые льдом, прошли вместе с ними свыше полутора тысяч миль.

Штурману М. Г. Маркову удалось точно определиться по солнцу.

В море начинают опускаться тросы с сетками, тралами, драгами, батометрами, термометрами, трубками, вертушками. В воздух уходит радиозонд. Кипит работа. Люди стараются взять как можно больше проб, сделать как можно больше измерений.

Опустели каюты. Застыв у релингов, напряженно следим за уходящими глубоко в море длинными стальными нитями. Их все больше. Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Кажется, что эти нити—продолжение человеческих рук.

На полубаке одетый в брезентовый дождевик и ушастую меховую шапку спокойный и неторопливый Г. П. Горбунов. На главном «проспекте гидрологов», в своей неизменной кожанке, тщательно выбритый Березкин. На корме выглядывает зюйдвестка Богорова. Все на местах. Движения быстры и четки.

На этой самой высокоширотной станции не обошлось без происшествий.

Горбунов для страховки выпустил с тралом все пять тысяч метров троса. Косой стрелой трос соединил палубу с далеким морским неводом. Тем временем на «трамвае» спустили два батометра на две тысячи триста пятьдесят и две тысячи метров. Через полчаса, выждав, пока дойдет грузик, начали выбирать. «Трамвай» не идет. Пришлось прибегнуть к обычному россий-

скому методу—запеть «Дубинушку» и в четыре руки с помощью двух стоек поворачивать шкив лебедки, помогая пыхтящему мотору. Подобрали метров восемьдесят. Больше нехватило сил. Решили подождать, пока судовая электростанция разгрузится от остальных лебедок.

В это время выбирали трал. Вдруг на поверхность воды вместе с тралом вынырнула сложная паутина перепутавшихся стальных нитей от нашего «трамвая». Трал, оказывается, захватил батометры. Гидрологи свое имущество быстро освободили, но трал порвался. В нем не было долгожданных животных из пучины Ледовитого океана.

Изменился ветер. Льды грозили отрезать тыл корабля. А вторичный спуск трала должен был занять два-три часа. Что делать? Неужели уйти побежденными от рубежей, которые уже столько раз прогоняли от себя людей.

На месте Горбунова другие решили бы просто:

— Отступать.

Это значило покончить с мечтой.

Минут через пятнадцать в кают-компанию вбежал Зубов.

— Где Горбунов? Он закончил станцию?

Уже позднее мы узнали, что Горбунов потихоньку от всех решил еще раз спустить трал. На полубаке грозно урчала его лебедка, сбрасывая вторично трал на дно океана. Спрятавшись за бухту троса, Горбунов потравливал канат. Он во что бы то ни стало решил добиться своего и взять образцы бентоса со дна глубокого Полярного океана.

На этот раз кошелка Григория Петровича принесла причудливых рачков, ежей, рыбок. Горбунова наперебой поздравляют. У трала—толпа любопытных. Улов чрезвычайно обилен. Не допуская к своей добыче, в тысячный раз за двадцатипятилетнюю биологическую практику Григорий Петрович перебирал сети трала. Но сегодня он особенно тщательно промывал каждый камешек, выбирая пинцетом животных морского дна—образцы-уникумы...

В три часа ночи началась эта научная станция, и только в полдень она кончилась. Легко и весело работали возбужденные люди, не спавшие двое суток, прошедшие через ночь величайшего напряжения.

Это была ночь побед советской науки, большевистской настойчивости.

В эту ночь полярное безмолвие прорезали торжественные гудки советского корабля; на недосягаемых широтах Арктики поднялось алое знамя нашей родины. В эту ночь наша страна одержала еще одну замечательную победу.

И когда в полдень склянки позвали к обеду, в кают-компанию шумно вошли оживленные, переполненные радостью люди. Только одно омрачало их радость: необходимость покинуть эти широты, так как ледяные блины густой массой окружили корабль.

«Стоило прожить жизнь, чтобы взять такую станцию!»

Это сказал планктонолог Богоров.

Он был не брит, под глазами синяки, руки покраснели от ледяной воды. Жесткими, несгибавшимися пальцами держал он перед собой ванночку, в которой копошились красные продолговатые усатые креветки.

— Вот это усы!

Усы, действительно, были замечательные — тонкие, длинные, раза в три длиннее туловища.

Первая и единственная комплексная научная станция, проведенная в глубинах Полярного бассейна, приподняла завесу над тайнами Ледовитого океана, о жизни которого до сих пор могли только строить предположения.[1]

Сорок лет назад великий Нансен обнаружил на глубине от ста пятидесяти до семисот пятидесяти метров в толще Полярного океана теплые, видимо атлантические воды. Понятен поэтому трепет, с которым ждали результатов гидрологических работ.

Вот пришел первый батометр. На этот раз обыденный, привычный прибор берут в руки особенно осторожно, точно хрупкую вазу. Как драгоценность, берегут каждую каплю воды, принесенную с глубины.

Пришли батометры с глубины сто пятьдесят, двести, двести пятьдесят, триста метров. Березкин отсчитывает.

— Атташе —0,6. Главный +2,4.

— Плюс? Неужели?

— Да!

---

[1] Замечательные исследования Северного Ледовитого океана провела героическая полярная экспедиция на дрейфующей льдине «Северный полюс». Наблюдения Героев Советского Союза И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, П. П. Ширшова и Е. К. Федорова открыли новую славную страницу арктической науки. Теплые воды атлантического происхождения были впервые прослежены по всему пространству океана. Было опровергнуто предположение Нансена о бедности жизни в околополюсном районе. Интереснейшие магнитные и гравитационные наблюдения позволили составить карту магнитных склонений, исправили представления о фигуре земного шара и его северной «макушки». Труды папанинцев подтвердили полностью все предположения, высказанные в результате работ нашей первой высокоширотной экспедиции.

Один за другим вестники глубин Полярного океана приносят со всей толщи от ста пятидесяти до семисот пятидесяти метров неизменный плюс. На окраине Ледовитого океана наши гидрологи снова устанавливают наличие шестисотметровой теплой прослойки.

Химики Чигирин и Лактионов уходят в лабораторию. Они исследуют пробы, взятые Березкиным и Балакшиным. Какова щелочность, соленость, сколько в них кислорода. Березкин мокрыми, онемевшими пальцами, в которых еле-еле держится карандаш, нервно и возбужденно записывает глубины и температуры. Пуговицы его кожанки уже давно отлетели. Осталась одна, у самого воротника, и ветер надувает куртку, как парус. Но Березкину не до этого. В его аккуратной записной книжке вырастает колонка цифр, и эта колонка для него сейчас важнее всего на свете.

На глубине четыреста метров +2,6. Вот она, могучая теплая река, великий Гольфстрим, не покидающий нас на всем огромном пространстве высоких широт. Окончательно и бесповоротно подтвердились предположения о продвижении теплых вод Атлантики в пучинах Ледовитого океана.

Из толстой чугунной трубы геолог выжимает жирный, блестящий, толщиной в руку, столбик грунта. Геолог уносит этот ливер, как мы его называем, в свою лабораторию и бережно, чтобы не сломать, укладывает на длинные листы бумаги. Потом геолог втянет в тонкую стеклянную трубочку тонкий столбик ила, запаяет ее и доставит свежий, влажный грунт в Ленинград для бактериологических исследований. Даже цвет грунта останется неизменным. В Ленинграде, в лаборатории, окруженные приборами и аппаратами, ученые будут изучать эту единственную на земном шаре пробу, чтобы еще лучше познать историю и строение нашей планеты.

Уже с первого взгляда видно, что это красная глина, свойственная лишь древнейшим океаническим глубинным отложениям. Глина, находка которой принесла всемирную славу экспедиции «Челенджера».

Месяц назад красная глина была поднята нашей экспедицией из пучин Гренландского моря. Сейчас такой же ил извлечен из Полярного бассейна. Одним ударом разрушена теория о геологической молодости Ледовитого океана. Этот океан так же стар, как Тихий, как Атлантический. Сколько новых проблем перед геологией, перед наукой ставит это открытие...

Жизнь Ледовитого океана оказалась типично атлантической — чрезвычайно похожей на жизнь глубокого Гренландского моря.

До сих пор ученые предполагали, что «порог Нансена» пре-

Гайдо. На девяносто девятой, самой высокоширотной, станции он забрался за лебедку и все время станции не уходил оттуда, внимательно наблюдая за работой.

граждает доступ для атлантических животных к вершинной точке земного шара. Но оказалось, что здешние обитатели моря—прямые родственники фауны Атлантики.

В этом убедились и Богоров, и Горбунов. Их последняя добыча отличалась от уловов, которые они получили южнее и западнее, только размерами.

Казалось, что прямо с таблиц экспедиций, исследующих недра Атлантики, или популярной океанографической книжки ожили все эти усатые креветки, хищные рачки и глубоководные рыбки. Гольфстрим принес в Арктику не только тепло, но и жизнь. Итак, еще одна загадка природы расшифрована. Нет обособленной жизни Ледовитого океана, нет непрерывного порога Нансена—подводной возвышенности между Шпицбергеном и Гренландией, разделяющей жизнь двух великих океанов земли.

В аптекарских склянках, закрытых притертыми пробками, поверх которых натянуты детские соски, захваченные запасливыми биологами, хранятся залитые глицерином, спиртом и формалином уловы девяносто девятой станции. Маленькие белоглазые креветки с длинными антеннами усов сохранили свой непередаваемо-красный цвет. Застыли в банках трупы

рачков-бокоплавов, вооруженных тяжелыми клешнями для обороны и захвата добычи. Придонные креветки, страшные хищники микроскопического мира, с крепкими челюстями, которыми они пашут грунт в поисках пищи, уместились на полке рядом с голотуриями и голубой глубоководной рыбой. Рыбка слепа, у нее белые беспигментные глаза.

Но если атлантические формы живут на границах Полярного океана, значит они распространены и по всему дну, так как в придонных водах очень слабы течения, а температура не ниже установленных нами —0,6,—0°,7.

Все это совершенно изменяет представление о жизни Ледовитого океана.

Ученые предполагают, что в первые дни мироздания живые существа зародились в тихоокеанских просторах. Этот океан был очагом и рассадником жизни на земле. Долгие годы перед наукой стоял вопрос: по каким путям жизнь заселяла Атлантику и наши материковые моря. И кто знает, если сегодня признан возраст Ледовитого океана, если окончательно утверждено за ним имя океана, быть может будущим советским экспедициям предстоит доказать человечеству, что Северный океан был не так уж безжизненен в прошлом, что именно он являлся рукавом, по которому распространялась жизнь.

— Да, из-за одной такой станции стоило отправлять экспедицию.

Полярные тропы, идущие к сердцу Арктики—в Северный Ледовитый океан,—исхожены десятками судов. Но ни одному из них не удавалось перешагнуть грань, отделяющую моря-заливы от самого океана. Люди на борту «Садко» первые на земном шаре перешагнули границу неприступного Северного океана. Счастлив человек, который в наши дни, когда все меньше становится неразгаданных тайн природы, срывает завесу еще с одной из таких тайн.

Александр Македонский, ворвавшись в Индию, впервые увидел слонов. Это не было открытием для человечества. Задолго до него индусы ездили на прирученных владыках джунглей. Когда испанцы вывезли в Европу картофель, это было тоже лишь перенесением на европейскую почву опыта, накопленного людьми Америки. Во сто крат значительнее было открытие дельфийского привратника Левенгука, изобретателя первого микроскопа, обнаружившего в капле воды фантастический мир незримых мельчайших существ—бактерий, микробов, которые рождались, жили, боролись и умирали, невидимые человеку. Можно понять трепетное волнение и радость Левенгука. Такое волнение владело в дни 12—13 сентября нашей экспедицией...

Солнце. На палубе прыгает крохотная серенькая птичка—полярный воробей—пуночка.

Убита неожиданно выглянувшая нерпа. Биологи радостно жмут руку стрелку, подстрелившему «самую северную» нерпу. Ее желудок—своеобразная планктонная сетка, его надо вскрыть для того, чтобы увидеть животных, которыми она питается.

Шумный, веселый обед. Вылазку «Садко» называют «прыжком разъяренного тигра». Произносятся тосты за грядущие успехи, за Бабушкина и Горбунова, работающих «над» водой и «под» водой двадцать лет, за В. И. Ножкина—ходячую морскую энциклопедию, за «Садко» и будущие исследовательские корабли.

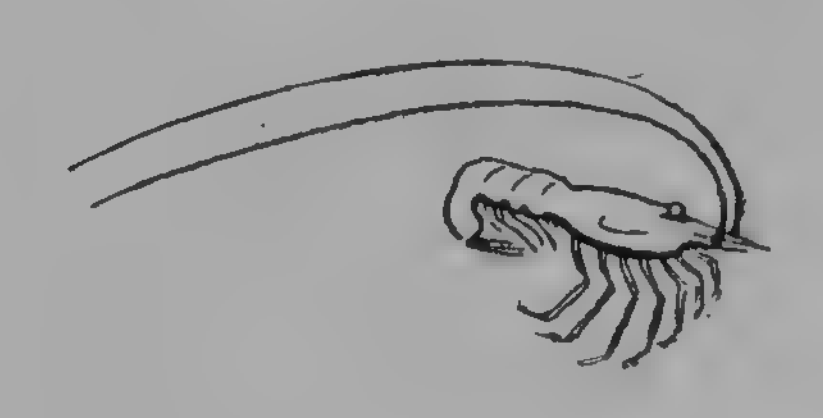
С удивлением отмечаем, что подходит к концу 13 сентября. Быстро пролетели два дня, слившиеся воедино. Мы не спали тридцать с лишним часов. Но еще долго в лабораториях и каютах кипит жизнь. Научные работники должны запаковать образцы, журналисты—отправить подробные телеграммы (молнии уходят каждый час) о станции и рекорде.

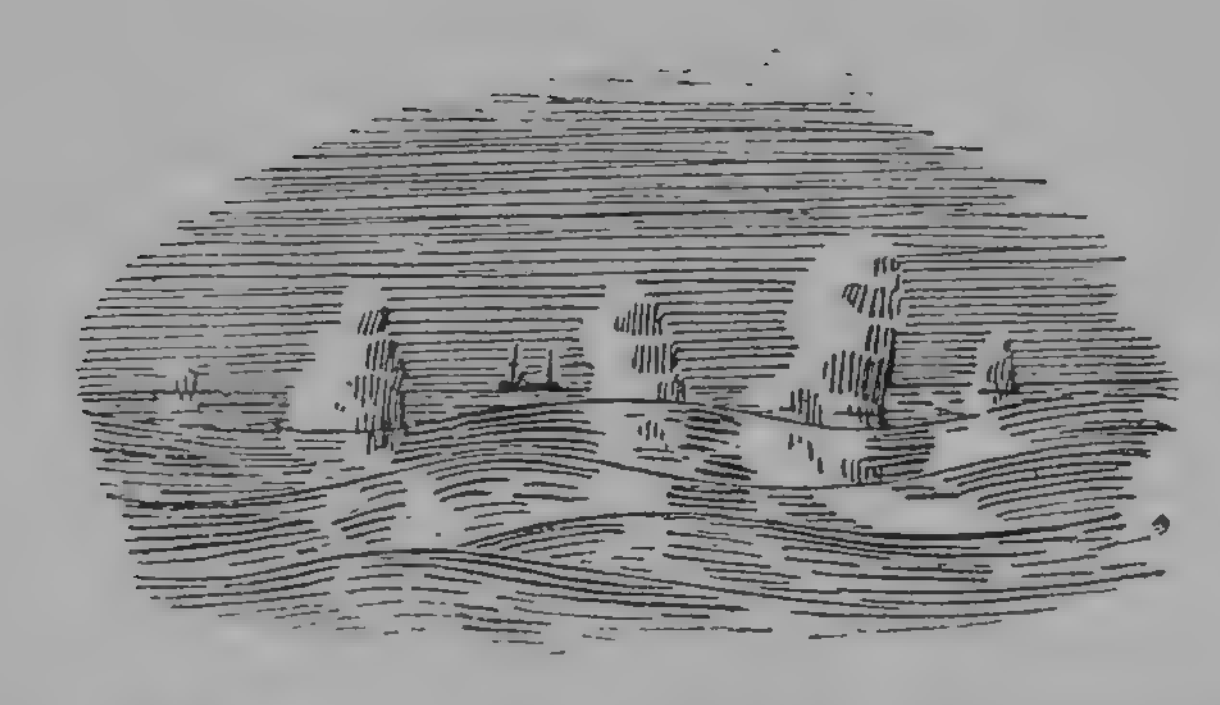
Сегодня еще дань празднику. Завтра—будни тяжелой борьбы со льдами, вдоль кромки которых мы двинемся на юго-запад. Экспедиция вступает в завершающий этап.

Ледяные блины лежат на гладкой и спокойной воде. Они серебрятся, как рыбья чешуя. Термометр отмечает —9°. Еще несколько холодных дней, и блины вырастут в плотный молодой лед. Поэтому так насторожены Ушаков, капитан, штурманы. Ледовая «масленица» пришла грозным вестником близкой зимы. Что сулит нам завтрашний день непокорной и своенравной Арктики? Слово «зимовка», давно изгнанное из нашего обихода, снова готово прозвучать в воздухе.

Опять на мостике капитан, штурманы, ледовые вахты.

Уходим на юг, к восьмидесятой параллели.





БЕЛОЕ ПЯТНО БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Наше плавание—урок новой ледовой тактики. На трех законах зиждется этот пока еще неписанный устав плавания кораблей во льдах.

«Войти в лед всегда успеешь».

«Мужество отступления часто не меньше мужества наступления».

«Идя вперед, трижды проверь тыл».

Сколько раз приходилось вспоминать эти советы, бороздя район белого пятна.

— Надо плавать среди льдов, льдов не касаясь,—этими словами О. Ю. Шмидт метко определил идеал ледовых плаваний.

— Самый длинный путь по чистой воде много короче, чем самый короткий во льдах,—говорит Зубов.

У Греэм-Белла, покинув льды и выйдя на чистую воду, мы решили наступать на север лишь тогда, когда почувствовали зыбь—это дыхание открытого, свободного ото льдов моря.

Второй рывок на север от юго-восточной оконечности мелководья начался походом... к югу.

«Надо обеспечивать свой собственный тыл и выигрывать тыл противника», пишет Клаузевиц.

Мы не изменяли этому золотому правилу военной стратегии.

Сейчас блинчатый лед покрывает море. Это—вестник осени и скоро приходящей зимы. Надо отступать.

Подходит уже сто третья станция, но в каютах попрежнему живут успехами невиданной, непревзойденной станции над абиссалями Полярного бассейна.

Снова на засаленном полотне карты штурманы ставят точки. Мы входим в район белого пятна, которому отдали столько сил и дней похода.

14 сентября. Шестнадцать часов. Отмечаются координаты: 80°33′ северной, 82°28′ восточной.

Идем вдоль восточной окраины мелководья, безуспешно пытаясь найти проход на запад среди ледяных полей, удерживаемых стоящими на мелководье стамухами. Огибаем море «Садко» с юга, сворачиваем на юго-запад, на юг, снова на юго-запад. Обходим ледовый язык, спускающийся с севера. Термометр отмечает —3°,6. Холодно, ветрено. В море шуга.

15 сентября. Четыре часа. Координаты: 80°31′, 79°26′.

Подходим к острову Ушакова. Опять выглянула его знакомая ледяная корона. Это уже в третий раз.

Шестнадцать часов—81°31′, 74°39′.

Становится холоднее. Температура воздуха упала до —9°. Надо спешить. А море спокойно. Полный штиль. Вода замерзает на глазах. Блины твердеют, обрастают новым льдом. Они уже замедляют ход корабля. Они сопротивляются, красиво изгибаясь на волнах, возникающих у носа нашего корабля.

Вечером Ушаков наводит справки: сколько хода до Варнека, до мыса Желания, сколько от мыса Желания до Архангельска и от Варнека до Архангельска.

Пресной воды осталось на двенадцать-тринадцать суток. Но пополнить запасы негде. Голубые старые льды исчезли с пути. Так и не придется Факидову провести большую ледовую станцию. Его прозвали «Ледовиком несчастным».

Вдоль западного склона мелководья мы пытаемся еще раз прорваться на север. Надо до конца использовать помощь южного ветра, который оттеснил льды к северу, а частью уничтожил их, перемолол в игольчатые, колючие хлопья. Мы поднялись на север в этом районе несколько выше, чем в первый раз, но все же, к сожалению, опоздав. Ветер изменил нам. Задувает норд-ост. Температура падает все ниже. Она опускается до —10°. Молодой лед уже звенит под носом ледокола.

Ушаков, Николаев, Зубов не уходят с мостика. Зимовка сейчас, когда экспедиция заканчивает свои работы, была бы несчастьем. Корабль идет со скоростью двенадцать-тринадцать узлов. Но у нас еще есть кое-какой запас скорости. Недаром в одной старинной инструкции рекомендуется «использовать все средства, отнюдь не напирая на оные».

За кормой вытягивается дорожка чистой воды. Она разрезает ледовый блинчатый покров на лоснящиеся сальные шкуры, каждая из которых тянется до горизонта. У Греэм-Белла

в каюте начальника разгорается ожесточенный спор: входить или не входить в пролив Моргана между Землей Греэм-Белл и Землей Вильчека. Решено не итти. А пролив открыт, и просторы чистой воды манят зайти туда, в сердце архипелага шестидесяти островов.

Спускаемся до восьмидесятой параллели. На восток по этой широте последний гидрологический разрез.

Итак, с севером Карского моря покончено. Белое пятно на севере Карского моря больше не существует. Оно исчерчено вдоль и поперек нашими разрезами и галсами. Нет больше неясностей в его географии и гидрографии.

Последняя—сто седьмая—станция проходит вблизи острова Визе. Скоро домой. До свидания, Арктика!

Последним берет бактериологическую пробу наш судовой врач Агафангел Дмитриевич Гагарин. Судьба причудливыми путями привела его в просторы Арктики. Когда-то в Бурято-Монголии святительный князь—наместник Гагарин—решил причислить себя к лику святых, обращая детишек бедняков-бурят в православную веру. Окрещенным младенцам давали фамилию крестного отца. А затем в миссионерских школах появлялись десятки смуглолицых ребятишек с раскосыми глазенками, носящих одну и ту же фамилию—Гагариных.

Революция сделала Агафангела Дмитриевича врачом. Двадцатый год застал его в народной армии Дальневосточной республики. Однажды врач оказался советником... мирной делегации, поехавшей в Харбин от имени ДВР заключать договор с японцами. Дипломатическая работа, однако, не была продолжительной. Врач вернулся к своей основной специальности. Живому и энергичному человеку было трудно усидеть на одном месте. И вот Гагарин идет судовым врачом на борту «Персея», знакомится с океаном и океанографией. Затем встречаем его в составе спасательной группы, выехавшей в страшный снежный шторм на помощь каспийским рыбакам, унесенным в море на льдине. Помимо докторских и санитарных обязанностей в нашей экспедиции, он взял на себя большую «нагрузку»: бактериологические работы.

Бактерии, населяющие толщу воды, накопляющие серу, азот и другие химические элементы, это—важнейшее звено в круговороте материи. Некоторые из бактерий селятся по краям мелких камешков, лежащих на дне моря. Рождаясь и

Последняя бактериологическая проба А. Д. Гагарина.

умирая на этом камешке, бактерии строят вокруг него марганцево-железистое кольцо, подобное коралловому аттолу. Снаружи вода приносит элементы, необходимые для жизни бактерий. С течением времени разрушается камень, гостеприимно приютивший бактерии. А на месте его образуются железо-марганцевые ракушки—конкреции—похожие на небольшие плоские блюдца-пепельницы разной величины и формы. В некоторых местах Карского моря конкреции так плотно устилают дно моря, что Норденшельд в свое время предложил организовать драгами добычу со дна моря руды железа и марганца.

Врач Гагарин собрал пробы по всему пути до глубин в двести метров. Стеклянный баллон на этой глубине испытывал давление в двадцать атмосфер. На большее он не способен.

Часть воды с живыми бактериями перелита в пробирки с питательной средой. Там они жили и размножались. Уже через несколько дней пробирки мутнели, что было первым доказательством присутствия в пробе бактериальных колоний. На материк доктор везет полторы сотни фильтров, тщательно спрятанных между стеклышками, и десятки пробирок с богатым посевом высокоширотных арктических бактерий.

...У Новой Земли нас встречает темная южная ночь. Вышли на чистую воду. Начинает качать.

С материка приходят поздравительные телеграммы, приветствия, пожелания. За обедом просит слова Г. П. Горбунов.

— Разрешите огласить телеграмму. Читаю. «Ученица первого класса Наташа Горбунова поздравляет экспедицию с успехом и быстрым возвращением».

Долго аплодируем привету маленькой ленинградской школьницы. Ей восемь лет. В этом году она впервые пошла в школу. И как-то сразу вспоминаешь—уже осень, дети ушли в школы. Как быстро промчалось лето!

За борт сброшены камни, взятые в Русской Гавани, как груз для взрывных работ. Золотареву так и не пришлось пользоваться ими. За два месяца плавания корабль ни разу не зажало льдами. Скоро мы войдем в Баренцово море, море синих атлантических вод и суровых осенних штормов.

18-го пытаемся связаться по радиотелефону с Диксоном. Там О. Ю. Шмидт. Настраиваемся долго и безуспешно. Мешает близость Новой Земли. Мы слышим Диксон. Голос приходит хриплым, часто прерывают разряды. Но Диксон нас не слышит совсем.

Ушаков уходит в рубку и диктует подробный телеграфный рапорт Шмидту. Георгий Алексеевич докладывает о всех изменениях маршрута, о предварительных итогах научных работ, не забывает рассказать о куче шлака на льдине, встретившейся вблизи острова Шмидта у Северной Земли.

— Такая неожиданная встреча за восемьдесят первой широтой—прекрасное свидетельство того, насколько стала обитаемой Советская Арктика. Льдина с золой принесена с юга этим летом,—передает Ушаков.

Где-то позади нас идет «Таймыр». Он успешно пробрался на север по проливам среди островов Франца-Иосифа. Дошел до кромки льдов, почти до 82°. Но потерял при этом много заклепок.

Ночью на темном небе разгораются первые северные сияния. С правого борта хорошо видны освещенные сиянием ледники Новой Земли. Мы идем вдоль ее берегов, на юг.

— Грустно возвращаться,—мечтательно говорит Марков.

Какая-то грусть приходит при мысли о том, что мы покидаем далекую северную страну, к которой так привыкли за время плавания.

Привычки изживаются с трудом. Ночью, хотя ночных станций уже давно нет, попрежнему шумно в кают-компании. Сюда приходят научные работники выпить кружку горячего кофе, поговорить. Бесконечны рассказы о зимовках, походах, охотничьих приключениях. И как ни много в этих волнующих воспоминаниях северной экзотики, но больше всего рассказов о тяжелой, суровой борьбе со снегом, льдами, о борьбе, в которой открываются лучшие человеческие достоинства—смелость, мужество, замечательное чувство коллективизма, которое навеки связывает и роднит людей.

Пока корабль продвигается к югу, подведены кое-какие итоги. Фактически у нас было пятьдесят четыре рабочих дня. Сделано сто семь станций—две станции в день. Очень часто садковцы работали по двадцать часов в сутки, а у некоторых эта цифра выражает средний рабочий день.

Два с лишним месяца мы плавали в высоких широтах Арктики. Из двенадцати тысяч километров «Садко» прошел шесть тысяч севернее восьмидесятой параллели. Основной задачей экспедиции было изучение взаимодействия теплых атлантических вод, вливающихся в Полярный бассейн, со льдами Полярного бассейна.

В программу работ был введен целый ряд научных проблем, из которых каждая имела самодовлеющее значение, но объединенные в общий комплекс, они дополняли друг друга. Экспедиция «Садко», являющаяся первой советской комплексной океанографической экспедицией, по своему снаряжению, составу и объему работ была поставлена в ряду с лучшими экспедициями передовых морских держав мира. Работами экспедиции был охвачен огромный участок от берегов Норвегии, через Гренландское море, вокруг Шпицбергена до меридиана северной оконечности Северной Земли—мыса Молотова.

Научные работы, проводившиеся на протяжении десяти тысяч километров, были закончены в рекордный двухмесячный срок, хотя срок работ планировался на три с половиной месяца.

Корабль экспедиции, богато оснащенной усовершенствованной аппаратурой, преимущественно советского изготовления, был превращен в большую пловучую научную лабораторию. На комплексных научных станциях, средняя глубина которых

шестьсот двадцать два метра, взяты пробы, измерены температуры многих тысяч горизонтов воды. По этим данным составлены карты поверхностных и подводных течений и прослежено движение вод Гольфстрима. Пять тысяч шестьсот химических анализов морской воды определят ее состав и происхождение. Во время штормов собраны наблюдения за элементами волн и высотой волн в Гренландском и Карском морях. Подробно изучалась кромка льдов на протяжении двух тысяч четырехсот километров. Велись исследования действия на них аммонала, термита, изучались химические, а также механические свойства льдов на сжатие, излом и твердость.

Экспедиция везет на материк огромную коллекцию свыше шестнадцати тысяч животных и водорослей, собранную в районе между 8° западной и 95° восточной долготы. Среди них — уникальные, единственные на земном шаре образцы океанических глубин Полярного океана, взятые с девяносто девяти станций.

До сих пор в Арктике было сделано всего пятнадцать наблюдений величины силы тяжести, необходимых для определения истинной формы земли. Половина точек была определена на льду сорок лет назад, еще во время плавания «Фрама», устаревшим теперь молоточным прибором. «Садко», впервые в условиях надводного корабля, пользовался точнейшим прибором Мейница. Вместо запланированных двадцати сделано пятьдесят одно определение силы тяжести.

Геофизик, синоптик и аэролог экспедиции беспрерывно вели наблюдения за состоянием тропосферы и стратосферы в европейском секторе Арктики. Выпущено тридцать три радиозонда. Из них двадцать один достиг стратосферы при средней высоте двенадцать километров и максимальной — девятнадцать и пять десятых. Получено около пятидесяти наблюдений за солнечными излучениями, а также ультрафиолетовой радиацией. Ежедневно принимались обширные метеорологические данные станций всей Северной Европы, а также Советской Арктики. Мы их перерабатывали в виде синоптических (сводных) карт прогноза погоды и передавали в Москву.

Настойчиво изучалось дно моря. Взято свыше двухсот проб донного грунта, причем образцы, взятые из глубин свыше трех тысяч метров в Гренландском море, а также в Полярном бассейне, являются уникальными и представляют огромный интерес для донной геологии.

Работы экспедиции внесли много нового в географию Арктики. Важнейшим достижением в этой области является уничтожение белого пятна площадью свыше тридцати пяти тысяч

квадратных километров в треугольнике между Землей Франца-Иосифа, островом Визе и Северной Землей. Вместо предполагавшихся здесь больших глубин нами открыто обширное мелководье. Мелководье детально исследовано «Садко» и положено на карту. Помимо чисто географического, это открытие имеет большое навигационное значение. Оно устанавливает, что Карское море является фактически замкнутым водоемом, соединенным лишь двумя узкими проливами с центральным Полярным бассейном. Выяснение этого обстоятельства облегчает составление всех прогнозов по Карскому морю, являющемуся основным участком Севморпути.

Работы экспедиции значительно уточнили карту морей Арктики, покрыв ее тысячами промеров. Цепочки точных глубин нанесены в ряде мест, куда раньше не проникало ни одно активно плавающее судно. Попутно уточнены местоположение и береговая линия северного побережья Северо-восточной Земли, Шпицбергена, острова Белого, Земли Греэм-Белл, а также величина острова Шмидта у Северной Земли.

Воспользовавшись краткой возможностью благоприятного плавания, наступившею после шторма, «Садко» решительным рейсом на север поставил мировой рекорд свободного плавания в Арктике, достигнув 82°41′,6 северной широты. Во время этого рейса экспедиция впервые в истории борьбы человека за освоение Арктики вышла в океанические глубины Полярного бассейна и собрала там единственные в мире образцы грунтов и живых существ.

Одной из отличительных черт нашей экспедиции была тактика плавания. Отправляясь в поход, руководство экспедиции на основании изучения имевшихся материалов предугадывало в общих чертах ледовые условия, с которыми придется встретиться в Северном Ледовитом океане. Условия эти были благоприятными. Однако никто не мог предсказать расположения льдов в отдельных районах, а их состояние могло решить судьбу—успех или неуспех похода, принести неудачи в выполнении плана, срыв работы или, еще хуже, дрейф «Садко», зимовку или аварию его. Основным законом нашей тактики было плавание среди льдов, не вступая без крайней необходимости с ними в борьбу. Тщательной разведкой мы старались выяснить слабые места, быстрыми маневрами на отдельных участках маршрута, а также изменением отдельных частичных работ стремились обеспечить достижение основной цели. Нам удалось тяжелейшие по ледовым условиям районы пройти большей частью разводьями и полыньями, лишь в исключительных случаях форсируя сплошные ледовые поля. Это обес-

нечило успех экспедиции и позволило привести «Садко» назад в полной исправности.

Это тем более ценно, что во время экспедиции мы вели исследования корпуса и механизмов корабля, наблюдали за его поведением во льдах и чистой воде. Эти материалы помогут проектировать новые суда, приспособленные специально для арктического плавания.

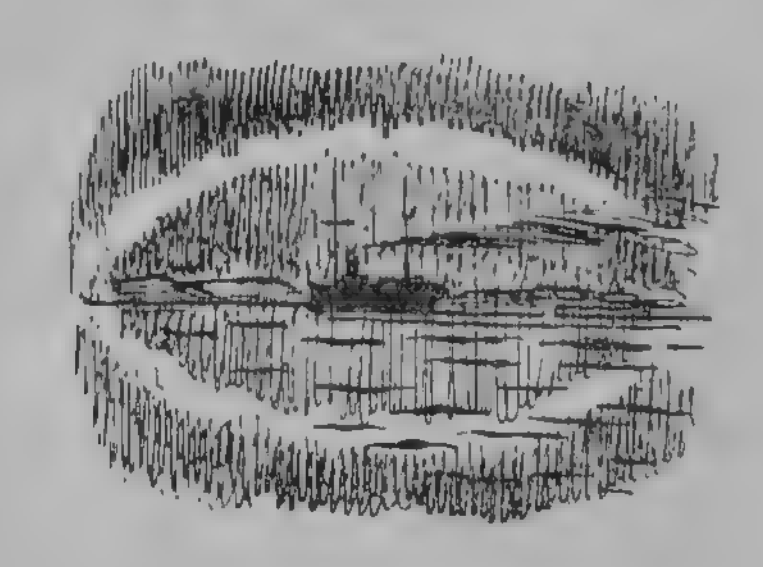
Окончание высокоширотной экспедиции мы рассматриваем как заключительный этап для многих научных работ, проведенных в западном секторе Арктики.

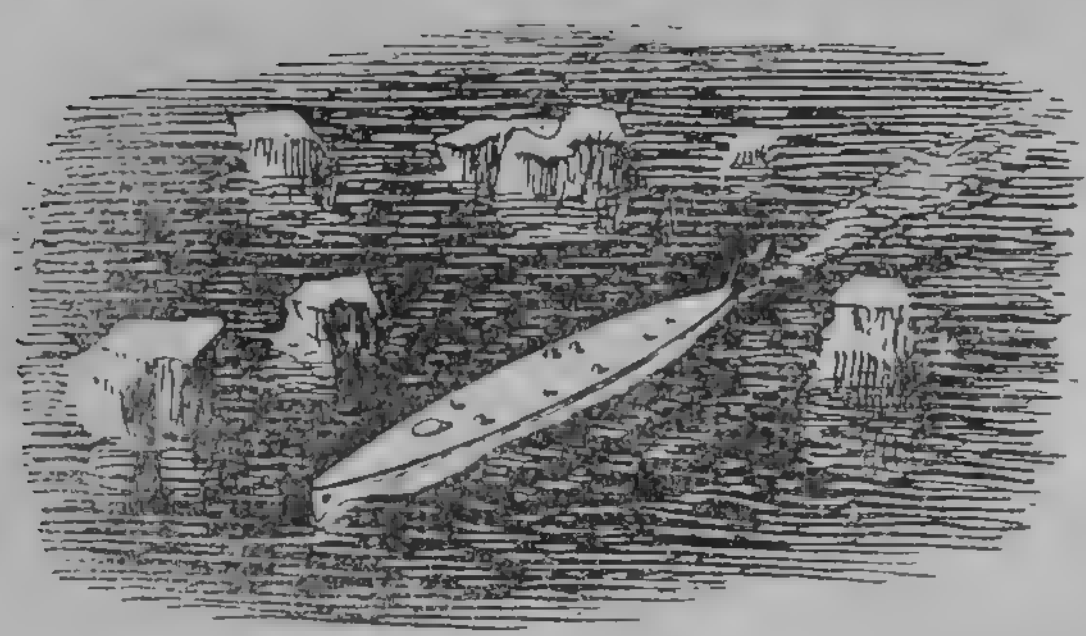
Открытия экспедиции заставят пересмотреть очень многое во взглядах на ледовый режим, гидрологию и гидрофизику западного участка Северного морского пути.

Но вместе с тем, экспедиция является началом большой научной работы в высоких широтах. На очереди лежит огромный неизведанный участок высоких широт от Северной Земли до меридиана Берингова пролива. Этот район во многих своих частях совершенно не посещался человеком. Итак, на очереди высокоширотные экспедиции, которые должны расшифровать белые пятна в районах высоких широт, лежащих к северу от Восточносибирского и Чукотского морей до проблематической «Земли Андреева».

— Экспедиция была насыщена переживаниями, которые не так уж часто выпадают на долю исследователей,—говорит Г. А. Ушаков.—Мне вспоминаются дни плавания в районах белого пятна. Полеты при исключительно сложных условиях. Дни открытия новых островов. Достижение рекордов—выходов в океанские глубины. Все это создавало чрезвычайное напряжение, не только утомляющее, но и приносящее много счастливых, радостных минут. Весь коллектив жил этими переживаниями.

Сейчас «Садко» идет к Югорскому Шару, одному из последних полустанков на пути к Большой земле. Над Карским морем теплая темная ночь.





КОРАБЛЬ БУДУЩЕГО

Было это недавно. Человек в зюйдвестке вскарабкался по веревочной лестнице вверх на ботдек. Ему нужно было освободить трос, соскочивший с блока. В глубине моря болталась сетка. Из нее уплывал планктонный улов. Богоров окоченевшими пальцами высвобождал трос. Операция была мучительной и нелепой. Трос упорно не слушался, руки ныли и тяжелели. Но вот, наконец, все налажено. Через полчаса сетку извлекли из воды. Она пуста. Станцию пришлось брать заново.

На носу в это время работал Горбунов. Он вытравил уже около трех тысяч метров троса и ждал, пока трал проволочится по дну. Заработала лебедка. Дрейф далеко от борта оттянул стальной канат. Когда до трала оставалось всего пятьсот—шестьсот метров, из воды выдернулся перепутанный клубок. Никто не удивлялся тому, что толстый девятимиллиметровый стальной трос сплелся в причудливые узлы и петли, как тонкая бечева.

— Стой!—разнеслось по палубе.

Заглохли стуки лебедки. Продолжать подъем трала нельзя было: клубок неминуемо застрял бы в ручейке ролика.

Прибежал Миша Марков. Он постоял в раздумье, затем быстро схватил трос багром, к нему присоединились все, кто был на палубе. Надо было вытащить канат на палубу и закрепить его. Каких усилий это стоило! Наконец трос вытянули. Его искусно оперировал боцман. Он вырезал спутавшийся кусок троса, быстрыми, опытными движениями связал концы. Снова заворчала лебедка.

Тридцать—сорок метров оставалось до кошелки трала. Тогда из воды показался еще один узел. Но теперь уже никто не

резал троса. Люди взялись за стальную бечеву руками. Быстро намокли кожаные рукавицы, стали скользкими. Но канат и трал все же вытащили на палубу...

...Впрочем, не об этих происшествиях шла речь, когда группа научных работников собралась в кают-компании после одной из последних станций.

«Садко» прекрасно оборудован. На нем есть все, что может пожелать научный работник. Он вооружен по последнему слову современной океанографической техники. Но эта океанографическая техника очень бедна и отстала. Сети биологов напоминают кошелки домашних хозяек и детские сачки для ловли бабочек. Батометры похожи на ведра, которыми черпали воду в глубоких колодцах еще древние азиатские скотоводческие народы.

Вот об этой отсталости и шел разговор в кают-компании.

В век электричества и химии казалось нелепым и смешным работать приборами, которые создал ушедший в прошлое век простейшего рычага и мускульной силы.

Каждый из нас, возвращаясь после станции, отогревал помертвевшие пальцы или заливал йодом ободранную на руке кожу. А почему не может вместо человека работать машина? Вот сесть так в мягком кресле, в тепле, за столом лаборатории и нажать кнопки...

— И на подносе подадут тебе глубоководную креветку,—насмешливо заметил кто-то.

— Да, на подносе,—рассердился оратор.—Правда, это будет усовершенствованный поднос, какая-нибудь стеклянная шкатулка или ванночка, но я не буду голыми руками развязывать и завязывать обледеневшую сетку, открывать застывшие краны, копаться в холодной воде.

Заговорили о будущих исследовательских кораблях. Как хорошо будет там работать. Силы ученых не будут уходить на неблагодарную «станционную» работу.

А время? Сколько драгоценных часов будет спасено. Час в Арктике—это сутки, недели, месяцы на Большой земле. Есть часы и минуты, оценить которые невозможно. Если бы 12 сентября существовал замечательный корабль, о котором мы мечтаем! Какие громадные открытия дало бы двенадцатичасовое пребывание над абиссалями Полярного бассейна. А нам пришлось ограничиться одним уловом.

Перебивая друг друга, люди высказывали вслух свои пожелания. Они мечтали, фантазировали.

— Давайте помечтаем организованно,—предложил Богоров.—Пусть каждый расскажет, как он представляет себе научно-

исследовательский корабль будущего. Будем говорить по очереди, выберем секретаря, пусть он запишет. Это будет как бы конкурс проектов, а собранные материалы передадим начальнику, пускай добивается их реализации. Тот, чей проект будет признан лучшим, получит премию—участие в первом плавании.

Предложение было принято. Проекты будущего исследовательского корабля начали появляться на свет.

— Я предлагаю,—сказал первый оратор...

Давайте же, читатель, совершим путешествие по этому, пока еще воображаемому, исследовательскому кораблю, который в честь нашего похода назовем «Новый Садко».

Спустимся в блещущее чистотой электродизельное отделение. Оно залито светом и прохладой. Внимание гостей привлекают четырехугольные и круглые толстые рукава, уходящие в днище корабля.

— Через эти трубы мы протягиваем наши руки к морскому дну,—смеемся мы.—Не беспокойтесь, вы скоро все поймете, все увидите.

Поднимемся этажом выше, в большой аквариумный зал. У стен его стоят громадные стеклянные камеры, освещенные снаружи и изнутри. Они герметически закупорены, и в каждой из них поддерживается разное давление—от пятнадцати до трехсот атмосфер.

В аквариуме, где давление триста, плавает странная рыба: яркокрасная с желтыми полосами и громадными зелеными глазами на узком тонком стебельке. Совсем как рыбка из восточной сказки. Ее мы поймали в атлантических водах, и вот уже полтора месяца она живет в этом аквариуме. Ее не беспокоит свет, она слепая. Наш биолог часами просиживает в уютном кресле возле аквариума, наблюдая за поведением рыбы. Он десятки раз сфотографировал ее и заснял на кинопленку. Сейчас он просит нас присесть.

Мы усаживаемся в мягкие, покачивающиеся кресла. Гаснет свет. На экране возникает изображение рыбы, которую мы только что видели в аквариуме. Изображение это увеличено. Можно рассмотреть каждый плавник рыбы, ее хвост, ее интересные слепые глаза, ее просвечивающее тело. Рыбка как будто умирает. Вот-вот она замрет. Но это только кажется. Просто она заснята способом рапид. Сложный киноаппарат не только заснял рыбку, но и разложил каждое ее движение. Ученый получил полное представление о ее динамических свойствах.

Гости серьезны. Один из них сосредоточенно думает и вдруг спрашивает:

— А как вы вытащили наверх эту рыбу? Как она перенесла такую громадную разницу в давлении?

Вопрос законный. Чтобы ответить на него, мы идем дальше, в лаборатории биологов и планктонологов. Для этого не надо много ходить—они рядом с аквариумным залом. Обе лаборатории очень похожи друг на друга. В обеих комнатах имеются люки. Это входы в шахту, стены которой телескопически выдвигаются в дне корабля. Отсюда, из этой шахты, биологи отправляют свои приборы для захвата обитателей толщи вод и морского дна.

Мы задерживаемся в лаборатории планктонолога. Хозяина нет. Без него неудобно осматривать снаряжение. Но мы не уходим искать нашего друга. Мы нажимаем кнопку и говорим в микрофон:

— Планктонолога просят в его лабораторию.

— Откуда вы знаете, где он?—спрашивает один из гостей.

— А мы и не знаем. Во всех помещениях корабля есть репродукторы. Зажигается зеленый сигнал: «Внимание», и где бы Вениамин Григорьевич Богоров ни находился, он услышит вызов.

Действительно, через несколько минут хозяин уже стоит в дверях. Он знает, для чего его позвали, и охотно рассказывает о своей работе, о своих приборах.

Планктонные сети уже не те, которыми работали несколько лет назад. Собственно, те, которые берут пробу на восемьсот—тысячу метров, отличаются от старых образцов сетей Нансена и Джедди разве только улучшенным типом стакана и более надежной сеткой, которая закрывается не с помощью груза, а специальным реле. Кроме того, в стакане установлен телевизор с телескопическим объективом. Ученый может следить за ходом лова и закрыть в нужный момент сеть.

Для глубинных ловов сконструирован особый прибор.

Небольшая сетка. У обруча ее прикреплены два полушария: одно торчит вверх, другое вниз. Планктонолог отводит на распределительной доске рычаг глубины и нажимает кнопку. Теперь он может уйти. Сетка на ходу корабля спустится в море, остановится на нужной глубине, и тогда откроются полушария. Они автоматически захлопнутся через определенное время, спрятав в образовавшемся шаре сетку со всем ее содержимым. Шар герметически закрыт. В нем сохраняется давление того горизонта, на котором он захлопнулся. Прибор подходит к шахте, дно которой закрывает толстое, но идеально прочное

стекло. Его впустят в камеру и оттуда поднимут наверх. Через широкий боковой отросток сетку соединят с аквариумом, куда будет перекачиваться все ее содержимое. Если в сеть попадет рыбка, она будет доставлена живой.

Есть и другие, еще более простые, но замечательные приборы. Вы видели широкие трубы, которые проходят в машинное отделение. Они присоединены к толстым шлангам, сделанным из тончайшего и гибкого металлического сплава, типа «эластичных электронов». Эти шланги спускаются только на остановках до глубины в две с половиной—три тысячи метров. Открывается огромное сопло, которое втягивает в себя обитателей морской пучины. Поток быстро текущей воды выносит их наверх, в контрольный аквариум. Когда трубы подняты, они обвиваются вокруг корабля. Для них сделаны специальные глубокие пазы. Пятнадцать рядов этих рукавов выложены вдоль бортов нашего корабля.

У стола планктонолога мы видим небольшой экран, соединенный с микроскопом. Это—место для обработки очередной глубинной пробы. Проба эта вливается в небольшую чашу, над которой стоят сложный микроскоп и счетная машина. Но ученому незачем смотреть в микроскоп. Он видит все содержимое в огромном увеличении на экране. Когда отделены наиболее интересные объекты, начинает работать счетная машина. Она подсчитывает число калянусов, сагитт, бокоплавов, производя все расчеты и вычисления.

— Просто, просто! Ужасно просто. А что это за сигналы?— спрашивают гости.

— Красная лампочка сообщает о том, что в батисферном отделении готовится к спуску автоматическая батисфера. Если у кого-нибудь из научных работников, занятого в этот момент, есть какие-либо «заказы» на дно моря, он успевает зайти в батистанцию.

— А мы можем?

— Конечно, можем. Дайте только осмотреть остальные детали нашего хозяйства. Вот этот сигнал—готовится вылет самолета. Этот звонок—через десять минут станция. А это—это не сигнал, это кофе.

— Как кофе?

— Очень просто.

Открываем краник и наливаем оттуда стакан горячего ароматного кофе. Кофепровод идет ко всем лабораториям. Незачем человеку, работающему почти круглые сутки, то и дело бегать в кают-компанию. Да и вообще ему не особенно много приходится бегать. Каюта его рядом.

Гости открывают дверь и долго осматривают уютное помещение с такой же сложной сигнализацией, как и в лаборатории.

— Так как же батисферная?

Мы идем в середину корабля. В теле его заключена глубокая шахта с кессонной камерой. Отсюда спускаются батисферы с людьми и батисферы-автоматы. Три шара разных размеров, похожие на гондолы стратостата, поблескивают стеклами своих глаз.

В самой большой могут поместиться шесть человек. Средняя—на двоих и одна—совсем малютка, в метр диаметром. В ней человек поместиться не может, в ней нет даже кислородного прибора. Это батисфера-автомат. Она опускается в воду без людей, но делает такую же работу, какую делает человек. Она наполнена сложнейшими приборами и фотоэлементами. Она записывает силу света на различных глубинах, температуры, давления, производит химический анализ воды по всем ее составляющим элементам. Самописцы отмечают эти данные на пергаментных лентах. У окна батисферы стоят яркие прожекторы. Они привлекают обитателей подводного царства. Автомат фотографирует их, снимает на кинопленку и даже ловит их, частично выполняя функции бывших драг, тралов и сетей.

— А если сломается какая-нибудь?

— Есть запасные.

Наши гости влезают в большой металлический шар, ощупывают мягкую обивку, осматривают аппараты, сигнализационные приборы и снимают телефонную трубку. На стене батисферной зажигается красная лампочка. Мы нарочно не снимаем трубку, и через пять секунд вспыхивает ослепительно-яркая лампа. Если наблюдатель не заметил красного света, он не может не заметить этого яркого прожектора.

Мы снова ждем, примерно, пять секунд. И тогда в батисферной разносится пронзительный звук электрического звонка.

— Это,—поясняем мы,—на случай, если наблюдающий уснет, потеряет сознание или выйдет из батисферной. Еще через пять секунд такой же звонок раздастся в рубке капитана, в каюте начальника экспедиции, в кают-компании.

В стенах большой батисферы сделаны странные лапы. Они снабжены такими же полушариями, как сети планктонолога.

— Что это?

Мы объясняем. Если батисфера доходит до дна моря и наблюдающий замечает какого-нибудь интересного обитателя морского дна, он выбрасывает вперед эти двухлапые, четырех-

лапые и восьмилапые клещи, закрывающиеся как лепестки цветка. Они захватывают нужного «зверя» и втягиваются через трубки в батисферу.

Гости молчат. Мы внутренне улыбаемся и, сознаемся, испытываем чувство некоторого тщеславия. Мы знаем, что впереди их ждет еще немало поразительного.

Надо торопиться. Скоро вечерний сбор, и нарушить его не могут никакие события. Быстро обходим несколько лабораторий.

Гости осмотрели лаборатории среднего яруса. Они поражены отсутствием каких бы то ни было батометров у гидрологов и тем, что на корабле нет гидрохимической лаборатории. Но мы объясняем, что теперь на корабль не поднимают проб воды.

— Мы не хотим грабить море,—смеется старший гидролог.— Мы спускаем гидроприбор, и он сам сигнализирует с нужной глубины обо всем, что нас интересует.

На стене гидролаборатории небольшой пульт. Автоматически указывается глубина, на которой остановился гидроприбор. Температуры измеряют электротермометры. Соленость, количество кислорода в воде измеряют специальные электрохимические элементы. Батарея таких элементов установлена на приборе. Включаются они автоматически поочередно, а перезаряжаются наверху. Силу течения замеряет все та же вертушка Экмана-Мерца. Но она электрифицирована, и автомат на пульте отмечает на ленте скорость течений на любой глубине. Отпала необходимость возиться с сотнями бутылок, производить тысячи анализов и измерений, посылать термометры, которые давали не совсем точные показатели. У гидролога много времени для настоящей научной работы, для составления карт, таблиц и обобщений.

— Я не привезу в Ленинград «хвостов». Вся моя работа будет закончена на корабле. К приходу в Ленинград весь мой материал будет обработан, и я высплюсь,—добавил он шутя.

Осматриваем замечательные машины геолога, которые приносят со дна метровые трубки ила. Его аппараты для определения электропроводности опускаются на дно и работают там «на месте происшествия». По специальному кабелю, вплетенному в трос, наверх передаются сигналы об электропотенциале на разных глубинах морского дна. У этих аппаратов тонкие крепкие сверла. Осев на дно, аппарат автоматически включает их. На конце сверла, сделанного из неэлектропроводного материала, есть небольшой контакт. Проводник от этого контакта идет внутрь сверла.

Мы долго наблюдаем за работой магнитолога. Его круглая

жироскопическая лаборатория совершенно изолирована от действия судовых «фединтов». Она снабжена карданным подвесом, который дает возможность проводить измерения силы тяжести в любых условиях.

Под конец мы заходим в штурманскую. Здесь, как и в каютах, тепло. Специальная станция подает кондиционный воздух, холодный в тропиках и теплый в Арктике. На стенах штурманской сложный пульт. Автоматы записывают данные о нагрузке корабля, о работе электродизеля во льду, во время шторма. Сюда сходятся нити от всех частей машинного сердца судна. Эхолоты отмечают и записывают глубины. Горят сигналы из батисферной, из лабораторий. Капитан и штурман всегда знают, где, какую работу проводит любой сложный прибор огромного корабля-лаборатории.

Штурманская расположена чуть ниже верхней палубы и находится в пятнадцати метрах от носа корабля. Это круглый зал, без окон, но со стеклянным куполом. Купол похож на опрокинутое блюдечко и лежит на верхней палубе корабля. Это все, что высится над палубой, кроме некоторых приборов. Впрочем, об этом дальше.

Внимание гостей привлечено столом, площадью, примерно, в квадратный метр. На нем лежит карта, на которой тонкий электрический карандаш вычерчивает маршрут корабля. Это жирокомпас. Он рисует на карте линию нашего пути. Не нужно солнца для астрономических определений. Острый грифель нашего стола-лоцмана всегда совершенно безошибочно показывает местонахождение «Нового Садко».

Рядом установлен прибор для предсказания шторма—«Голос моря», давно изобретенный в одной из научно-исследовательских станций Черного моря. Закрытый бак сообщается с наружным пространством металлической трубкой. В нее впаяна платиновая проволока, по которой проходит электрический ток. Колебания воздуха улавливаются прибором и охлаждают проволоку. Степень ее охлаждения зависит от силы колебаний и регистрируется специальным гальванометром. Так как колебания воздуха, вызываемые далеким волнением моря, распространяются в пятнадцать—двадцать раз быстрее штормового ветра, то задолго до шторма в районе плавания судна прибор предупреждает о буре. «Голос моря» дает знать также, с какой скоростью и какой силы движется шторм.

В рубке немало и других замечательных навигационных приборов, облегчающих работу штурманов. Новой системы эхолоты, «дальнобойные» бинокли. Простой, легко передвигающийся рычаг заменил романтический штурвал.

— Копии этих приборов,—поясняет вахтенный штурман,— имеются в каюте капитана. Если он болен, то, не выходя из каюты, может следить за их показаниями и в трудные минуты командовать по радиотелефону. В его каюте нет только радиопеленгатора, но это чересчур громоздкий аппарат. Кстати, наш пеленгатор вообще существует пока только в одном экземпляре. Эта машина делает чудеса. Достаточно двух где угодно работающих станций для того, чтобы пеленгатор показал расстояния до этих раций, направление, угол. Это контролер гирокомпаса.

— Ну, пойдемте на палубу.

Выходим на совершенно свободную от грузов и помещений верхнюю палубу корабля. Эта третья палуба совершенно гладкая, как площадка для скетинг-ринга. Нет мачт, нет труб. Как пни, торчат колонки низких коренастых приборов, напоминающие солнечные часы древних греков. Эти приборы отмечают силу солнечной радиации, силу ультрафиолетовых лучей, отсчитывают скорость ветра, его направление, температуру воздуха и автоматически передают показания в каюты метеоролога, синоптика и в штурманскую рубку.

Над палубой чуть возвышается купол штурманской рубки. Но и этот выступ зализан, как вентиляционная коробка на новейшем обтекаемом вагоне или автомашине.

Палуба как нельзя лучше приспособлена для научных работ. Здесь нет трубы, нет громоздкого капитанского мостика, нет шлюпбалок, радиорубки. Ничто не мешает взору ученого. Стоит нажать кнопку, как «из-под земли» выскакивает отличный дальномер с фотоэлементом для абсолютно точного измерения расстояний. Можно «вызвать» и другие астрономические и геофизические приборы, необходимые для съемки берегов и наблюдений за воздухом.

Мы видим, что гостям трудно за один раз усвоить все виденное. Мы—гостеприимные, внимательные хозяева. Приглашаем наших гостей в кают-компанию. Стены комнаты раздвигаются, соединяя ее с ленинским уголком. В этом большом зале могут заседать любые научные конгрессы. В кают-компании тепло и уютно. Здесь все более или менее обычно. И наши гости «отходят». Они забрасывают нас кучей вопросов. Вспоминается давняя наша беседа на борту «Садко».

— Как мы были тогда близки к истине в своих мечтаниях,— говорит один из старых садковцев.—Ведь все, что мы сегодня осматривали,—все это можно было осуществить в сороковых годах нашего столетия...

Оживленная беседа тянулась очень долго. Среди гостей — группа летчиков. Они спешат на свою зимовку. Мы выходим на среднюю палубу.

— Где же наша «шаврушка»?

Действительно, самолета у борта не было. Пилот обежал кругом корабля и взволнованный пришел обратно.

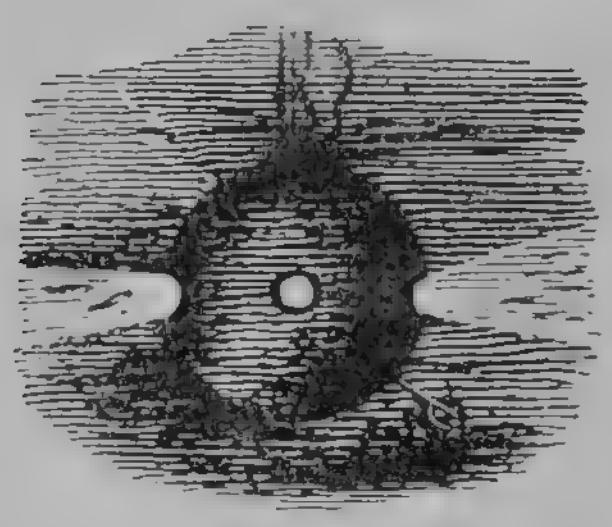
— Унесло, заговорились, чорт его побери. Немедленно...

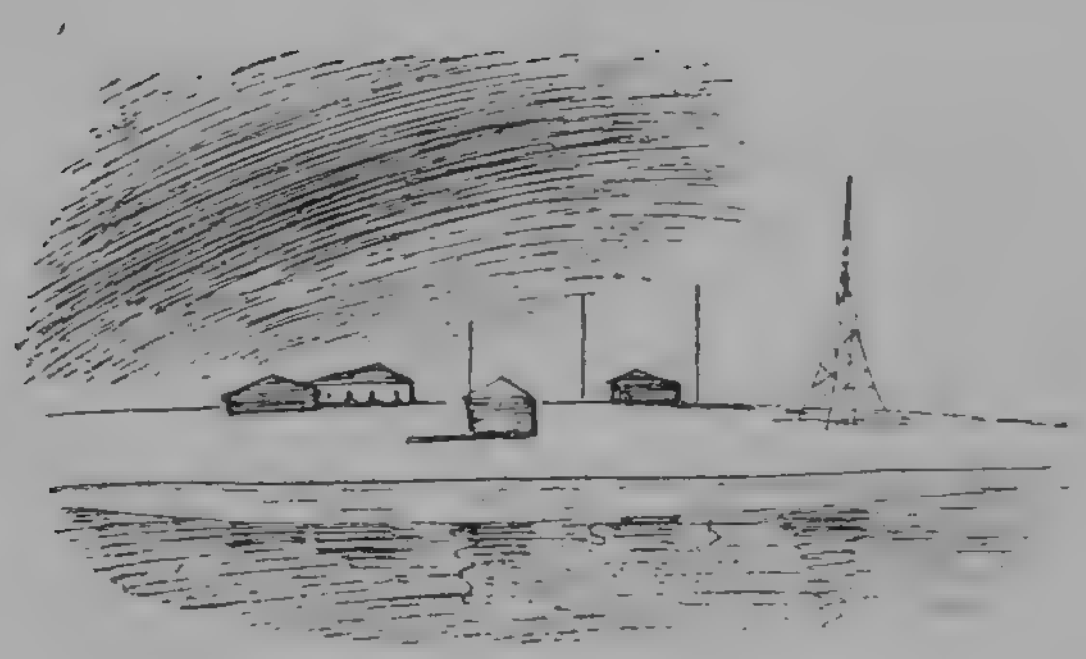
— Да не волнуйся, найдем.

Чтобы не беспокоить больше летчиков, мы повели их в помещение под верхней палубой. Там, заправленный бензином, почищенный и готовый к взлету, стоял гидроплан. Его уже поставили на катапульту. Через несколько минут катапульта размахнулась и выбросила серебристую птицу в простор полярной ночи. Самолет лег на курс и ушел к зимовке...

...Экскурсия закончена.

Читатель понимает, конечно, что «Нового Садко» пока еще нет. Но он будет. Мы твердо верим в это. Мы знаем, что наши ученые в недалеком будущем получат возможность плавать на кораблях, о каких мы могли только мечтать во время похода 1935 года.





ЮГОРСКИЙ ШАР

Поразительно изменились масштабы. Еще два дня назад в штурманской рубке лежала карта огромного района Арктики — от Земли Франца-Иосифа до Северной Земли. Остров Вайгач был на этой карте величиной с гривенник. Сейчас на столе у штурманов другие карты. Вайгач на них вырос больше всех северных земель, взятых вместе. Скоро Белое море станет величиной с Атлантический океан, а Двина расширится до размеров Белого моря.

И скоро, совсем скоро «Садко» войдет в это громадное Белое море. Мы ступим на твердую землю, будем ездить в трамваях и автомобилях, бриться в парикмахерских, спать в кроватях...

20 сентября у входа в Югорский Шар нас задержал туман. Каждые десять минут берем радиопеленги. В микрофон пеленгатора врывается громкий гортанный голос. Маяк где-то совсем близко. Ясно слышен шум берегового прибоя. На карте грозным предупредительным значком изображен силуэт тонущего судна. Корабль надломлен, корма его вздернута вверх. Это место, где вылез на камни пароход «Кинига».

Бросили якорь. Нас медленно и упорно разворачивает. Ориентируемся только по глубинам. Течение удивительно стремительное, до шести-семи миль в час.

Поздно ночью к нам пробился луч маяка. Зеленый мигающий глаз его загорался и потухал через точные промежутки времени. Берег, знаки створов попрежнему укрыты туманом.

Утром положение без перемен. Синоптики предсказывают туман на весь день. На этот раз они к общей радости ошиблись. К полудню посветлело. Космы тумана медленно уползли вверх и открыли низкие пологие берега. Мы медленно входим в пролив, соединяющий Карское море с Баренцовым. Слева высятся черные скалы Соколиного острова, очень напоминающие островки у берегов Норвегии. На скале мигалка. Днем ее огонь с трудом можно разглядеть. Говорят, что весной на вершине острова отдыхают соколы во время своих перелетов с далекого юга на север. Охотники забираются на маяк и бьют перелетную птицу, летящую на огонь. Отсюда и название острова.

За Соколиным островом на берегу Югорского полуострова высится высокая ажурная радиомачта. У ее подножья на блеклом грязно-зеленом фоне тундры хорошо видны светлые точки домиков полярной станции Югорский Шар. Вдалеке на горизонте—горы Пай-хоя—северные отроги Уральского хребта. Здесь уральские горы уходят в море. Они поднимаются снова уже на Новой Земле. Далеко тянется длинная земля. Это материк.

Вскоре приезжают гости—начальник и парторг станции. Затем подходят две утлых лодки с промышленниками-ненцами. Они ловко взбираются по веревочному трапу. Двое из ненцев совсем молодые ребята: Ивану Вылке шестнадцать, Илье Катынзецко пятнадцать. Но держатся они как взрослые. У пояса болтаются промысловые ножи, на дне лодки ружья.

Приглашаем гостей к обеду. Ненцы хвалят щи, тщательно разрезают самодельными ножами—узкими, острыми, как ланцет,—медвежьи отбивные. Сидят за столом, не снимая малиц.

— Жарко?—спрашиваем.

— Нет, мы привыкли. Так всегда.

Охотно курят и еще более охотно фотографируются у самолета.

Узнаем, что на мысе Дьяконова стоит чум Николая Вылки. Единственным кормильцем у него шестнадцатилетний Иван. Старик Николай слепой, а его жена Анна уже старуха, на промысел почти не ходит. Иван скоро женится. Он берет дочку Такарея с Черной Речки. Свадьба через три дня.

Жаль, что не удастся побывать на семейном ненецком празднике!

Второй чум Алексея Вылки и его брата Никиты стоит дальше. Его не видно с пролива. Мы просим разрешения проведать их вечером.

— Пожалуйста, пожалуйста. Гостем будешь.

Лодка промышленников-ненцев, встретившая нас в Югорском Шаре.

Рассматриваем охотничье снаряжение. Патроны заделаны мылом. Ружья хотя и старые, но очень хорошие.

Зимовщики и промышленники провожают нас до берега. Идем к станции по шпалам крохотной узкоколейки, по которой зимовщики подвозят прибывающее продовольствие, снаряжение, горючее. В общежитиях безукоризненно чистые комнаты. Рядом с нимами стоят фехтовальные эспадроны и патефоны, на стенах охотничьи ножи и фотоаппараты. Большая светлая кухня. Просторная столовая украшена цветами. Шкафы и полки с книгами. На стенах портреты Сталина, Ворошилова, Кагановича. Стенгазета. В углу фикусы.

Заходим к радистам. На Юшаре старейшая полярная радиостанция, она существует больше двух десятков лет и ее зовут «дедушкой русских зимовок». Любуемся новой мачтой. Высота ее—восемьдесят пять метров. Бетонные кессоны заделаны глубоко в вечной мерзлоте. Из окон открывается унылая панорама безлесной северной страны. Поблескивают озерца воды.

Радисты рассказывают: в годы английской интервенции их товарищ—радист Юшара—отказался признать белую власть. Он поддерживал связь только с ревкомом и штабом Красной гвардии. Когда белые пригрозили жестокой расправой, радист

ответил насмешками. Весной 1920 года первым рейсом на Юшар прибыл карательный отряд. Радист был расстрелян на посту во время передачи метеосводки. В истории станции не сохранилось его имени. Но о герое помнят на зимовке, помнят промышленники-ненцы.

Станция Юшар, как и десятки других, это глаза и руки советской науки на дальнем Севере. Зимовщики следят за льдами, регулярно передают на материк метеонаблюдения. Этой зимой начались аэрологические работы. Чтобы наблюдать за полетом радиозондов, к ним привязывали клубок горящей пакли или небольшой бумажный фонарик со свечой. В проливе ведутся гидрологические работы, промеряются глубины, очерчиваются многочисленные прибрежные рифы. Ночь продолжается три месяца. На это время замерзает пролив. Бушует пурга. Два раза за эти месяцы приходили почта и газеты. Почтальоны-ненцы привозили их на оленях за четыреста километров из Нарьян-Мара, столицы Ненецкого национального округа.

Так живет небольшой мужественный коллектив двадцати советских людей на Югорском полуострове, на берегу студеного Карского моря.

Сразу за станцией начинается тундра. Невдалеке, на скалистой кошке, виден чум. Над ним вьется дымок. Надо пройти километра три-четыре от зимовки, не больше. Несколько садковцев решило совершить это путешествие.

Земля, заросшая лишайниками и мхами, обильно напитана влагой. При ходьбе тонкие корочки мха прогибаются, словно идешь по болоту, по топи. Следы сразу заполняются водой. Итти по тундре непривычно и тяжело. Вязнут ноги. Зыбко колышется под ногами почва. Попадаются мхи оливкового и красного цвета. Они более устойчивые. К морю стекают ручейки. Много нор полярных мышей—леммингов. Встречаются камни, ярко раскрашенные лишайниками. Кое-где попадаются островки твердой почвы, на которых растет яркозеленая трава.

Вскоре выходим на берег, усыпанный плоской галькой. На камнях разложены сети. Они прижаты сверху бревнами и досками плавника, чтобы не смыл прибой.

Через час подходим к чуму. Он стоит на вершине холма. Вместо изгороди кругом вбиты колья для просушки нерпичьих шкур. Много собак. Они не обращают никакого внимания на подходящего к ним человека. Стоит несколько оленьих нарт, но оленей не видно. Чум построен из просмоленных черных жердей, поверх которых натянуты заштопанные оленьи шкуры. Сверху

Илья Катынзецко—пятнадцатилетний промышленник.

пробивается струйка дыма. Очевидно, внутри топят. Поднимаем полог, спрашиваем:

— Можно войти, хозяин?

Из чума слышно:

— Заходи.

Садимся у костра. Над огнем протянулись жерди с множеством крючков и крюков для подвешивания чайников и чугунков. Хозяйка—старая, сморщенная ненка. На голове у нее кокетливая дамская шляпка, залатанная кусками оленьей

шкуры. На тулью шляпы сдвинуты поломанные шоферские очки.

Жарко. Но Анна—так зовут хозяйку—и хозяин чума Николай Вылка одеты в оленьи малицы. Старик слеп. Он спокоен и невозмутим. Лицо его выглядит мертвой иконой, идолом, сошедшим со стен буддийского храма. Усы опадают вниз, как на китайских картинках. Он сидит молча, все время раскачиваясь, может быть о чем-то размышляет.

В чум часто забегают собаки. Они садятся рядом с людьми на мешках, в которых сложены оленьи и медвежьи меха—подстилка для сна. В углу несколько мешков с продовольствием. Там же валяются закоптелые чайники, небольшие чугунки. Пол выстлан досками, только в центре, вокруг ямы для костра, толстые жестяные листы.

Хозяйка начинает разговор.

— Плавали?

— Два месяца плавали.

— Льдов много?

— Много.

— Пароход только русский, ненцев нет?

— Нет.

— Сейчас что, в город?

— В город.

— Архангельск, или дальше?

— В Москву.

— В Москву? Это далеко.

Хозяйка варит оленье соленое мясо. Она неторопливо подкладывает в костер дрова. Леса на берегу сколько угодно. Вдруг вспоминает:

— На Новой Земле были?

— Были.

— Тыку Вылку видали?

Кто не знает на севере председателя Новоземельского национального совета, художника Тыку Вылку? О нем пишут в книгах, портреты его печатают в газетах.

— Тыка Вылка,—объясняем мы Анне,—далеко, в Москву поехал. Мы не видели его.

— Еще где были?

— Далеко, Анна, были, далеко. Были, где ненцев никогда не было, где одни медведи ходят.

— Медведей били? Что делали?

— Медведей били. Сами ели, собак кормили.

— А у нас плохо,—жалобно говорит Анна, начиная долгий рассказ, состоящий из отдельных, почти не связанных друг

Ненцы охотно фотографировались у самолетов.

с другом эпизодов. Это рассказ о том, что перевелись почти белые медведи на Вайгаче, что реже стала подходить белуха, что ушел далеко в тундру белый полярный песец.

Что ж, она по-своему права. Югорский Шар лежит теперь на оживленной судоходной дороге, по которой с лязгом и шумом, изрыгая дым и копоть, ходят корабли. И животные ушли. Они ушли туда, где меньше людей, где нет кораблей. Только старики-ненцы по традиции приходят к насиженным местам. Молодые теперь уходят дальше к северу, на новые земли, где еще богат промысел.

Спрашиваем:

— Как живешь?

— Зверя бьем, рыбу ловим. Руки плохие стали, сама не ловлю. Иван ловит. Никита помогает.

Нас посвящают в тайны промысла. Десять белух дают до трехсот пудов сала. Раньше их загоняли к берегу неводом и там кололи. Теперь бьют из винтовок. Зимой подходят нерпа и морской заяц. Голец заходит в речки. Изредка попадается морж. Из Хабарова Госторг снабжает продуктами и боеприпасами. Жалоб на него нет.

Старик слушает нас молча. Он ни слова не говорит. Ка-

жется страшным молчание этого седоусого старого человека, мы спрашиваем Анну:

— Что, Николай спит?

— Нет, он так. Старик.

И смеется, обнажая почти беззубый рот.

В котелке закипела вода. Хозяйка снимает его, тщательно вымывает эмалированную чашку, затем моет руки. Потом она насыпает в котелок крупу и кладет туда промытое оленье мясо.

Мы переглядываемся. Еще недавно ненец годами не мыл рук. Он не знал полотенца, не знал мыла, и только морская волна, обкатившая его на промысле, могла смыть с лица грязь, коростой оседавшую за многие годы. И вот сейчас, даже в этот бедный чум, где заканчивают свой век два старика, даже сюда проникли мыло и полотенце.

Но Анна отнюдь не собирается умирать. Мы спрашиваем ее:

— Ты давно замужем, Анна?

Хозяйка кокетливо смеется, сдвигает на лоб шоферские очки,—кстати, одно из стекол давно отсутствует,—и, поправляя «шляпку», говорит:

— Семнадцать лет или уж больше. Третий муж. Первый в тундре, второй умер.

— А почему первого бросила?

— Так, ушла и все.

Снова молчание. На этот раз хозяйка жалуется, что в Хабарове только один год учат ненецких детишек. Этого мало. Она хочет, чтобы учили два-три года, чтобы дети умели писать и считать. Потом она спрашивает:

— Сейчас война в городе, нет?

Мы объясняем.

— Англичанин, японец, норвежин смирно живут?

— Все смирно.

— А ловить допускают?

Речь идет о промысле на тюленя, на белуху, о свободном промысле иностранных судов в наших территориальных водах. Анну интересует этот вопрос совсем не по дипломатическим соображениям, и мы удовлетворяем ее любопытство, рассказывая о том, что иностранцы больше не ловят в наших водах и только зимой приходят к горлу Белого моря, где столько тюленя, что все равно нам самим его не взять.

В чум входит пара псов. Один из них, черный, обходит нас стороной. Хозяйка, завидя его, вскакивает и хватает палку. Пес успел уже выскочить. Хозяйка ругается: пес чужой и вороватый. А сюда вход разрешен только своим.

Хозяйка чума — Анна Вылка.

Пора уходить. Мы прощаемся. Старуха совсем по-городскому провожает нас до порога своего жилища. Она долго стоит, отдернув полог чума, и, когда мы отходим на сто—полтораста шагов, кричит вслед нам:

— В городу у вас хорошо. А у нас ой-ой погода бывает. Ничего не видно. Темно, как ночью.

Впереди светятся окна зимовки. Они показывают нам путь. Поздно вечером в столовую, где собрались все зимовщики и садковцы, запросто приходят ненцы. Они снимают малицы и остаются в ситцевых рубашках. Гости пьют чай, рассказывают о прошедшем годе, о пойманных песцах, об убитых нерпах. Рассказывают о Филиппе Вылке. Он добыл за прошлый год двадцать песцов, сто нерп, двадцать зайцев. Сдал шкуры Госторгу.

Ребячески веселясь, ненцы играют на биллиарде, слушают музыку. Зимовка крепко дружит с ними. Врач взял шефство над чумами. Иван и Илья будут обучаться в механической мастерской, и скоро в Юшаре появятся первые ненцы-механики...

Давно уже пора спать, но нас просят побыть еще немного, ведь здесь так редко бывают «свежие» люди.

Когда уходим к берегу, над Юшаром уже спустилась густая звездная ночь. Освещаем путь карманными фонариками. Впереди на рейде сверкает огнями «Садко». Далеко слева—маяк Варнека. Еще левее—вечно мигающий маяк Хабарова. Справа такая же мигалка острова Соколиного. Еще правее радиомаяк. Сзади—огни полярной станции. Цепь этих огней, зажженных большевиками на великой Северной морской дороге, освещает путь, который люди искали столетиями и который удалось по-настоящему найти и освоить только в наше время людям нашей страны.

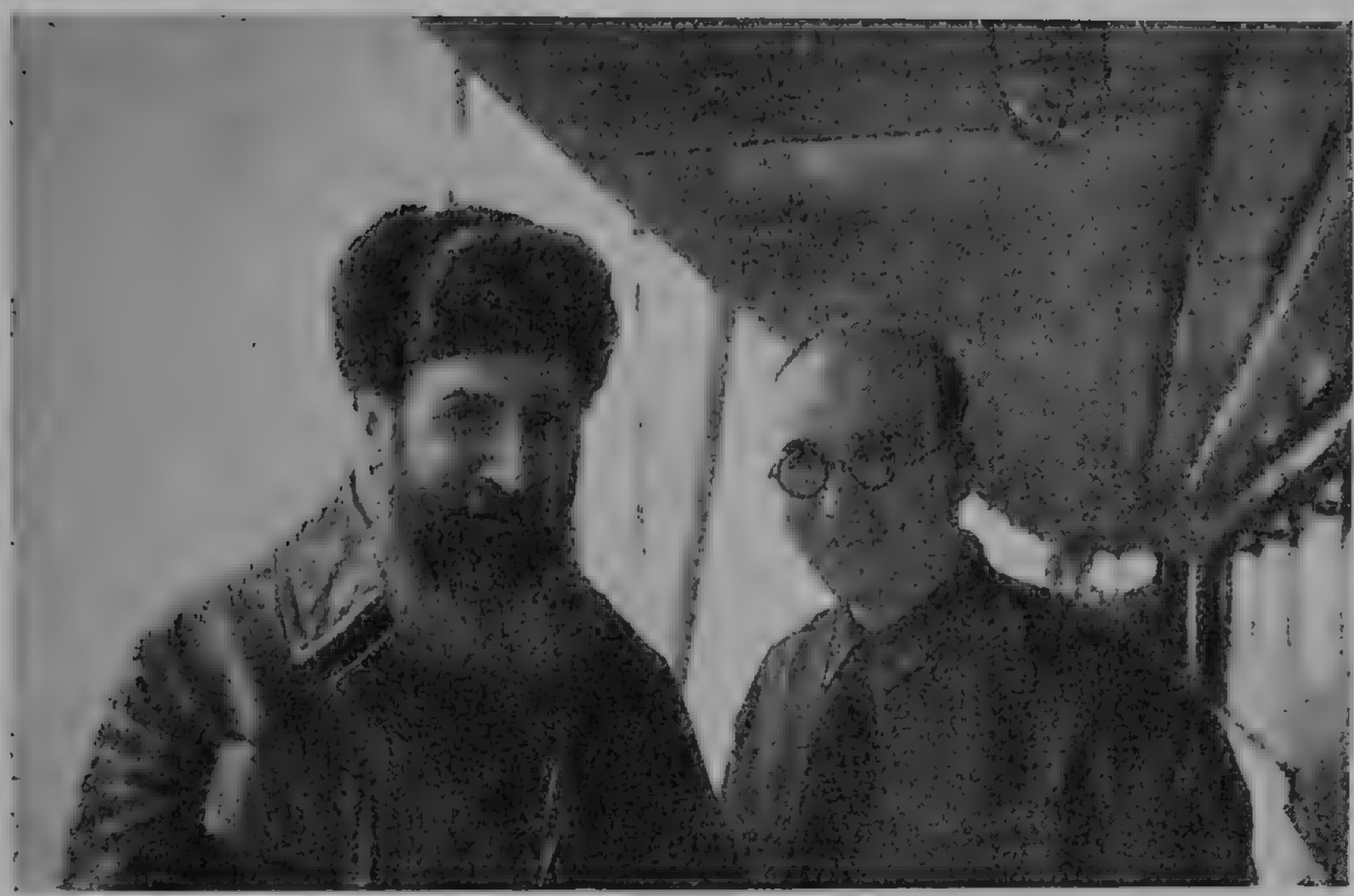
Утром 22 сентября на рейд Югорского Шара пришел «Литке». Возвращающийся на борту ледореза после объезда полярных станций и зимовок О. Ю. Шмидт вскоре приезжает на «Садко». Он обходит лаборатории, знакомится с результатами научных работ, беседует с членами экспедиции. Вечером подошел «Сибиряков». Он идет на Диксон. В проливе, вчера еще пустынном, неожиданно собралась целая эскадра. Оживленным клубом стала кают-компания «Садко», куда съехались моряки и полярники с других судов.

Незаметно подкрадывается темная прохладная ночь. Вскоре она совсем покрывает тундру, Юшар и Вайгач. Прощаемся с зимовкой традиционными гудками.

До свиданья, Югорский Шар!

Сотни лет назад здесь проходили первые русские мореходы, поморы и новгородские ушкуйники, открывшие в незапамятные времена далекие сибирские края.

Они доплывали до мест, где косоглазые люди—тунгусы—ходили в собольих шубах и даже лыжи свои подбивали дорогим собольим мехом. Именуя себя «царскими людьми», промышленники обирали инородцев, собирая с них ясак. Чтобы положить этому конец и «повернуть ясак в цареву казну», был послан еще в 1598 году из Москвы на далекую Обь-реку дьяк с целовальниками и стражей.



О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков на борту «Садко».

В 1600 году выступила из Тобольска сотня казаков строить на реке Таз крепость-острог. Юраки разбили казаков. Тридцать человек было убито, остальные бежали на оленях, оставив запасы, бежали «с одной душою да с телом». Прошел еще год, и снова тобольское воеводство послало стрельцов, казаков и пленную литву покорять «сыроядцев». Тогда и были основаны в двухстах верстах от устья реки Оби на реке Таз острог и город Мангазея.

На восток через Юшар ринулись в торговый сибирский город купцы и мореплаватели. По северным рекам и протокам выходили они к побережью Печорского моря на «кочах» — небольших плоскодонных, с малой осадкой, парусно-гребных судах, забиравших шесть-семь тонн груза и десять-двенадцать человек гребцов. Дальше

> «вышедь на устье Печоры реки, и пошли в Мангацею большим же морем-окияном на урочище, на Югорский Шар, бежали парусом до Югорского Шару два дня и две ночи, а шли на-прямо большим морем, переимаяся через губы морские, а на губах местами глубоко, а в иных местех мелко в сажень, а в иных местех и суды ставают... А Югорский Шар остров великой, каменной, местами

тундра, а местами камень голой, а леса нет, а называют тот остров Вайгач, а около его русские люди в Мангазею не ходят, потому что отошел далеко в море, да и льды великие стоят, а подле Югорской Шар зупротив острова Вайгач ходу гребью день, проезд из моря-окияна в урочище в Нярзомское море,[1] а поперек проезду верст с пять, а инде и меньше, а проезд местами глубоко, инде мелко; а на острову Вайгаче место пустое, людей нет. А от Югорского Шару Нярзомским морем через Карскую губу резвого ходу до устья Мутныя реки до ночь».[2]

По реке Мутной поднимались купцы до ее истока, лежащего на водоразделе Ямальского полуострова. Тащили дальше они свои суда волоком до Оби или реки Таз. А там плыли «кочи» в «златокипящую государеву вотчину» Мангазею. Путешествие из Двины в Таз и обратно продолжалось два-три года.

Вслед за поморами дорогу в Сибирь узнали иностранцы. В обход царских таможен они прокладывали пути к соболям и золоту. Забеспокоились о своих доходах царевы слуги. Тобольский воевода, князь Иван Куракин, «отписывал» в 1616 году царю:

«А к войну, государь Новкшенову и Мангазею мы, холопы твои, писали... про то б торговым и промышленным всяким людям заказал накрепко, чтоб немцам в Мангазею дорог не указывали ни на которые места... да не токмо не ездити, иноб, государь, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского городу ездить не велеть же, чтоб, на них смотря, немцы дорог не узнали и приехав бы воинские многие люди сибирским городам какие порухи не учинили».

Тогда и был издан первый указ воеводам, чтобы «промышленные люди с немцами не торговали, а ослушникам от нас быти в великой опале и смертной казни».

Опираясь на слова указа, воевода Куракин, следивший, чтобы «государству делу было прибыльно», предписал людей, пришедших из России в Мангазею, «назад большим морем не отпущать, а отпущать на Березово, через Камень».[3]

---

[1] Нярзомским называли Карское море. Южная часть моря называлась Карской губой.

[2] Из «отписок» тобольского воеводства. Все документы цитируем по книге П. Сибирцева и В. Итина, «Северный морской путь и карские экспедиции» (Запсибкрайиздат, 1936 г.) и по книге В. Итина, «Выход в море» (Запсибкрайиздат, 1935 г.).

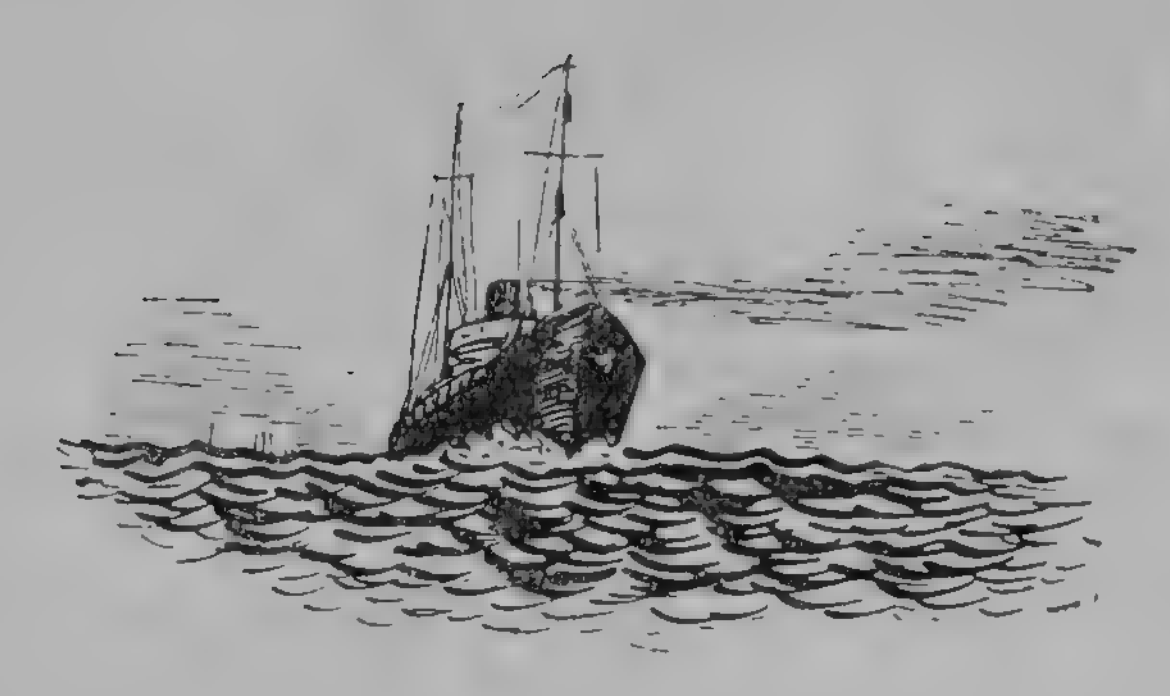
[3] Камень — Уральский хребет.

А еще через несколько лет, в 1620 году, торговым людям путь через Карское море и Мутную и Зеленую реки был из Москвы «заказан», а ослушникам обещано «за то их воровство и измену быти кажнеными злыми смертьми и домы их велим раззорити до основания». Указано было «морских городов торговым людям в Мангазею ходити рекой Печорой, Усой и волоком через Урал в Собь, приток Оби...»

Стали у Югорского Шара стрелецкие караулы, строго соблюдавшие царский указ.

На три столетия этот указ остановил северное торговое мореплавание. Вымерли за это время поколения отважных лоцманов, водивших «кочи» из Двины в Таз, забылся их опыт. Исчезла Мангазея. Заросли лесом знаменитые Ямальские волоки меж реками и озерами. А работы многочисленных «научных» экспедиций долго насаждали ложные представления о невозможности морских сообщений вдоль североазиатского берега. Только в наши дни открылась новая страница в борьбе за Северный морской тракт и вместе с тем новая история Югорского Шара.

Через Юшар проходит теперь столбовая океанская дорога, по которой плавают десятки кораблей. Вот и сейчас ярко горят огни нашей большой эскадры. Мы идем в Амдерму. «Садко» оставит там горючее и часть снаряжения, а затем возьмет курс на Архангельск. «Литке» пойдет в Мурманск, «Сибиряков»—на Диксон. В разные стороны разойдутся корабли, сохранив память о встрече под небом Югорского Шара.



ВОЗВРАЩЕНИЕ

По правому борту тянутся унылые серые ландшафты тундры. Большая земля уходит в глубину, безбрежную, как море. Едва отступив от берега, выстроились грядами холмы. На вершинах бревенчатые пирамиды, похожие издалека то на нефтяные вышки, то на башенки бурильных станков «креллиус». Это створы — указатели для мореплавателей.

Впереди «Сибиряков», потом «Литке». Последним идет «Садко». За небольшим островком открывается оживленная бухта. На рейде — корабли. Они откликаются гудками.

Пока в кают-компании идут оживленные сборы на берег, «Садко» поднимает смешной четырехкрылый черный сигнал.

«Не подходить. На борту взрывчатые».

Мешочки с аммоналом, свертки с детонаторами аккуратно выложены на верхней палубе. Их увозят с первым катером.

Итак, мы в Амдерме.

От Юшара «Садко» шел сюда всего четыре часа. Но в действительности это было путешествие из сегодняшнего в завтрашний день Советской Арктики. На Юшаре мы видели только небольшой поселок из трех-четырех домиков, сгрудившихся вокруг маяка и радиостанции. Хотя и заброшен он в пустынной, безжизненной тайге, населен всего лишь двумя десятками зимовщиков, поселок этот отмечен на карте такой же точкой, как отмечают географы Москву, Казань, Новосибирск.

Амдермы нет еще на многих картах. Поселок опоздал к последнему переизданию. Но панорама, которую мы видим с ко-

рабля, волнует своей обычностью, как панорама любого строительства Украины, Урала, Сибири. Трудно поверить, что мы сейчас за полярным кругом, у берега холодного Карского моря, на пороге Северного Ледовитого океана. Необычно, пожалуй, только то, что от пристани дорогу устилают хрустящие дымчато-голубые камешки. Ими усыпаны весь берег и настил небольшого деревянного свайного мола. Берег завален штабелями бревен, кирпичом, бочками, тюками. За высоким досчатым забором, как хлеб в закромах, высятся горы того же красивого фиолетового камня. Это флюорит, плавиковый шпат, плавик. Но о нем ниже.

По деревянному шоссе автомобиль несет нас улицей бревенчатого городка, потом просторами тундры, поросшей чахлой травой. Тундра прорезана глубокими бухтами моря, оврагами, речушками. Вблизи шоссе пасется большое стадо коров. На разъездах стоят встречные грузовики. Кажется, что мы где-то под Воронежом или Курском, в районах Центральной черноземной полосы в пасмурный осенний день, когда набухающая влагой земля парит, отдыхая после летнего солнечного изобилия. Коровы пасутся под наблюдением взлохмаченного паренька в высоко закатанных штанах. У него профессиональный батог с длинным извивающимся кнутовищем. Такие вот пареньки командуют колхозным стадом на лугах калужских и рязанских сел.

Автомобиль привозит нас к руднику. От шахтного здания начинаются короткие эстакады. Под ними конуса флюоритовой породы. На склоне горы — выход штольни. Амдерминцы снабжают нас брезентовыми куртками и шахтерскими лампочками.

Осматриваем рудник. Изморозь покрывает стены, разукрашивает деревянные мостики, лестницы, трубопроводы. Ледяные сосульки замерзшей воды, пушистые звездочки снега причудливо блестят под лучами ламп. Рудник залегает в зоне вечной мерзлоты. Разведочные скважины, достигающие двухсотметровой глубины, не пересекли эту зону. В шахте температура не поднимается выше —4—5°.

Удивляет в шахте запах лежалой древесины. Кто хоть раз в жизни был в руднике, тот знает этот терпкий и прогорклый аромат, напоминающий о хвойном лесе, о деревьях, погребенных человеком в креплениях его подземных городов. В амдерминской шахте креплений почти нет. Поэтому запахи шахты непонятны и удивительны.

Круглый туннель ведет в сердце горы, к одной из линз чистого флюорита. Вниз пробираемся по заиндевевшим ходам и лестницам. Они уводят нас все ниже и ниже. Встречаются

просторные каменные гроты. Здесь были гнезда чистого плавика. Человек взял сотни кубометров ценной руды и оставил огромные, изумительной красоты, залы, в углу которых по большим ледяным глыбам стекают ручейки воды.

Первый горизонт разработок лежит на четыре метра выше, второй на четырнадцать метров ниже уровня моря. Вблизи одного из гротов слышны удары отбойного молотка. Снизу пробивают сбойку с третьего горизонта, который пройдет еще на тридцать метров ниже.

Гора изрезана в нескольких направлениях. Геологам и горнякам она представляется огромным слоеным пирогом, где в толстых жилах сплошного оруденения часто встречаются линзы чистого плавика. Флюоритовая руда пока, до пуска обогатительной установки,—отброс. Она выдается наверх, как пустой материал, и сваливается в отвал. Через несколько лет эти отвалы будут числиться складами первосортного сырья для фабрики обогащения.

Вниз и вверх лестницы и колодцы.

— Вот не знал, где пригодятся альпинистские навыки,— шутит Отто Юльевич, штурмующий уже третий обледеневший и скользкий склон.

Повсюду видны толстые, в руку толщиной, белоснежные канаты.

— Это трубы воздухопровода к пневматическим молоткам,— объясняет штейгер.

Места пересечений штреков выложены массивными чугунными плитами. На этих узловых полустанках шахтного транспорта дюжие парни—плитовые—подхватывают вагончики, вылетающие из темных коридоров, и ловко подцепляют их к канату подъемника.

Оживленной группой выбираемся на свет. Солнечно. У выхода штольни, по дну небольшой балки струится ручеек. На глыбах флюоритовой руды, брошенной в воду, расплываются ржавые кровоподтеки: от действия горько-соленой воды флюорит окисляется. Кстати, шахтная вода раза в полтора солонее, чем вода моря.

Мы взбираемся наверх по склону оврага. Среди каменных желваков пробиваются робкие зеленые побеги травы.

— Вот наш музей,—показывая на обтрепанную, вросшую в землю, железную хибарку, говорит заведующий рудником.

— Музей?

— Здесь у нас два года назад было первое подсобное предприятие Амдермы—кузница. Дорога как память.

Музей достоин удивления. Это древний железнодорожный

Одна из шахт Амдермы.

пульман, насквозь проржавевший, тысячу раз заплатанный. На двери—замок. Кузница уже давно перекочевала в просторное здание мастерской.

Расспрашиваем об истории открытия амдерминского флюорита.

Три года назад на берегу работала небольшая съемочная группа. Она уточняла карту берегов, ставила знаки, «освещала», как говорят гидрографы, район для плавания судов.

Случайно на одном из холмов, где летнее солнце, оттаивая мерзлоту, вспучило землю и обнажило породы, залегающие в глубине земли, один из полярников собрал образцы сизо-фиолетового камня, полупрозрачного, как аметист. Это был плавиковый шпат—плавик, флюорит, минерал, которого жаждет индустрия страны. В домнах он раскисляет тугоплавкие шлаки. На заводах алюминия он входит вместе с бокситами в обязательный состав шихты. Он дает также пропитку, сохраняющую дерево от гниения, и служит сырьем для получения плавиковой кислоты.

Началась сказочно быстрая история амдерминского месторождения, повторяющая историю Хибин, Соликамска, месторождений новых минералов, призванных на службу социализму.

В то время кругом лежала голая, неприветливая тундра. На холмах приютились чумы кочующих ненцев. Летом они пригоняли оленей, зимой уходили в Печорскую тундру. Белая палатка разведчиков вызвала удивление. Потом к ней привыкли. Прошла зима. В мае 1933 года катер привез с Вайгача партию горняков. Люди рыли канавы, ставили около них досчатые будочки. Ручное походное горно было единственным подсобным предприятием будущей шахты.

Суровая зима 1933/34 года не прогнала людей обратно. Люди воздвигали на берегу поселок, вгрызались в сердце горы и выбирали оттуда голубой камень. Людей было много—двести пятьдесят человек. Так возникли рудник и город. В 1934 году рудник дал стране четыре тысячи тонн флюорита.

А затем штольня наткнулась на огромную линзу почти химически чистого минерала. «На-гора» выдали шесть тысяч тонн руды, хотя и не обогащенной, но содержащей девяносто три процента CaF_2.

Разведчики проследили флюорит на протяжении двадцати с лишним километров. Жилы его тянутся широкими грядами. Почти в каждой гряде обнаружены выходы минерала на поверхность. Россыпь выносится наверх вместе с выпучиванием вечной мерзлоты. Амдерминские запасы флюорита достигают шести миллионов тонн. Самой небольшой оказалась первая гряда, на которой расположен нынешний рудник. Самой большой—пятая, где расцветет будущий город Большой Амдермы.

Амдерминское месторождение оказалось больше английского и германского, взятых вместе, и почти равным американскому (штат Иллинойс), хотя и превосходит его по чистоте руды.

В просторном зале опытной обогатительной фабрики грохочут миниатюрные машины. Во флотационных резервуарах вспыхивает пена чистого флюоритового порошка. Это—модель будущей огромной фабрики обогащения.

Узнаем, что флюоритовая руда содержит до полутора процентов цинка. Сейчас разрабатывается схема раздельной флотации—вначале для извлечения цинка, а потом флюорита. Все оборудование советское. Конструкции почти все оригинальные. Правда, некоторые из них еще кустарны по выполнению, процессы не механизированы, но в основном это прототипы, по которым будет строиться фабрика. Реактив для флотации составлен из оленновой кислоты (отход мыловаренной промышленности), сульфато-нафтеновых кислот (отход нефтяной

промышленности), скипидара и едкого натра. Получается сложный эфир, который омыляет пылинки флюорита и поднимает их на поверхность воды. Тридцать граммов реактива поднимают на поверхность воды тонну флюорита.

Окончив осмотр опытной фабрики, Отто Юльевич собрал в кружок амдерминцев и вместе с руководителями комбината начал совещаться о планах дальнейшего строительства.

Обогатительную фабрику выгоднее всего строить на пятой гряде одновременно с большим укрытым портом в бухте, против острова Местного. Железная дорога соединит порт с будущим большим рудником—городом на пятой гряде. Таковы перспективы Большой Амдермы. Уже сейчас на руднике работает тысяча шестьсот человек. К моменту нашего приезда годовой план добычи—десять тысяч тонн чистого флюорита (концентрата)—был почти выполнен. Расширившись, комбинат сможет дать в пять раз больше, поставив наш Союз по добыче флюорита на первое место в мире.

Вечером стремительный норд-ост превратил амдерминскую бухту в кипящий котел. Маленький мол стонет под ударами волн. Катера прячутся в небольшой лагуне, отделенной от моря рядами песчаных перекатов. Нужны большая смелость и ловкость, чтобы, уловив приход волны, на гребне ее проскочить через эти песчаные пороги. Один из катеров, буксировавший небольшую баржу, задержался. Почти мгновенно, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, баржу развернуло поперек волны, перевернуло и вышвырнуло на береговую отмель. Мы невольно рванулись вперед, но люди с берега уже забросили канат. Закрепив его на лебедке, они тащили баржу на берег.

— Это у нас обычная история. Бухта открытая, чуть задует ветерок—и пошла катавасия. Только держись. Один раз катер в такой шторм унесло миль за пятьдесят и выбросило на берег. Мы думали, погибли люди. Потом через два дня пришли. Вот попробуйте в шторм нагрузить корабль,—говорит человек в брезентовом плаще и высоких болотных сапогах.

С трудом добрался в этот вечер катер с О. Ю. Шмидтом к борту «Литке». Ночью ледорез уходит.

Белоснежные барашки попрежнему выбегают на берег. Показалась луна, и серебряные ее блики покрыли море тысячами лун, зажгли все море феерическим блеском. На рейде и в море, как огромные дома-небоскребы, освещены огнями корабли.

— Чем не Новороссийск?—гордо спрашивают руководящие работники Амдермы.—Чем не порт?

Садковцы решили остаться на берегу до утра. Ночь быстро проходит в бесконечной беседе. Амдерминцы рассказывают о жизни рудника, о тундре. Рассматриваем альбомы с прекрасными фотографиями.

Вот забавная фотография маленького зверька с острой, как у лисицы, мордой. Это белый песец.

— Летом песцы свободно бегают по тундре, как собаки,— говорят амдерминцы.— В это время они линяют и, облыселые, облезлые, не привлекают промышленников. В 1933 году в тундре вымерзли полярные мыши—лемминги (пеструшки). Тогда стая песцов пришла в поселок. Они жили около домов, привыкли к людям, вскоре научились брать из рук рыбу, заходили в коридоры, в комнаты. Во время обеда песцы становились на задние лапы, выпрашивая еду. С ними играли дети. Был организован даже питомник из тридцати четырех штук. Но однажды в поселок приехал ненец на собачьей упряжке. Через день песцы исчезли. Только пять из них удалось сохранить и отправить живыми в клетке на материк.

Сейчас несколько песцов живет в поселке. Одного из них мы видели на крыше дома, в котором помещается библиотека. Хитрая мордочка выглядывала из слухового окна.

О песцах в Амдерме рассказывают много интересного. В тундре они выбирают высокие места, не заливаемые водой, и селятся там большими колониями. Облюбованные ими холмы вдоль и поперек изрыты норами и переходами. Зверек этот очень плодовит. Самки приносят до десятка щенят. Уже недели через три-четыре после появления щенят семейство выходит из норы, бродит в поисках пищи вблизи своего гнезда, а вскоре уходит все дальше и дальше, нередко совсем покидая логово.

В тундре вокруг Амдермы песца ловят капканами, которые устанавливают у привады, для чего берут туши нерпы или ее сало. Приход людей спугнул осторожного зверька. Теперь песцы в окрестностях Амдермы встречаются реже.

Перелистываем страницы альбома. Попадаются фотографии идолов, у подножья которых выложена груда оленьих рогов. Это священные места, которым еще недавно поклонялись ненцы, сохранившие в своей религии, наряду с остатками принудительного православия, многое от времен первобытного идолопоклонства. Рядом фотография телеги с огромными, как мельничные жернова, колесами. На таких телегах ездят по тундре. Рассматриваем фотографии грибов, которые в изобилии растут в предгорьях Пай-хоя. На небольшом озере Тоинго—рыбные

Летом песцы спокойно подходят к поселку.

промыслы. Любуемся замечательными видами горных водопадов. Они могли бы украшать излюбленные туристами лучшие районы Кавказа и Крыма. Замечательная страна! Она только пробуждается к жизни, и сколько богатств, сколько красок уже открылось здесь человеку.

Как будто для сравнения на страницах альбома рядом вклеены два снимка: огромный, перевернутый на бок, железный чан—первая химическая лаборатория рудника—и проект будущего порта. Мол порта соединит железобетонным барьером материк и остров Местный. Плотина ляжет через банки. На карте указаны глубины. Оказывается, в этот прекрасный укрытый порт смогут входить даже океанские корабли. От порта пойдет железная дорога. Скоро прибудет первый паровоз.

С каждым днем растет северное детище советской индустрии. Корабли уже больше не обходят этот пустынный берег. Вековая тишина тундры спугнута шумом машин. Вчера в Амдерму приехал специалист-овощевод, который обещает кормить амдерминцев собственными овощами, начиная от огурцов и кончая цветной капустой...

Всю ночь на рейде горят огни кораблей. Бушует прибой. На несколько часов он отрезал нас от пловучего дома. Днем «Садко» разгружает горючее, оставляет в Амдерме патефоны, настольные биллиарды, гармонии, книги. На палубе необычно просторно. Корабль готовится к последнему переходу.

На рассвете 25 сентября уходим в Архангельск. Через месяц в амдерминской бухте потухнет день. Кайма ледового припая охватит берег. Коллектив горняков, людей новой, необычной для Арктики специальности, приступит к выполнению зимнего плана добычи и строительства.

Днем проходим Югорский Шар. В проливе против Хабарова нас немного задерживает любопытная встреча. К борту подходит крошечный, недавно построенный гидрографический бот «Торос». Восемнадцать человек команды. Двенадцать из них—комсомольцы. Капитан тоже комсомолец и подстать команде. Он молод, весел и жизнерадостен.

«Торос» идет на восток, к острову Диксона, а при благоприятной погоде—к бухте Тикси. В трюмах бота—части вездеходов. Предполагается, что еще в этом году «Торос» займется работами на пустынном карском побережье, у берега Харитона Лаптева, где год назад парусно-моторный бот «Сталинец» неожиданно обнаружил остатки шхуны «Геркулес» экспедиции Владимира Александровича Русанова, безвестно погибшего двадцать лет назад вместе с экипажем.

Невольно вспоминается жизнь неутомимого русского путешественника, отдавшего свою жизнь исследованию суровых северных стран. Это один из тех, чье имя мы высоко чтим, чье дело мы продолжаем сейчас, покоряя Север.

Сын орловского купца, опальный семинарист, арестованный за «противоправительственную пропаганду», позже вольнослушатель Киевского политехникума, сосланный за участие в студенческих беспорядках на поселение в Вологодскую губернию, В. А. Русанов всю свою сознательную жизнь посвятил Северу.

Он полюбил суровые приполярные края еще в ссылке, когда в его голове родился смелый проект соединения Печоры с Камой. Обширная записка Русанова по этому вопросу погибла в дебрях царских департаментов. После двух лет ссылки Русанову предложили покинуть Россию. Он уехал в Париж, поступил в Сорбонну. Бывший семинарист и кандидат в священники стал смелым и энергичным исследователем-геологом. Летом 1906 года его можно было встретить в Неаполе, на склонах Везувия, среди раскаленных потоков лавы, туч пепла, вылетавших из кратера вулкана. Рискуя жизнью, Русанов образцово

поставил исследования и представил прекрасный, полный точных наблюдений, отчет.

Французский путешественник Кандиотти пригласил его принять участие в экспедиции на Новую Землю. Русанов принял предложение. В 1908 году он пешком пересек северный остров Новой Земли с востока от залива Незнаемого на запад до Крестовой губы. Только после этого Русанов получил «милостивейшее» разрешение участвовать в русских полярных экспедициях. Три года подряд—в 1909, 1910 и 1911 годах—отправляется он к новоземельским берегам.

Первый раз в Крестовую губу Русанова доставил товаро-пассажирский пароход. Вскоре в километре от селения он нашел многочисленные пласты лигнита. Собранные им ботанические и геологические коллекции могли обогатить лучшие музеи мира.

Но экскурсии в окрестностях Крестовой губы не могли удовлетворить Русанова. Больше двухсот километров надо было пройти по открытому океану, чтобы достигнуть почти неисследованного полуострова Адмиралтейства. У Русанова была заготовлена шлюпка—плохая, почти сгнившая, старая посудина с разбитым килем. Несколько дней ее смолили и конопатили. На киль набили железные полозья, отодранные от саней. Шлюпка пошла вдоль берега. Шумел прибой, «то глухой, отдаленный, то сильный и резкий, как пушечный выстрел. Попади наше старое, с разбитым килем, суденышко в этот прибой, и я уверен, что оно разбилось бы в щепки с первым ударом волн» (Русанов). Холодный ветер пронизывал одежду. Брызги воды замерзали на лице. Иногда лодка черпала воду и, слабо погруженная, грозила опрокинуться.

Через несколько дней, добравшись до цели, усталый и вконец измученный Русанов заснул на камнях, в мокрой одежде.

В этом диком районе, сложенном из камня и льда, Русанов провел замечательные исследования. Ежедневно он уходил на несколько десятков километров вглубь островов. Утомительные экскурсии приносили много интересного. На карте появились новые заливы и проливы, озера, ледники и горы; коллекции пополнялись образцами горных пород и древних ископаемых.

Вернувшись в Крестовую, Русанов не застал там парохода. Тогда он предпринял смелый переход через Новую Землю на Карскую сторону. Снова целыми днями с лупой в руках на корточках ползал неутомимый исследователь по прибрежным скалам извилистого залива Незнаемого...

Через год архангельский рыбопромышленник Масленников предоставил Русанову для экспедиции свое новое парусно-моторное судно «Дмитрий Солунский». Семнадцать человек ушло

с Русановым в море. Они решили обойти вокруг Новой Земли. По дороге «Солунский» забросил в Крестовую губу лес для постройки становища. Затем начался поход. На двадцать четвертый день корабль обогнул северную оконечность Новой Земли—мыс Желания. Впереди, на северо-востоке море было чисто ото льда.

Русанова потянуло дальше к северу, в районы, где никогда до него ученые не изучали гидрологию моря. Судно отошло миль на пятьдесят к северо-востоку, но самый длинный лот, опущенный на двести метров... не достиг дна. Осторожно продвигаясь вдоль кромки льдов, обходя крупные льдины, «Солунский» повернул к берегам Новой Земли и бросил якорь в небольшом красивом заливе к востоку от мыса Желания.

Первый этап похода был окончен. Русанов и его товарищи стояли на границе того неизведанного района, куда, казалось, не захаживал культурный человек. Неожиданно на одном из мысов были обнаружены два очень древних опознавательных знака, растрескавшихся и почти сплошь поросших мхом. Никаких следов надписи. Кто их поставил? То ли отважный Баренц, зимовавший вблизи и погибший здесь в 1597 году, то ли бесстрашный охотник за китами Фламинг, дважды—в 1664 и 1668 годах—огибавший этот мыс, то ли полулегендарный Савва Лошкин, который якобы обошел Новую Землю в 1741 году. Никто не мог ответить на это. Ведь не исключена возможность того, что эти знаки бедствия и упования на «божью милость» поставили какие-нибудь безвестные мореплаватели еще более древних времен.

Исследователи долго и упорно искали место исторического зимовья Баренца, но найти его, к сожалению, не удалось. Пора было возвращаться. В это время дорогу к югу преградили льды. Попытка обойти их, взяв курс на восток, ни к чему не привела. Вернулись в залив, откуда лишь недавно вышел «Дмитрий Солунский».

На следующий день ветер перешел в шторм. Тридцатипудовый якорь не мог удержать корабль на месте. Судно бросало порывами ветра из стороны в сторону. Когда шторм стих, путешественники оказались в ледяной мышеловке. Из-за мыса тяжелыми плотными массами двигался лед. Он грозил закрыть выход. Если бы Тыка Вылка—постоянный спутник Русанова во всех походах—во-время не заметил этой грозной опасности, судно неминуемо погибло бы. Свободным между берегом и льдом оставался узкий проход. Пошли в этот пролив.

Очень часто узкую расщелину загромождали льды. Капитан не вылезал из бочки, привязанной к верхушке мачты. Тревожно

вздрагивал корабль при каждом ударе о льдину. Подозрительно трещала дубовая обшивка. Еще, казалось, один удар—и судно пойдет ко дну. Но Русанов мало обращал внимания на опасности. Все время он вел научные работы, замерял температуры, брал пробы на соленость с разных глубин, опускал драги. Испортился мотор. Нехватало продовольствия. Пока исправляли мотор, Русанов с Вылкой охотились. Они убили двух больших оленей.

На тридцать пятый день окончился смелый пятисотверстный путь вокруг Северного острова. 27 августа «Солунский» вошел в Маточкин Шар. Нехватка машинного масла и керосина помешала Русанову обойти заодно и южный остров.

В 1911 году Русанов снова на Новой Земле. Он открывает месторождение меди и серебра. Изучает оленеводство. Тысячу пятьсот километров прошел в том году Русанов по Новой Земле.

Весной следующего, 1912 года Русанова опять потянуло на Север. На этот раз неутомимый исследователь решил ехать на Шпицберген для обследования каменноугольных месторождений. На борту небольшой парусно-моторной шхуны «Геркулес», водоизмещением всего лишь в шестьдесят пять тонн, команда состояла из четырнадцати человек. В шпицбергенских бухтах экспедиция открыла богатые выходы каменноугольных пластов с запасом до четырех миллиардов пудов. Для окончания геологопоисковых работ и оформления заявок на угольные участки два участника экспедиции остались на Шпицбергене. Остальные—В. А. Русанов, А. С. Кучин—капитан шхуны, океанограф, участник экспедиции Роальда Амундсена к Южному полюсу, жена Русанова—студентка Сорбоннского университета, врач Жюльетта Жан, К. А. Семенов—механик, студент Политехнического института, штурман Белов, боцман В. Г. Попов и шесть человек команды—пошли к Новой Земле.

В Поморской губе Русанов пишет следующую записку:

«Телеграмма начальника экспедиции 1912 года В. А. Русанова, оставленная на Новой Земле в самоедской колонии Маточкин Шар 18 августа с просьбой отправить когда представится возможность, по следующему назначению: Петербург, Ждановка, Г. Стенкель. Юг Шпицбергена, остров Надежда. Окружены льдами. Занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направляюсь к ближайшим по пути островам Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы.

Русанов».

Эта записка открыла тайные помыслы Русанова. Повидимому, он решил пройти вдоль северных берегов Евразии на Дальний Восток. Следуя примеру поморов, проложивших в свое время торговые дороги в Великую Мангазею, Русанов осмелился штурмовать Северный морской путь на маленькой шхуне с керосиновым двигателем в восемнадцать лошадиных сил.

В лекциях и статьях Русанов издавна являлся горячим сторонником идеи Северного морского пути. Он считал, что этот путь проходит в обход Новой Земли с севера, вокруг мыса Желания. В одной из статей Русанов писал: «Я уверен, что на практике этот путь окажется короче и надежнее других путей, и если аксиома о прямой линии, как кратчайшем расстоянии между двумя точками, верна в геометрии, то она далеко неприложима к плаванию в полярных водах».

Это был 1912 год. Ледоколы не стояли цепочкой ледовых дозоров от запада на восток, готовые каждую минуту притти на помощь. Не было и северных радиостанций, не было службы погоды. «Геркулес» ушел в ледовую пустыню одиночкой-смельчаком. И если в наши дни даже шлюпочный поход из Владивостока в Мурманск является вполне реальной и довольно безопасной затеей, то двадцать лет назад замысел Русанова был дерзким и безрассудно смелым вызовом всей российской действительности. Понимая это, Русанов скрывал свои планы даже от товарищей по экспедиции, хотя на материке он взял годовой запас продовольствия и все подготовил для длительного путешествия.

1912 год был чрезвычайно тяжелым для северных мореплавателей. У берегов Северной Земли безуспешно боролись со льдами суда экспедиции Вилькицкого «Таймыр» и «Вайгач». Они так и не смогли прорваться в Карское море. Экспедиционное судно «Св. Анна» под начальством лейтенанта П. Л. Брусилова в Карском море было зажато льдами, вмерзло в лед и вынесено вместе с ним в Ледовитый океан, где и погибло.

Пропал без вести и «Геркулес». Записка, оставленная на Новой Земле, была последней весточкой о судьбе Русанова и всей экспедиции.

В начале сентября 1913 года из Архангельска сообщили, что в устье реки Печоры лоцманы видели полузатопувшее судно, по размерам походившее на «Геркулес». На нем, якобы, были обнаружены предметы женского туалета. Это сообщение произвело сенсацию. Проверить это сообщение не удалось, так как судно ветрами угнало в море и больше его не встречали.

Летом 1916 года ненец Густозерского округа Василий Талеев нашел на Тиманском берегу бутылку с запиской Русанова. Находка ничего не разъяснила в судьбе Русанова. Записка

была написана 13 июля, в ста двадцати милях от Нордкапа, по пути Русанова от Шпицбергена к Новой Земле.

Морское министерство организовало несколько экспедиций для розыска Русанова и Брусилова. Одно из них—«Эклипс» (ныне «Ломоносов»)—под командой известного норвежского полярника Отто Свердрупа зимовало в 1914/15 году у мыса Вильда (полуостров Таймыр), совсем недалеко от места, где нашел остатки русановской экспедиции бот «Сталинец».

Трехлетние поиски у берегов Таймыра не принесли ничего нового. Оставалось ждать счастливого случая, каким и оказались находки по берегу Харитона Лаптева.

Наиболее интересной была находка на острове Безымянном, в восточной части шхер Минина. В песке, в расстоянии около двадцати метров от береговой черты, были обнаружены: остатки истлевшей, разбросанной среди плавника, одежды, горная буссоль, пленочный фотоаппарат, ружейные патроны различных калибров, оленьи рога, кружка, две ложки, гребенки, металлическая оправа от кожаного портсигара и серебряные часы с инициалами В. Г. Попова—боцмана «Геркулеса». Под плавником была найдена мореходная книжка матроса А. С. Чукчина. В ней лежало несколько открыток на его имя и полуистлевшие листы бумаги, на которых ничего прочесть не удалось. Несколько в стороне, смерзшимся комком, в песке лежала справка, выданная матросу В. Г. Попову о его прежнем плавании на пароходе «Николай».

На возвышенной части острова, куда даже в часы наибольшего прибоя не могла добраться морская волна, вокруг плоского выступающего камня сохранились остатки какого-то примитивного шалаша. Рядом лежал разбитый ящик и разбросаны щепки. Промерзший грунт не позволил вести дальнейшие поиски, а время требовало ухода «Сталинца».

Завеса над судьбой отважной экспедиции Русанова была слегка приподнята. Очевидно, выйдя в Карское море, «Геркулес» где-то в районе берега Харитона Лаптева потерпел аварию. Участники экспедиции пешком отдельными группами пробирались на материк. Привал Попова и Чукчина, очевидно, и был обнаружен на острове Безымянном.

Много позднее мы узнали, что «Торос» не смог пробиться к берегу Харитона Лаптева. Окончательные розыски остатков экспедиции Русанова были отложены на последующие годы.

Прощаясь с торосчанами, разглядывая молодые, смуглые от загара лица, невольно вспоминаем слова Нансена:

«На деревянных судах должны плавать железные люди».
Ушел «Торос». Вскоре уходит и «Садко».
Теперь курс—прямо на Архангельск.

Вспоминается «Садко» в июньские или июльские дни. Разнообразнейшие грузы, ящики, тюки, бочки, коробки, сани, лыжи, палки, палатки, лодки забивали тогда палубу. Для того чтобы добраться в радиорубку или в кормовые лаборатории, людям приходилось перелезать через горы, обтянутые брезентом, лавировать между собаками. Солидные, уравновешенные люди, давно забывшие о днях своей молодости, с ловкостью акробатов балансировали на жирных, скользких бочках и досках, ежеминутно рискуя сорваться в море.

Потом стало легче. Ушли за борт ящики из-под окороков и копченых колбас. Уплыли в неизведанные дали боченки из-под сахара, галет и консервов. Люди приходили в кают-компанию и говорили:

— На корму уже можно пройти.

И это было событием.

Теперь «Садко» возвращается домой. Не узнать палубы милого, ставшего для нас родным, корабля. Люди выходят наверх и зовут соседа:

— Пойдем, погуляем у левого борта.

И гуляют. По-настоящему гуляют, прохаживаются вот так, просто без дела, никуда не направляясь, никуда не торопясь. Стало больше места, стало больше времени. Все тяжелые, кипучие, загруженные до отказа работой дни остались позади. Кончились станции, превращавшие людей в автоматы и заставлявшие их просыпаться каждые три часа, даже если не было станции. Не нужно больше стоять у лебедок под резким ветром, в качку, в снег, в пронизывающем сыром тумане. Люди выглядят свежее, бодрее. С гордостью рассказывают они, что сегодня проспали подряд (поймите—подряд!) десять часов.

Корабль напоминает сейчас квартиру, хозяева которой переезжают на дачу. В лабораториях, усеянных обрывками бумаги, ваты, пакли, на ящиках и сундуках сидят научные работники и тщательно запаковывают многочисленные банки, склянки, бутылки, пробирки, коробки, пакеты. Пробы и образцы укладываются в ящики, перекладываются соломой, ватой, бумагой. Десятки тысяч животных, растений, камней, кусочков земли находят временный приют в корзинах и ящиках, чтобы по прибытии на материк попасть на стол ученого, под микроскоп, скальпель или пинцет.

Впрочем, некоторые экземпляры не попадут в ящики. Уникальные пробы, полученные на океанических глубинах, перенесены в каюты. Они нашли место в самых сокровенных уголках чемоданов. Среди носовых платков и теплого белья повезут их научные работники в свои институты. Забота об этих пробах и заспиртованных животных вполне понятна. Ведь это—единственная в мире креветка! Это—единственный в мире бокоплав! Это—единственная в мире проба грунта!

Г. П. Горбунов в шутку предлагает В. Г. Богорову тысячу рублей за маленького красного рачка.

Они шутят, но какая огромная гордость в этих словах.

Больше времени—больше развлечений. Беспрерывно звучат радиопередачи из Москвы, Польши, Норвегии. Заступая на вахту, радисты неизменно передают через корабельную радиосеть излюбленную арию Периколы в исполнении Новиковой и «Карамболину» в исполнении Лазаревой. Голоса Новиковой и Лазаревой еле-еле просачиваются через хрипы и шумы заграннной пластинки...

На корабле пахнет Большой землей. В радиограммах звучат слова о дне встреч, поручения, просьбы привезти костюм, пальто, туфли. Скоро город, нужна городская одежда. Приводятся в порядок дневники. Люди записывают телефоны, адреса, уславливаются.

Замечательно пахнет Большая земля!

Миновали Канин Нос. Радисты передают рапорт Центральному Комитету ВКП(б)—товарищу И. В. Сталину, Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров СССР—товарищам М. И. Калинину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову:

«6 июля с Архангельского рейда вышла в плавание первая высокоширотная экспедиция на ледоколе «Садко». Сегодня экспедиция заканчивается. За 85 дней пребывания в море экспедиция прошла свыше 12 тысяч километров, из них 6000 за пределами восьмидесятой параллели, превысив таким образом по расстоянию все известные до сих пор походы свободно плавающих судов в высоких широтах Севера.

Работами экспедиции было охвачено пространство Полярного бассейна—от кромки гренландских льдов до северной оконечности Северной Земли—мыса Молотова, от восьмого градуса западной долготы до девяносто

пятого градуса восточной долготы. Советскими учеными собран исключительно ценный и важный материал, раскрывающий механизм процессов, происходящих в Полярном бассейне, дающий основу для прогноза условий навигации, реального планирования эксплоатации Северного морского пути, идея освоения которого была выдвинута гениальным Сталиным.

За время экспедиции проведено 107 комплексных океанографических станций. План научных работ выполнен за два месяца вместо намеченных трех с половиной—четырех. На всем пути прослежены теплые атлантические воды, согревающие Ледовитый океан. Изучены течения и льды Северной Атлантики, Гренландского, Баренцова и Карского морей и западной части Ледовитого океана. Собраны богатейшие коллекции животного и растительного царства Арктики.

Работами экспедиции границы изученной Арктики раздвинуты не только вширь—к высоким, неизведанным северным широтам, но и вглубь—до дна океана и ввысь стратосферы. Изучена вся толща воды и дно морей, вся толща атмосферы и нижних слоев стратосферы. Научные аппараты, сделанные на советских заводах, из советских материалов, по советским конструкциям, опускались на глубины до 3200 метров. Советские радиозонды поднимались до высоты 20 километров.

Среди многообразных работ экспедиции выделяется 51 наблюдение силы тяжести, сделанное впервые по водной поверхности в труднодоступных районах Арктики.

С карт земного шара стерто белое пятно между Землей Франца-Иосифа и островом Визе, где никогда еще не бывал ни один корабль. Здесь обнаружено обширное мелководье, в центре которого открыт остров. Открыто также три небольших острова у берегов Северной Земли. Исправлены карты северного побережья Шпицбергена, Земли Греэм-Белл, архипелага Франца-Иосифа и ряда островов.

Впервые в истории борьбы человечества за Арктику «Садко» удалось перешагнуть границу континентальной платформы, проникнуть к неприступным океаническим глубинам в сердце Полярного бассейна. Там собрана единственная в мире коллекция грунтов, животного населения и проб воды Ледовитого океана.

Стремясь разгадать тайну центральной части Полярного бассейна, садковцы на корабле, вырванном из пучи-

ны моря героическим краснознаменным Эпроном, достигли широты в 82 градуса 41 минута 6 секунд, установив тем самым мировой рекорд активного плавания в высоких широтах Севера.

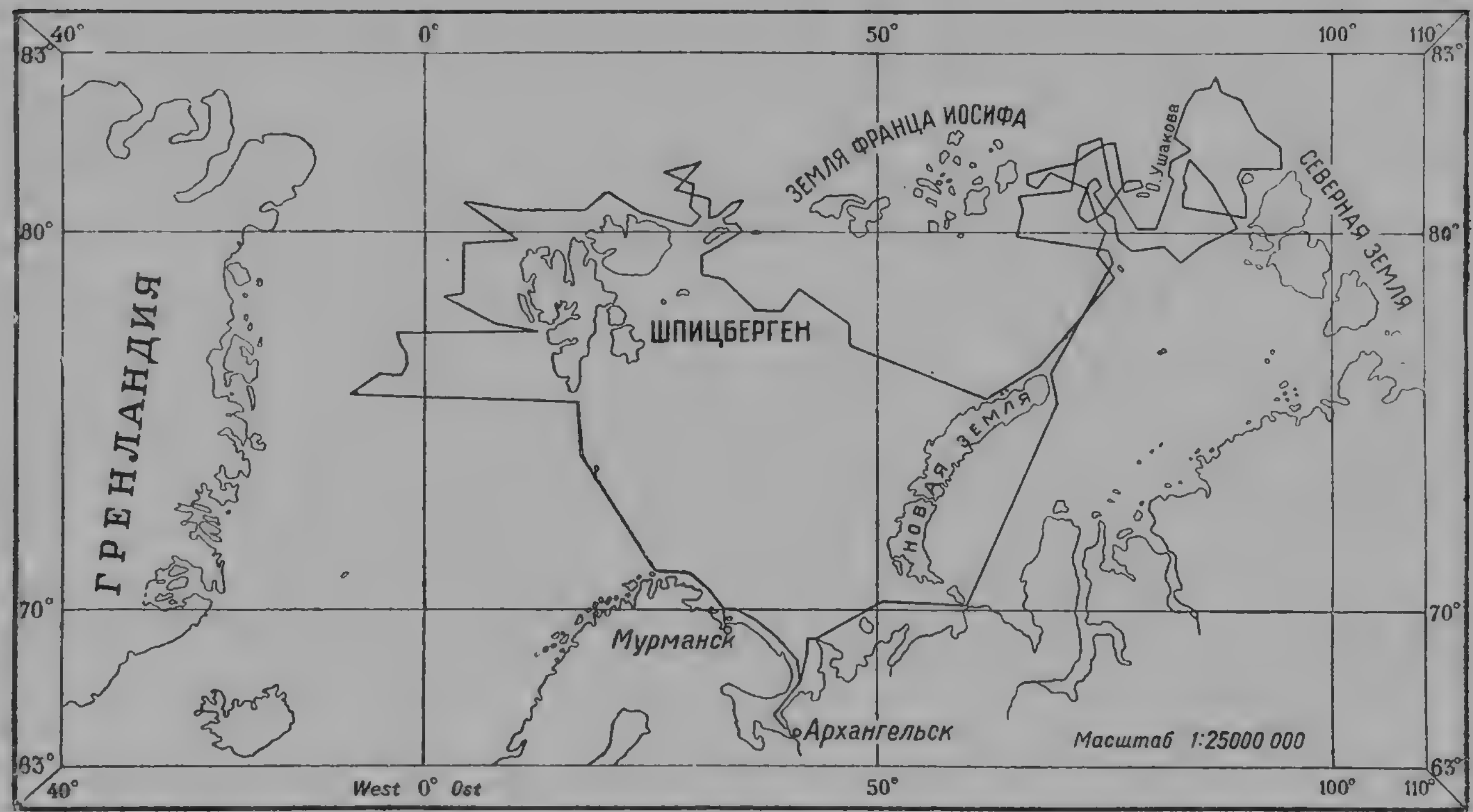
Разведанная карта Арктики расширена почти до 83-й параллели, т. е. предельной точки, достигнутой когда-либо управляемым кораблем. Там было поднято гордое знамя нашей прекрасной родины.

Задание, данное партией и правительством, высокоширотной экспедицией выполнено. Корабль возвращается в порт в полной исправности. Люди здоровы и готовы к новым походам.

Мы уверены, что этот опыт и знание, завоеванные нашей экспедицией, войдут необходимым звеном в плодотворную работу советских полярников, осваивающих великую сталинскую трассу Северного морского пути.

Сейчас ледокол входит в устье Северной Двины. У пловучего маяка наша радиостанция прекращает свои работы. Последней радиограммой, посланной с борта корабля, экспедиция приветствует гениальный штаб нашей великой матери-родины — Сталинский Центральный Комитет ВКП(б), приветствует вождя народов — великого Сталина».

Итак, поход окончен. Да здравствует Родина!


40°
0°
50°
100°
110°
83°
80°
70°
63°
ГРЕНЛАНДИЯ
ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА
О. Ушакова
СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ
ШПИЦБЕРГЕН
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
Мурманск
Архангельск
Масштаб 1:25000 000
West 0° Ost

Рейс «Садко»

ЦЕНА 7р. 50к.
ПЕРЕПЛЕТ 21 УГ.

Кг | В44
В